

European Journal of Literature and Linguistics

Nº 4 2016

«East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

**Vienna
2016**

European Journal of Literature and Linguistics

Scientific journal
№ 4 2016

ISSN 2310-5720

Editor-in-chief

Erika Maier, Germany Doctor of Philology

International editorial board

Akhmedova Raziyat Abdullayevna, Russia, Doctor of Philology
Belous Viktor, Ukraine, Ph. D. of Philology
Halipaeva Imperiyat Arslanbekovna, Russia, Doctor of Philology
Jasna Potočnik Topler, Slovenia, PhD of Literature
Khoutyz Irina, Russia, Doctor of Philology
Marszałek Paulina, Poland, Doctor of Philology
Montoya Julia, Spain, Doctor of Philology
Petrov Vasily Borisovich, Russia, Doctor of Philology
Tservadze Mzia Giglaevna, Georgia, Doctor of Philology
Vorobyova Olga Ivanovna, Russia, Doctor of Philology
Zholshayeva Maira Satibaldiebna, Kazakhstan, Doctor of Philology
Zhaplova Tatiana Mikhaylovna, Russia, Doctor of Philology

Proofreading

Kristin Theissen

Cover design

Andreas Vogel

Additional design

Stephan Friedman

Editorial office

European Science Review
“East West” Association for Advanced Studies
and Higher Education GmbH, Am Gestade 1
1010 Vienna, Austria

Email:

info@ew-a.org

Homepage:

www.ew-a.org

European Journal of Literature and Linguistics is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the “East West” Association GmbH home page at: <http://www.ew-a.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

East West Association GmbH is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

Included to the open access repositories:

© «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, Austria on acid-free paper.

Section 1. Linguistics

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-16-4-3-6>

*Vasilishina Elena Nikolaevna,
Karagandy Academy of the Ministry of Internal Affairs
of the Republic of Kazakhstan named B. Beisenov, lecturer
E-mail: helen-vasilishin@mail.ru*

Atypical stylistic devices in journalistic texts

Abstract: In the article talked about stylistic changes in publicism text, that happened in latter days. Adopted the basic receptions of atypicalness: subjectivity, voluntativeness, democratization of style of exposition, enhanceable visualization of text.

Keywords: atypicalness, visualization, voluntativeness, epistolaryness of exposition, compressionality heading.

*Василишина Елена Николаевна,
Карагандинская академия МВД Республики Казахстан
имени Баримбека Бейсенова, преподаватель
E-mail: helen-vasilishin@mail.ru*

Стилистические приемы атипичности в публицистическом тексте

Аннотация: В статье говорится о стилистических изменениях в публицистическом тексте, которые произошли за последнее время. Основными приемами атипичности названы: субъективность, волюнтаривность, демократизация стиля изложения, повышенная визуализация текста.

Ключевые слова: атипичность, визуализация, волюнтаривность, эпистолярность изложения, компрессионность заголовка.

Индивидуализация, повсеместное выражение собственного «Я», плюрализм точек зрения на предмет обсуждения — эти факторы на сегодняшний день сопровождают все сферы человеческой деятельности. Всеохватность влияния СМИ, в частности публицистики, способствует изменениям всех пластов литературного языка, в нем формируются основные идеологемы, которые «тиражируются СМИ и затем «оседают» в массовом сознании» [1, 269]. Демократизацией языка СМИ характеризуются современный этап развития публицистики, которая проявляется в отсутствии стереотипизации, свободе мышления и реализации в тексте посредством собственного выбора языковых средств, в которые автор облакает мысли.

Язык публицистики становился объектом исследования в работах таких авторов, как: О. В. Александрова, М. Н. Володина, А. Н. Кожин, Г. Я. Солганик, Ю. С. Степанов и др. Стоит отметить, что работы названных исследователей носят в основном теоретический характер, в то время как целью нашей статьи является выявление приемов атипичности в текстах публицистического стиля.

Некоторые работы отражают сравнительно новую тенденцию публицистики, наметившуюся в последние десятилетия, — визуализацию повествования (Р. Арнхейм, В. М. Березин, С. Л. Васильев, С. И. Галкин и др.), под которой понимается сопровождение посредством рисунка, любого другого изображения при подаче информации, способствующее лучшему ее усвоению.

Не вызывает сомнения тот факт, что активное внедрение визуализации в публицистический текст способствовало оперативности восприятию и пониманию текста. Используя в качестве визуального сопровождения рисунок, карикатуру, текст получает иное прочтение, зачастую дополняя смысл и являясь катализатором имплицитной авторской позиции. Таким образом, визуальное сопровождение является смысловым дополнением основного текста, передающим и эмоциональное состояние автора.

Основной функцией работы СМИ является информационная, которая ориентирована на освещение событий сквозь призму конкретного автора. События, находящие свое отражение в СМИ, должны обладать таким важным качеством, как актуальность. То есть освещаемое должно быть, прежде всего, общественным явлением, что значит происходящим в обществе, отражающим ту или иную тенденцию в жизни общества.

Другим свойством текста СМИ является субъективность излагаемых событий, которая понимается широко: одно и то же событие может быть описано по-разному. Это детерминировано общей концептуальной направленностью данного издания в плане освещаемых событий и специфики целевой аудитории. Волюнтаристичность — еще одна речевая стратегия СМИ — находит свое выражение в воздействии на сознание, поступки людей, так как «подавляющее большинство граждан не желают тратить ни душевных и умственных сил, ни времени на то, чтобы просто усомниться в сообщениях. Пассивно окунуться в поток информации гораздо легче, чем критически перерабатывать каждый сигнал» [2, 21]. В этой связи, СМИ выступает как средство манипуляции человеческого сознания и мышления, посредством которого внедряется определенная программа действий и образа мыслей.

В работах по анализу СМИ отмечается, что любой жанр, в первую очередь выполняющий информационную функцию, базируется на освещении определенного события. Функциональной обязанностью журналиста-информатора является оперативная передача наиболее важных событий с указанием места и времени. Однако категория события становится во главе угла не только в рамках СМИ, но и в материалах аналитического и художественно-публицистического жанра, где предназначение события несколько иное — его художественное осмысление [3].

Изменения в языке (излишняя демократизация стиля изложения, практически полное отсутствие цензуры и др.), в спектре освещения событий (стремление проникнуть в интимную сферу человеческой

жизни и отношений, сфокусировать внимание читателей на отдельных, требующих детальной проверки фактах, формулирование далеко идущих выводов) — все эти признаки современных СМИ стали концептуально значимыми, без которых не может сегодня существовать востребованное печатное издание. Особая содержательно-репрезентативная функция, создающая цельность публицистического произведения, принадлежит заголовку, на который в первую очередь обращает внимание читатель, начиная знакомство с любым жанром публицистического стиля. Исследователями заголовка отмечается, что он способен выполнять несколько функций: компрессирующую — вбирающую в себя содержание текста и позволяющую дешифровать текст [4]; разграничительную — отделяющую одно произведение от другого [5]; воздействующую [6].

Говоря о современной письменной журналистике, необходимо констатировать отсутствие некогда константной ее характеристики — объективности, «реализуемой на практике в первую очередь посредством плюрализма мнений — на страницах печатных изданий, в радио— и телеэфире. Сам плюрализм может формироваться как при наличии различных взглядов на окружающую жизнь, присутствующих в одном СМИ, так и благодаря всему многообразию средств информации, создающих в совокупности многовекторное восприятие повседневной жизни» [7]. Причем, зачастую объективность имплицитно репрезентирует субъективное мнение автора посредством третьего лица — некоей личности, освещающей собственное мнение, полностью совпадающее с мнением автора статьи/заметки.

Г-н президент, читая это письмо, вы будете восхищены. Возможно, даже начнёте аплодировать. Письмо замечательное, умное, совершенно точное и очень патристическое. Жаль только, что мы тут ни при чём. Мы на этот раз — просто почтовый голубь: несем вам чужие слова.

Их произнёс американский профессор на экономическом форуме в Питере. <... >

Слова автора статьи приведены, как мы видим, лишь в самом начале статьи, далее он полностью цитирует текст другого человека — субъекта. Ироничность такого приема проскальзывает в словах самого автора: Жаль только, что мы тут ни при чём; мы — <... > просто почтовый голубь.

Эпистолярный жанр в современной публицистике используется крайне редко, однако автору статьи такого рода повествовательный ход позволяет, обращаясь напрямую к адресату, на правах друга-ком-

муниканта высказать собственную позицию в отношении социально-значимых событий, происходящих в стране. Текст статьи делится условно на две части, графически отображенных: жирным шрифтом — эпистолярная часть; обычным — слова другого субъекта.

Визуальные особенности текста статьи выражают двуплановость: с одной стороны, слова призваны передавать смысловое пространство текста; с другой стороны, шрифт, который передает коннотацию текста (настроение, усиление, либо ослабление значения). Выделение отдельных блоков шрифтовым способом усиливает семантическую нагрузку выделенного фрагмента. Причем для текстов общественно-политической направленности предпочтительнее простота в оформлении статьи, так как основной упор делается на содержание, а не на визуальное оформление текста. В анализируемой статье данный принцип нарушается, что может свидетельствовать об иной авторской цели — продемонстрировать собственную позицию в отношении излагаемых событий.

Визуализация может быть реализована и в другом — в использовании рисунков, фотографических изображений, инфографики (карт, диаграмм, таблиц, графиков, матриц, планов, структур и блоков-схем), типографики, простейших графических символов [8]. Из приведенных выше видов визуализации текста в анализируемой нами статье используется рисунок-карикатура, суть которой сводится к высмеиванию посредством преувеличения такой черты человеческой натуры, как неумение до конца реализовать собственную цель. Данная карикатура не несет какой-либо новой информации, не содержащейся в основном тексте, а лишь усиливает эмоциональное наполнение. Так как текст принадлежит публицистическому стилю, то карикатура здесь как нельзя более уместна, освещающая актуальную для общества проблему.

Известно, что информация в СМИ должна привлекать внимание и вызывать интерес читателя. С этой целью автор излагает ее от лица авторитетного источника.

Их произнёс американский профессор на экономическом форуме в Питере. На форуме вы были, но на выступлении профессора Грэхэма вас не было; может, и к лучшему: все чувствовали себя свободно. Ваш многолетний соратник Греф слушал внимательно, улыбался и кивал в знак согласия. Да и как тут не согласиться?

В приведенном выше фрагменте текста газетной статьи имеются следы субъективной позиции автора, репрезентированные собственной оценкой излагаемого: <...> *может, и к лучшему: все чувствовали себя свободно.*

Указание на авторитетное лицо — Германа Грефа, занимающего пост президента и председателя правления Сбербанка России, описание его положительной реакции на переданные автором слова профессора Грэхэма — все это должно свидетельствовать о несомненной правдивости сказанного для президента страны.

Модальность, формирующая отношение автора к излагаемым событиям, на синтаксическом уровне проявляется в использовании однородных сказуемых с повтором основной глагольной формы — *говорили*. Такого рода однородные конструкции вносят в текст статьи усилительный эффект — неоднократности действия и отсутствие результативности.

*Тысячи людей **говорили** это властям царской России, **говорили** в СССР, **продолжают говорить** лично вам.*

Использование помимо повествовательных восклицательных и вопросительных предложений свидетельствует о высокой эмоциональности излагаемого. Причем, вопросительное предложение предполагает риторичность вопроса, целью которого не является задать вопрос, а скорее выразить негодование.

Сколько писем мы вам об этом написали! А что толку?

На морфологическом уровне использование форм прошедшего и настоящего времени одного и того же слова демонстрирует постоянное одновременное действие субъекта.

*Сотни тысяч учёных **уехали** и **уезжают** просто потому, что не могут здесь воплотить свои идеи.*

Включение в речь междометий — *ура! ура!* — также является показателем высокой эмоциональности в изложении информации. Усиливается эффект особого эмоционального подъема восклицательным знаком в конце этого же предложения.

*Товарищ Сталин на третьей минуте выступления Грэхэма наградил бы его орденом Ленина за то, что этот американский профессор признал — **ура! ура!** — наш приоритет в изобретении радио и электрической лампочки!*

Таким образом, субъективное начало публицистического текста становится базовым признаком современного печатного издания, при этом адресат и его эмоциональное состояние в момент прочтения текста любого жанра публицистики отходит на второй план. Тройная функциональность публицистического текста предполагает включение следующих составляющих: информационная, оценочная и стимулирующая. Первые две функции тесно взаимосвязаны и ориентированы не просто на доведение до целевой аудитории

каких-либо актуальных сведений, а передачу посредством текста субъективной точки зрения на предмет изложения. Зачастую оценка перемежается с навязыванием собственной позиции, определенного ракурса понимания ситуации, описанной в тексте. Стимули-

рующая функция объективирует определенный ход мыслей читателя на основе содержательной структуры текста. Причем стимуляция носит тонкий психологически воздействующий характер, способствующий выработке у читателя определенной позиции.

Список литературы:

1. Клушина Н. И. Общие особенности публицистического стиля // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / Отв. ред. М. Н. Володина. – М., – 2003. – С. 269–289.
2. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М.: Изд-во: Эксмо, – 2005. – 832 с.
3. Засорина Т. Профессия – журналист. – Ростов н/Д.: Феникс, – 1999. – 318 с.
4. Кубанова А. З. Субстантивное словосочетание как единица синтаксической номинации в роли газетного заголовка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Таганрог, – 2007. – 16 с.
5. Лютая А. А. Современный заголовок: структура, семантика, прагматика: дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, – 2008. – 164 с.
6. Верещинская Ю. В. Испанский газетный заголовок: лингвопрагматический и национально-культурный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., – 2013. – 22 с.
7. Стровский Д. Объективность информации как необходимое условие журналистского познания. – 2004. – № 8 [98] // <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=237&level1=main&level2=articles>
8. Шевченко В. Э. Визуальный контент как тенденция современной журналистики // Медиаскоп. – 2014. – № 4. – URL: <http://www.mediascope.ru/node/1654>

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-16-4-6-9>

Gasimova Naila,

Huseynova Farida,

Azerbaijan State Oil and Industry University

E-mail: nailya.gasimova@gmail.com

How to learn trust and confidence when we write letters, reports, email messages or other business documents

Abstract: Every business letter is written to a purpose; each has its own special aim, and one of the features of this paper is its use of explanation to show how the various letters set out to achieve their aims. Most people don't really notice the quality of the writing they read—they simply react positively, negatively, or not at all. But if there's a better way to write, why not to use it! In the article some useful rules for written communication are described in order to gain yourself a great advantage—you put your personality and individuality into your writing. This will help you to stand out more and make a greater connection with your reader.

Keywords: written communication, writing style, building relationships, concise language, sentence construction, interaction, skill.

1. Introduction.

Talking to someone face-to-face, you have a lot of visual clues to help you—your tone of voice, gestures, movements and eye contact. May be it is unfair, but in the everyday world we are judged and influenced by all these criteria, and more—even our occupation, status, dress and the way we look. And like it or not, it's through the way we speak and look that we earn trust and confidence.

We don't have all these visual cues in written communication. How can we earn trust and confidence when we write letters, reports, email messages or other business documents? In written communication you have to find other ways to evaluate the person who is writing.

People do that by looking at “style”. Style means paying attention to proper spelling, punctuation and sentence construction.

Style also means:

- Being creative in what we write and how we write;
- Making our communication look visually attractive by leaving a line space between each paragraph;
- Using numbered points or bullets appropriately;
- Using headings of a consistent style;
- Considering the appropriate tone in your writing;
- Structuring your messages logically;

We first have to change the way we wrote earlier. Let us name points we have to change in our writing.

- We have to get straight to the point, using everyday language instead of beating about the bush with old-fashioned, useless phrases;
- Our messages have to be structured more logically so the reader can clearly see the action needed;
- We have to try to avoid the passive phrases that we used to use, like *Please be informed, Kindly be advised, Please find attached*, etc.
- We have to seem more approachable because our language is less formal and much friendlier, as though we are having a conversation.

When conducting business today, using language effectively will go a long way towards achieving positive results. Good communicators go to considerable trouble to become competent in the English language, and it's often achieved gradually through a life-long learning process. Time, patience and hard work will bring enormous rewards and satisfaction, not to mention great results.

The language used in business today should be simple, courteous, relaxed and straightforward. Some of the key reasons why we need to work on our language in all your written communications are emphasized throughout this article. They are:

1. To establish relationships. People get an impression of us from the first email they receive, so it's important to make a connection by using appropriate words and phrases. For example, "We spoke" or "As spoken" will not have the same effect on our reader as "Thanks for your call" or "It was great to speak to you".

2. To communicate our ideas precisely. Using unsuitable or incorrect expressions, or a long-winded writing style, will not give the reader the right meaning or the right impression. It will only lead to misunderstandings and lengthy correspondence to clarify.

3. To convey a good impression. Concise, accurate, clear language will fill the reader with confidence. Careless or inaccurate expressions will do the opposite. Readers may question if such carelessness will extend to other business dealings to.

The article will help you to create a great writing style that will build trust and confidence in all your relationships. It contains a great number of tips for better business writing.

This article is useful for:

• **executives and managers who regularly compose their own correspondence.** Many managers now compose their own correspondence on their desktop, laptop or notebook. These ready-to-use documents can be copied or adapted to meet your precise needs. They will help you to say what you want to say and achieve the desired results. You will be able to save time and do your job better, more effectively and easily, without scratching your head for ages thinking about where to start or what to write.

• **Overseas users.** Overseas users will appreciate the value of this comprehensive resource article. It will be especially useful in dealing with international business transactions using modern business language.

• **Students and lecturers.** Students following a business, professional, secretarial or administrative examination course often need to compose business letters and other business documents.

How is the article organized?

We have organized the article so that you can hop around to the topics that interest you. You will find some inspiration to get you started and some useful tips to help you finish the task very easily.

1. An overview.
2. Building relationships.
3. Sentence construction matters.
4. Business writing basics.
5. 21-st century business language.

2. Communication: an overview.

Many years ago snail mail was the only mail. Telex was the main method of sending a message over any distance. The introduction of fax made a big difference to the speed with which we communicated. Then along came email and instant messaging. Our working environment is in a constant state of change, and no doubt that will continue at an even faster rate. We need to work even harder on our communication skills because of some reasons:

• **Advancing technology.** The Internet, email, fax messages, voice mail, instant messaging, teleconferencing, videoconferencing, wireless devices-all this technology has transformed the way we communicate. We can work together whether we are at home, at an airport or in the office due to modern technology. We can be in Azerbaijan and work together with people in Sydney due to advanced technology! With every phone call or email, our communication skills revealed for everyone to see.

• **Global communication.** More and more businesses are now working on a global scale across national boundaries. Many people now work for multinational companies, and today's workforce all over the world now includes increasing numbers of people from different ethnic backgrounds. If we are able to communicate effectively in this environment, we must understand other people's backgrounds, beliefs and characters.

• **The information age.** With an increase in the amount of information in today's business world, we must be able to make quick, effective decisions based on the information we receive. We must also know how to find, assess, process and communicate information efficiently and effectively. With so much information available today, it is a constant challenge to get our recipient's attention so that they will read and act appropriately on our message.

• **Team-based business environments.** In today's fast-paced business world, the traditional management hierarchy has changed, and team working is now in vogue. In such a team –based environment it is important to study and understand how groups work together. We must learn to listen and watch other people carefully so that we interpret all the non-verbal cues we receive.

3. Building relationships.

Nobody has a job that requires them to work alone. We must all interact with various levels of staff—with bosses, managers, supervisors, colleagues and co-workers, and with junior staff. The key to our success in our job and career will not be gaining more paper qualifications. Our success will depend on our ability to develop relationships.

Communication is our lifeblood, and it's the lifeblood of any organisation. Excellent communication skills are probably the most important career and personal skills we can possess. But people aren't just "born" writers or speakers. The more we write and the more we speak, the more our skills will improve.

Improving our communication skills will put us ahead of other people when it comes to getting a job, gaining promotion, even just getting our job done. More importantly, developing our communication skills will help us to build successful relationships both personally and professionally.

Every day we interact with dozens of people, whether it's on the phone, face to face, along the corridor, in the lift, in group discussions, meetings, or of course in writing. All outcomes are determined as a result of interactions with others. If people avoid us, it will be impossible to get work done. Our professional effectiveness at work will largely, therefore, depend on how much people are willing to interact with us.

Seven key factors to building great relationships:

• **Be courteous.** Courtesy is the oil that keeps the engine of any relationship running smoothly.

• **Find common interest.** Making an effort to get to know our colleagues or clients we can then build on commonalities.

• **Build credibility.** Credibility comes with transparency, engagement and honest hard work.

• **Make others feel important.** One of the most fundamental rules of developing relationships is to respect other people's feelings.

• **Show humility.** Interestingly, very often the higher people rise and the more accomplishments they have, the higher their humility index.

• **Listen actively.** Take an interest in other people by listening to them.

• **Be empathic.** Empathy is all about getting to know people and understanding how they feel.

Successful people consider relationships not as a means to an end, but to get a job done. Strong relationships create loyalty, build trust and instill confidence, and are ultimately the key to success.

4. Sentence construction matters.

It is very important to use full sentences or get our grammar right—both orally and in writing. Any error leads to misunderstanding, confusion and breakdown in communication. Incorrect punctuation or grammar can also lower our credibility.

Many people make grammatical mistakes because they do not understand the rules properly, or simply through carelessness.

• Remember that becoming a good communicator is a life-long learning process. It won't happen overnight.

• Enhance your credibility by paying attention to grammar and sentence construction.

• Get to know the various parts of speech and how they work together.

• Get your sentence structure right, and make sure your verb matches your subject.

• Read sentence out loud to hear pace and rhythm, and help you get the punctuation in the right place.

• Keep your sentences short.

• Convey an impression of efficiency by using clear, concise, accurate language.

• Make a great first impression from the very first email you send.

5. Business writing basics.

Have you ever wondered why you didn't get the reply you wanted after writing a message?

Whoever you are and whatever you write, your writing can often mean the difference between success and

failure. If our writing is full of standard template phrases that show no feeling and no personality, we are telling our reader we can't be bothered. Such wording also comes across as much more formal and insincere. Today's readers want to see your personality, your passion, your enthusiasm, instead of boring, stock phrases that are decades old.

This is the most important part for us if we want to learn how to become a better business writer. Effective writing can help us to achieve our goals, influence people to our viewpoint. Effective writing can also help us to be a better leader and build relationships. This will ultimately be the key to our success.

6. 21st century business language.

In the middle of the 20th century, business was conducted in a much more impassive, formal way than it is today. The writing that evolved then became very formal. Writers used long-winded, quite overbearing language. They thought they would impress their readers. Passive voice was used extensively, putting a distance between a writer and the reader.

Business today is conducted in a very informal way. In meetings and conferences we use a natural, more relaxed, friendly language rather than unnatural, formal language that was used before. Nowadays we more use active voice to get the point quicker. The aim in business in general is to develop relationships first, and this can be done through connecting well and using appropriate language.

The language used in our writing today should be simple, courteous, relaxed and straightforward, quite conversational. Here are some of the key reasons why we to relax our language in all our written communications:

- **To establish relationships.** People get an impression of you from the first email they receive, so it's important to make a connection by using appropriate words and phrases. For example, "We spoke" or "As spoken" will not have the same effect on your reader as "Thanks for your call" or "It was great to speak to you".

- **To communicate your ideas precisely.** Using unsuitable or incorrect expressions, or a long-winded writ-

ing style, will not give the reader the right meaning or the right impression. It will only lead to misunderstandings, confusion and lengthy correspondence to clarify.

- **To convey a good impression.** Clear, concise, accurate language will give an impression of efficiency, and will fill the reader with confidence. Careless or inaccurate expressions will do the opposite. Readers may question if such carelessness will extend to other business dealings too.

Seven deadly sins of today's business writing:

1. Redundant expressions;
2. Long-winded words and phrases;
3. Passive voice;
4. Yesterday's language;
5. Writing differently to how we speak;
6. Commas instead of full stops;

7. Thank you and Regards. Why do so many people need to say "Regards" or "Thank you" at the end of a message? Thank you for what? For reading my email? If you have something to thank the reader for, you might consider ending with "Thank you for your help", "Thank you for your patience", "Thank you for your understanding" or something similar.

7. Conclusions.

So what's the secret of composing good business messages in plain English? It's really no secret at all. If you want to be understood, you must use simple language, and put your message across in a natural way, using a courteous style, and using language you would use if you were speaking. We have to show a genuine interest in our reader and his/her problems. The tone of our writing must be appropriate, the language must be modern; we have to avoid nominalisations (using a noun instead of a verb), we have to use positive language and we must be consistent. We need to be able to transfer thoughts and ideas from ourselves to another person. To do this effectively, we must put ourselves in the place of the reader and imagine how they will accept what is written in the tone used. We must anticipate the reader's needs, wishes, interests, problems, and consider the best way of dealing with the specific situation.

References:

1. Jack E. Appleman. "Ten Steps to Successful Business Writing", - January 13, - 2008.
2. Neil Taylor. "Brilliant Business Writing", 2nd edition.
3. Lynn Gartner -Johnston. "Business Writing with Heart", - 2014.
4. Andrea B. Geffner. "How to Write Better Business Letters", - 2007.
5. Michael Muckian, John Woods. "Business letter Handbook", - 1997.
6. Diane Larsen-Freeman. "Grammar Dimensions", Platinum edition. Book 3., - 2000.

Yermakova Nataliia,
Zaporizhzhia National University
postgraduate student, the Faculty of Foreign Philology
E-mail: yermakova.natasha@gmail.com

Eurysemy vs Polysemy

Abstract: The article is devoted to define the criteria of differentiation of two disputable linguistic phenomena: eurysemy and polysemy. Some scholars consider eurysemy to be an individual lexico-semantic category, others though admit its difference from polysemy, but actually look at these phenomena as at the same one.

Keywords: eurysemy, wide meaning, invariant, contextual dependence, polysemy.

First of all it should be stated that the problem of relations between eurysemy and polysemy exist. Moreover whereas some scholars consider those two phenomena to be quite different lexical ones, others though see these oppositions but actually look at them as at the same phenomenon. Such situation proves that the status of eurysemy is no clearly defined.

As a rule, some researches think that eurysemy and polysemy coexist in the semantic structure of the words, namely substantives. Interrelations between those phenomena are as “part and whole”, “quantity and quality”, at the same time it is stressed that eurysemy differs from polysemy in the respect that the latter is characterized by more than one lexico-semantic variants (hereinafter referred to as LSV) whereas eurysemy is the internal characteristics of any LSV. Such “cohabitation” of those two phenomena within the framework of one lingual unit gives grounds to state that eurysemy as a rule accompanies so to say polysemy and even crosses with the latter. E. g., the structure of the polysemantic English substantive *way* is made up by eight LSV but only two of those meanings can be called eurysemic [1, 11].

On the other hand if we take into consideration the coexistence of eurysemy and polysemy we can say that these phenomena are to be appraised as correlations between wide notional (conceptual) basis with specialized meanings which originated on this basis. As an example of such correspondence the scholars provide us with such specialized meanings as “the body of a ship”, “the body of a vehicle” which were created on the basis of the main meaning of the English word *body* [2].

That fact that the euryseme (the word of wide semantics) possesses one significative meaning which expresses very wide concept allows some researches to connect wide meaning phenomenon with single meaning. The idea is that the wide meaning of a word is basic, main and very often the only one, and thus the words of

wide meaning are to be associated with single-meaning ones [3, 27; 4].

In some cases eurysemy and polysemy are not differentiated at all, since in both cases i. e. in the words with several meanings connected in a whole (in polysemy), as well as in the words with one meaning which actually unites a number of semantic variants, i. e. in a eurysemic word one can see not such phenomena as polysemy and eurysemy but only two basic types of polysemy.

The latter (which can be called the “polysemants”) can be singled out if we take into consideration the differentiation between the parts of speech researched:

- substantives with indefinite polysemy i. e. with very cognate meanings (this kind of polysemy is a characteristic feature for abstract nouns);
- substantives with clear-cut, contrasting meanings (this kind of polysemy is a characteristic feature of concrete nouns) [5, 9].

In spite of the general accepted idea that the phenomenon of polysemy and eurysemy are principally different ones, in some cases we can observe the attempts to define the common features, to be characteristic of both: the words with wide semantics (eurysemic) and of polysemic words. One of such common features to be peculiar to eurysemic and polysemantic words some scholars call *polydenotation* i. e. the capability of the lexical unit to denote a wide range of the phenomena and objects of surrounding world. Thus eurysemic unit *thing* has “limitless number of objects” (it is reflected in general notion about an object), and eurysemic word *eye* nominates different objects of the surrounding world, namely 1) the organ of sight; 2) sight hole; 3) needle eye; 4) eyelet etc. [6].

Quite different perspective is expressed in the idea that *polydenotation* is peculiar to polysemic words only, since the correlation with more than one denotes indicates different meanings of the lingual units. The advo-

cates of this point of view stress that one object denoted refers actually to more than one objects. Such objects represent in fact a variety of orderly-arranged elementary senses. Since the object denoted correlates with the corresponding notions, the reference to other notions means that the lingual unit has a different meaning [7, 85].

Our opinion is that *polydenotation* is really characteristic feature of both eurysemic and polysemantic substantives. But both nouns demonstrate different ways of conceptual reflection of reality. If we take a polysemantic word, we can see that it is able to conceptualize different reference in more than one way and each referent is conceptualized separately. Which is why every special meaning of a polysemantic word is realized in its context and, correspondingly, through its referential relations.

In this respect we deem it to be quite logical, when scholars advocate such an idea that “any LSV of a polysemantic lingual unit represents a rather independent really existing lingual sign with an autonomous significative and denotative meaning” [8, 12]. At the same time a eurysemic unit correlates with a number of different referents, with the latter being conceptualized as a whole, to be characterized through very wide features.

More feasible arguments are given when eurysemy and polysemy are opposed. The differential features are represented by different combinations and from time to time are supplemented by new traits. At the same time, it is quite possible to single out some basic characteristics to differentiate those two phenomena. Among them we can note the followings:

- a euryseme possesses one wide general even abstract meaning which can be called *invariant* [9; 10; 11]. Such meaning is correlated, as it is stressed by the researchers, with the notion of *wide volume* [12; 13; 14; 15]. Whereas the meaning of a polysemantic word renders different notions through its LSV. At the same time we can say about “presence/absence” of archi- and differential semes in the meaning of eurysemic words [16];

- the *integrated semantic structure*, unique meaning, i. e. “one notion” reflection, the absence in its semantic structure a stable basis for specialization of meaning of a eurysemic sign whilst the semantic structure of a polysemantic word could be considered to be a fragmental one [17; 16];

- *contextual dependence*: the lingual use of a polysemantic word excludes all its meanings but one, realized in a given context, while any context or situation tend only to

concretize but not to change the wide meaning of a unit, let alone eliminating it. A wide meaning of euryseme is to be a basis for any specialized one, considering that in any speech situation only direct and not transferred meaning is realized [18, 176–188];

- the absence of semantic derivation in eurysemic meanings vs derivational hierarchy in a polysemantic word: polysemy originates, majorly, at the result of metaphoric and metonymic mechanisms, whilst eurysemic signs enrich the semantic structure due to raising the level of abstraction as far as the meaning is concerned, which actually means the denotative limitation [17; 6; 4];

- the transference phenomenon which originates polysemy, since, firstly such mechanism is connected with the “concept wideness”, is an obstacle to create an indefinite object correlation which is the basic of a transference of meaning; secondly, the transference of meaning is supposed to “envisage” the so called “figurative concreteness” of thinking whilst in the case when we deal with eurysemic units the level of lexical abstraction reaches its highest points [19; 3];

- the existence of *hypero-hyponimic relations* between eurysemes and other words of one lexico-semantic group [20; 19–21]. It explains that polysemantic unit has not and eurysemic one has the reference function or the function of substitution that in its turn is related with the polyfunctionality of the latter: on the one hand, it means the direct and indirect nomination and, on the other hand, the ability to fulfill lexical and grammatical functions;

- *high potential of combinative power* (lexical, syntactical) due to which eurysemes can combine with an almost limitless number of categorically different lexemes; having, at the same time, one invariant meaning [22, 183].

Such variety of viewpoints on the correlation of eurysemy and polysemy indicates that though scholars recognize the interrelation of them as well as the presence of their general parameters (e. g. such as polydenotation), they interpret that correlation in different ways: from the complete opposition to the integration of these phenomena to one of them, notably to polysemy or eurysemy.

It should be noted that some researchers single out their own criteria of differentiation of polysemy and eurysemy, as to the approaches to the latter. As concerns our study, we should mention that in general eurysemy and polysemy are considered to be correlated but not identical phenomena.

References:

1. Димова С. Н. О полифункциональности слова с широким значением (на материале английского существительного way): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., – 1972. – 22 с.

2. Уфимцева А. А. Типы словестных знаков. – Изд. 3-е. – М.: Едиториал УРСС, – 2011. – 208 с.
3. Горшкова К. А. Имя существительное широкой семантики thing в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. – Одесса, – 1973. – 115 с.
4. Гросул А. Я. Широкозначные глаголы динамического состояния в английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04: защищена в Институте языкознания АН СССР. – Кишинёв, – 1977. – 137 с.
5. Гарипова Н. Д. Наблюдения над смысловой структурой многозначных слов разных частей речи // Исследования по семантике. – Уфа, БГУ, – 1977. – С. 90–97.
6. Колобаев В. К. О некоторых смежных явлениях в области лексики (к вопросу о соотношении полисемии и широкозначности слова). – Ин.яз. в школе – 1983. – № 1 – С. 11–13.
7. Гришанова В. Н. К вопросу о критериях разграничения значений полисемантических фразеологических единиц // Русский язык в школе. – № 6. – 1979. – С. 84–88.
8. Воронина А. З. Глагольные фраземы в аспекте номинации (на материале фразеологических единиц типа «глагол–существительное» в современном английском языке): дис. ... канд. филол. наук. – М., – 1979. – 184 с.
9. Halliday M. A. K., Hasan R. Cohesion in English. – London–New York: Longman, – 1976. – P. 374.
10. Ullmann S. Précis de sémantique française. – Berne: Francke Verlag, – 1975. – 352 p.
11. Schmid H.-J. English abstract nouns as conceptual shells: from corpus to cognition. – Berlin–New-York: Mouton de Gruyter, – 2000. – 457 p.
12. Bolinger D. Pronouns and repeated nouns. – Indian: Indiana University Linguistics Club, – 1977. – 63 p.
13. Ivanič R. Nouns in search of a context. A study of nouns with both open- and closed-system characteristics // International Review of Applied Linguistics in Language Teaching 2, – 1991. – P. 93–114.
14. Francis G. A corpus-driven approach to grammar // Baker M., Francis G., Tognini-Bonelli E. Text and technology: In honor of John Sinclair. – Philadelphia – Amsterdam: John Benjamins, – 1993 – P. 137–156.
15. Vendler Z. Adjectives and nominalizations. – The Hague: Mouton, – 1968. – 134 p.
16. Терещенко С. С. Широкозначність та багатозначність в українській мові // Наукова електронна бібліотека періодичних видань НАН України, – 2007. – С. 177–179. – URL://http://dspace.nbuv.gov.ua/dspace/bitstream/handle/123456789/21756/74-Tereshchenko.pdf?sequence=1
17. Плоткин В. Я. Широкозначность как особый тип семантики слова // Номинация и контекст: Сб. науч. тр. – Кемерово: КГУ, 1985. – С. 85–96.
18. Ullmann S. Semantic Universals/S. Ullmann // Universals of Language. Ed. By J. H. Greenberg. – Cambridge, Massachusetts, The M. I. T. Press, – 1963. – P. 172–207.
19. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии // Предисл. О. И. Бродович. Изд. 2-е, дополненное. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», – 2010. – 216 с.
20. Авдеев А. А. Проблемы широкозначности и её соотношение с полисемией и дейксисом (На материале имен существительных английского, русского и французского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19: защищена в Воронеж. гос. ун-те, 27.12.2002. – Воронеж, – 2002. – 172 с.
21. Баланюк С. С. Широкозначність як основа явища невизначеності на прикладі англ.прикм-ків лексико-семант. групи «особливий». – Вісник Житомирського держ. ун-ту. Філологічні науки – 2010. – № 54 – С. 182–186.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-16-4-12-15>

*Kolev Dimitar,
Institute for Bulgarian Language — BAS,
PhD student
E-mail: dimitar_kolev87@abv.bg*

New lexis in the area of sports in Bulgarian and Czech language

Abstract: The article concerns the titles of new sport disciplines in Bulgarian and Czech language, which come from English, or, in some cases, from Eastern languages (Chinese, Japanese, etc.). The purpose of the

study is to determine the dynamics of this scientific field and the paths of its renewal. This process is determined by expanding the influence of sport activities in everyday life of our society and becoming more and more popular due to mass media and Internet.

Keywords: neologisms, nouns, sports, Bulgarian language, Czech language.

Lexis in the area of sports is renewing and enriching actively over the past few decades, which arouses the interest to a comparative study of innovational processes in this thematic area. On one hand, the system of sport terminology is developing, which leads to expanding the area of usage and popularization of terminological units not only among the professionals in this area, but also among wide groups of our society. On the other hand, new sport lexis shows up — it has no terminological character and includes lexical items, which are used in every layer of the lexical system, and also — professional lexis and slangisms [4]. The reason behind these processes is that sports activities take wider and wider place in everyday life of significant part of the society, and sport is widely promoted due to mass media and Internet.

Nowadays sport is not only special professional activity or training for personal health and vigor, but also it is gaining significance as common cultural phenomenon. For example, the bond between sports and entertainment industry, cyber culture, urban subculture and some other areas of social life is getting more and more narrow. This fact is also a source to origination of neologisms, because of the existing necessity for naming new, non-existing before phenomena (for example — cyber sport activities).

On the other hand, there is globalization in the field of sports, that manifests itself in the fact that some new sports, originated from a particular country, quickly become popular in other countries, too. And sports that are old established, but traditional for a particular society, are now gaining international popularity. These globalizational phenomena are the reason for intensifying internationalizational processes in the area of sports.

Nowadays both Bulgarian and Czech lexis in the field of sports is augmenting with neologisms which are denotations (i. e. names) to: **new types of sports** (b. *скиатлон*, č. *skiatlon*, b. *каньонинг*, č. *kaňoning/canyoning*); **individuals who practise the corresponding type of sport** (b. *сноубордист*, č. *snowboardista*; b. *унагист*, č. *kordista*); sports equipment (b. *сноускут*, č. *snowscoot*; b. *слайд*, č. *slide*); **places where a concrete sport is practiced** (b. *сноупарк* č. *snowboardový park/sněhový park/snowpark*; b. *U-рампа* č. *U-rampa*), etc. Here we draw our attention only to one of the thematic fields of new lexis in the area of sports in Bulgarian and Czech

language: denotations of sports types and sports disciplines. There are significant changes in this area, related to the appearance of many new subdivisions. The aim of the study is to establish which are the manifestations of dynamics in this thematic field and which are the ways of neologization in it. The material for the study is extracted from neological vocabularies [1; 2; 7; 8], from specialized and unspecialized periodical literature, Internet sites and from other sources.

Innovations in the field of sports denotations in Bulgarian and Czech language are mostly related to differentiation of new categories in this thematic area. We could mention the following categories:

1. Hybrid sports denotations

a) Denotations of new sports, which combine contests in several sports disciplines: b. *летен биатлон*, č. *letní biatlon* (a sport discipline that includes shooting and running or riding a mountain bike); b. *шах-бокс*, č. *šachbox* (a sport that combines chess game and boxing); b. *дуатлон*, č. *duatlon* (a competition combining two disciplines — running and cycling).

b) Denotations of new sports, which combine elements of other sports: b. *бордсейлинг* č. *boardsailing* (a water sport combining elements of windsurfing and sailing); b. *босабол*; č. *bossaball* (a game that combines elements of volleyball, football, gymnastics and the martial art of capoeira).

2. Extreme sports denotations: b. *рафтинг*, č. *rafting/raftování* (sports activity which includes navigating a raft in rough waters); b. *бейсджампинг*, č. *basejumping* (parachuting from tall fixed structures, such as skyscrapers, bridges, rocks, television towers and so on); b. *хелибординг*, č. *heliboarding/heliobording* (a snowboarding competition on inaccessible mountain terrain where the contestants are dropped on the ground from a helicopter); b. *скайсърф/скайсърфинг*, č. *skysurfing/nebeský surfing/nebeské surfování* (a type of skydiving in which the skydiver wears a board attached to his feet and performs surfing-style aerobatics during freefall).

3. Denotations of traditional sports variations according to the place of practice

a) **street variations:** b. *стрийт футбол/уличен футбол*, č. *streetfotbal/uliční fotbal/pouliční fotbal*; b. *стрийт хокей/уличен хокей*, č. *streethokej/streethokej*; b. *стрийтбол*, č. *streetball* (a variation of bas-

ketball, typically played on outdoor courts); b. *уличен фитнес/стрийт фитнес*, č. *street fitness*.

b) **beach variations:** b. *биийчволей/плажен волейбол*, č. *beachvolejbal/plážový volejbal*; b. *плажен хандбал*, č. *beachhandball/plážová házená/plážovka*.

4. Ethnic-specific sports denotations (or denotations of martial arts, also practiced as sports), which are getting international distribution: b. *драконови лодки*, č. *dračí lodě* (a traditional Chinese sport — paddling on a wooden boats with dragon heads decoration, usually navigated by 20 paddlers, a drummer and a paddler in the back of the boat who is responsible for turning the boat); b. *муай тай*, č. *muay thai* (a combat sport of Thailand that uses stand-up striking along with various clinching techniques); b. *сумо*, č. *sumó* (a traditional Japanese fight, related with a religious cult, in which participate men with great bodyweight); b. *шивари*, č. *shivari* (a karate style that includes learning how to break tiles, slabs and so on with the flat of your hand); b. *шотокан*, č. *šótókan/shotokan* (a Japanese martial art and sport); b. *шито*, č. *šuto/šuto uke* (a Japanese martial art and sport).

5. Denotations of sports involving animals: b. *скиджоринг*, č. *skijoring/skijoring* (a winter sport, popular in North America and Scandinavia, where a person on skis is pulled by a horse, a dog (or dogs) or a motor vehicle); b. *дог пулинг*, č. *dog pulling* (a sport where a dog pulls heavy loads); b. *пушбол*, č. *pushball* (a game with horses, where they push a very large ball with their chests). As we can see from the examples above, this thematic subgroup has much in common with the previous one.

6. Denotations of sport practiced in an urban environment: b. *скейтинг/скейтбординг*, č. *skating/skateboarding*; b. *паркур*, č. *parkour* (an extreme sport — overcoming tough obstacles (tall fences, walls, etc.) in an urban environment).

7. Denotations of sport activities with the main purpose of entertainment: b. *зорбинг*, č. *zorbing/zorbování* (the recreation or sport of rolling downhill inside an orb, generally made of transparent plastic); b. *хидрозорбинг*, č. *hydrozorbing* (the water equivalent of zorbing); b. *сноутюбинг*, č. *snowtubing/sněhový člun* (a recreational activity where an individual rides on top of an inner tube on snow); b. *петанка*, č. *pétanque* (a recreational activity where the goal is to toss or roll hollow steel balls as close as possible to a small wooden ball while standing inside a circle with both feet on the ground).

8. Denotations of systems for maintaining a good physical health and vigor by combining various techniques, including dancing, martial arts and so on: b. *шейпинг*, č. *šejping/shaping* (a system for maintaining a

good physical shape, combining elements of aerobics, choreography and bodybuilding); b. *модетика* (a sports program which combines different types of dancing with aerobic exercises); b. *зумба*, č. *zumba* (a sports program combining dancing, aerobic and fitness elements); b. *пилатес*, č. *pilates* (a system of gymnastic exercises, which contains elements of yoga and ballet and is aimed at developing flexibility and strength of the whole body, without the aim of muscle mass).

9. Denotations of sports with elements of show and spectacle: b. *акробатичен рокендрол*, č. *akrobatický rock and roll* (a competitive dance that combines dance movements to rhythmic music with acrobatic elements); b. *чизрлидинг*, č. *cheerleading* (a sports competition between majorettes); b. *естетическа гимнастика*, č. *estetická gymnastika* (a group sports discipline that combines elements of gymnastics, jazz ballet and acrobatics).

10. Paralympic sports denotations: b. *параолимпийски футбол*, č. *paralympijský fotbal*; b. *параолимпийски волейбол/ситинг волейбол*, č. *volejbal v sedě/sitting volejbal* (volleyball for athletes with disabilities in the lower limbs); b. *сledge-хокей*, č. *sledge hokej* (a paralympic sport where players go on the ice not on skates, but on special sledges); b. *баскетбол с инвалидни колички*, č. *basketbal na vozíku*; b. *фехтовка с инвалидни колички*, č. *šerm na vozíku*; b. *тенис с инвалидни колички*, č. *tenis na vozíku*; b. *кърлинг с инвалидни колички*, č. *curling na vozíku*.

An innovation in the thematic field of sport is the emergence of the concept **cyber sport** (č. *cybersport, kybersport*), which refers to playing computer games as a competitive activity.

In conclusion we could say that neologization is intensified both in Bulgarian and in Czech language. This is related to the need many sports and sports disciplines that have arisen or have gained popularity in recent decades to obtain language naming.

The standpoint of Bulgarian and Czech authors that sports vocabulary is one of the areas where the effect of internationalization processes in lexis of Bulgarian and Czech language is at its strongest [3; 6].

The main part of the new international names of sports are Anglicisms, while others come from some Eastern languages (Chinese, Japanese, etc.), but enter the Bulgarian and Czech language through English [5]. The peculiarities of the phonetic, graphic, morphological and semantic adaptation of these new internationalism to the system of the receiving language (Bulgarian or Czech) requires a separate study and will be subject to an individual work.

Acknowledgment:

This material is based upon work supported by the PROGRAM FOR CAREER DEVELOPMENT OF YOUNG SCIENTISTS, BAS, under Grant No. ДФНП-114/11.05.2016.

References:

1. Martincová O. a kol. Nová slova v češtině. Slovník neologizmů. Praha: Academia, – 1998.
2. Martincová, O. a kol. Nová slova v češtině. Slovník neologizmů 2. Praha: Academia, – 2003.
3. Svobodová D. Internacionalizace současné české slovní zásoby. Ostrava: Ostravská univerzita, – 2007.
4. Tichá Z. Pojmenování ve sportovní oblasti – od slangu ke spisovné komunikaci (na česko-bulharském materiálu)//Dynamika a inovace v češtině a bulharštině (90. léta 20. století). Praha: ÚJČ AV ČR, v. v. i., – 2003.
5. Благоева Д., Колковска С. Динамика и иновационни процеси в българската лексика в края на ХХ и началото на ХХІ век//Българска лексикология и фразеология. Т. 1. Българска лексикология. София: АИ „Проф. М. Дринов“, – 2013.
6. Колковска С., Благоева Д. Интернационализация на новата лексика (върху материал от българския език)//Специфика leksyki i slowotwórstwa w językach słowiańskich. Warszawa: SOW, – 2012.
7. Пернишка Е., Благоева Д., Колковска С. Речник на новите думи в българския език (от края на ХХ и началото на ХХІ в.). София: Наука и изкуство, – 2010.
8. Пернишка Е., Благоева Д., Колковска С. Речник на новите думи в българския език (от края на ХХ и началото на ХХІ в.). София: Наука и изкуство, – 2010.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-16-4-15-24>

*Dr. Manssour Habbash,
University of Tabuk, Saudi Arabia
E-mail: research2015ut@gmail.com*

Online Sources in EFL/ESP Classes at Saudi Arabian Universities for Creating LASS

Abstract: In support of Chomsky's Language Acquisition Device (LAD), Burner [3, 19] proposes that a certain phenomenon called Language Acquisition Support System (LASS) plays a significant role in the acquisition of language. Bruner also proposes the concept of 'spiral curriculum' as an effective instructional device that emphasizes the importance of a number of revisits to a topic for an in-depth understanding of the topic as well as for developing cognitive base for building upon the topic. Drawing upon the concepts of Bruner, this study hypothesizes that EFL (English as a Foreign Language)/ESL (English for Specific Purposes) teachers make use of the available online sources for producing a framework of scaffolding for their students and for creating LASS in their classes that support language acquisition process. To this extent this study aims at exploring the different ways that the teachers of EFL/ESP at the University of Tabuk in Saudi Arabia are using online sources in ways that support in developing a framework of scaffolding and creating LASS. The study employs mixed methods research model and collects data through interviews and questionnaires. The data gathered from the teachers is analyzed both qualitatively and quantitatively and presented the narrative as well as the statistical accounts of the findings. The study finds that scaffolding is an important constituent of LASS, that the teachers create LASS in their classes by using online sources, and concludes that the creation of LASS in Saudi Arabian EFL/ESP classes is an essential factor in the acquisition of the language.

Keywords: LASS, EFL/ESP, Using On-Line Sources, Formats, Language Acquisition and Scaffolding.

Purpose, Objectives and Design of the Study

Since the use of online sources for classroom instruc-

tional purposes is gaining prominence because of its availability and the ease of access, it's useful to get teachers'

attention to the different ways that online sources can be used in teaching EFL/ESP classes. To this end, the study finds it worthy to explore the different ways and purposes the online sources are used by the currently practicing teachers, so that the findings of the study can be used in developing more efficient curricula in the upcoming years and in designing the relevant training programs for teachers in the field. The prime objective of this study is to explore the different ways that the EFL/ESP teachers at the university of Tabuk are using online sources that contribute to the creation of LASS (Language Acquisition Support System) in their classes. The secondary objective is to provide information literacy to the teachers about the usefulness of online sources in EFL/ESP classes and the possibility of creating LASS efficiently in their classes via the use of online sources. The study employs mixed methods research model and the information is gathered using purposive and convenient sampling methods through a questionnaire and interviews. Hard copies of the questionnaire are distributed to two groups of teachers at two campuses of the university. In addition, face-to-face interviews are conducted among a sample of teachers after observing their classes. The responses of the teachers are analyzed in light of Bruner's language acquisition theories employing qualitative and quantitative methods and the results are used in making recommendations for designing future curricula and teacher training programs.

Introduction

Bruner [3, 34] brings forth the statement by George Miller that talks about the importance of filling the void between the impossibility of the *empiricist associationism* and the *miraculousness of nativism*; the two prominent learning theories that have their own extremities to be explained about the language acquisition process. The associationism is a behaviorist learning theory that counts on a set of responses that keep transferring from one stimulus to another and language learning happens by imitation of model performances that get reinforced for correct performance. The failure of the associationism in explaining the generative effect of syntax that could produce sentence construction that are never heard before lead to the development of the nativist theory for which the credit is rendered on Noam Chomsky. The nativism relies on the Language Acquisition Device (LAD) that is innately loaded with universal grammar of languages that enables children to learn languages with just an exposure to a language and without the necessity of any pre-linguistic knowledge of the world or any communication with another person. In an effort to fill

the void between these two theories that are considered extremist in their own way and to address the misgivings in both of them, Bruner proposes the phenomenon of Language Acquisition Support System (LASS) that works in support of the Language Acquisition Device (LAD). Either by choice or by chance many teachers use online sources in different ways that create LASS in their classes. An overview of the teachers' use of online sources helps us in streamlining our choice of the use of online source in order to create LASS in EFL/ESP classes for expediting the learning process.

Teachers use various classroom activities for engaging their students in learning. EFL/ESP teachers have multiple options either online or offline for developing their classroom activities. When classrooms are well appointed with Internet facility, online sources prove to be the most engaging sources for creating a variety of activities. The materials that EFL/ESP teachers use for their classroom activities are basically either instructional or authentic. When using instructional materials the major challenges that teachers come up with are that the materials may contain the topics that are much remote from what the students' regular experiences, and so, may not demand complete involvement of the students in the activities. The major difficulty with the authentic materials would be the availability of the materials suitable to the target language instruction. In the view of Watkins & Wilkins [19, 114–116], online sources like YouTube and Google search, provide EFL teachers with authentic materials that can be used for teaching multiple language skills. When provided with Internet facility teachers can make use of these online sources for promoting vocabulary development and enhancing conversational, listening and pronunciation skills via exposure to different Englishes in the world. Apart from using it in many different ways, teachers can find content with realia that can stimulate the students to think and converse on cultural issues. When teachers find scarcity for suitable authentic materials, they can resort to online sources, which are easy to find and select the specifically suitable content for classroom activities.

Many websites that provide us with detailed descriptions about things of various functionalities and services can be used for creating virtual contexts in ESP classes. These websites work as authentic teaching materials that stimulate and generate great discussions amongst students as well as between teachers and students on the topic of teachers' and students' choice. For example, Tarnopolsky [18, 187–188] reports about the "authenticity of profession related learning activities in ESP classes."

That means ESP teachers can provide their students with the online web content that enables them to practice not just profession-oriented communication, but beyond that with profession-oriented communication in the planned target language. In this kind of activities, since acquisition of language remains in the forefront both explicitly and implicitly this type of learning becomes profession-oriented learning and not content learning. Even though a great number of teachers are using these online sources in different ways and for different purposes that contribute their part in creating a Language Acquisition Support System, we are uncertain about the different ways and purposes that these online sources are used practically in classrooms. To this end, this study explores the different ways and purposes that EFL/ESP teachers are using these sources that converge towards creating the LASS in EFL/ESP classes.

Literature Review

A brief review of literature brings forth the different ways teachers use online sources although their use of online sources is not pronouncedly directed towards the creation of LASS. However, an analysis of the teachers' use of online sources in different ways helps in proposing the probable factors in the use of online sources that could create LASS in EFL/ESP classes. "The information (available online) is current and frequently updated therefore providing a 'living' text. Using the Internet is fun as websites are full of animation, colors, sounds, pictures, interactive forms and digital video clips [21]." Learner centered EFL/ESP classrooms in many parts of the world are set with the latest technological advancements. The functionalities of the gadgets like projectors, presenters, smart boards and I-tools when combined with Internet sources become great instructional mechanisms that offer unbelievably efficient instructional methods in classrooms. Hammond & Gamlo [7, 2–4] writes about the Internet and Communication Technology (ICT) with regard to its potential in offering a variety of teaching and learning strategies. ICT makes classrooms more interactive with activities like playing video clips for content display, creating blogs for cooperative writing, using different tracks by native and nonnative speakers for getting their students exposed to world Englishes, projecting pictures for teaching vocabulary, encouraging students to produce presentations using PowerPoint, using emails for receiving writing works and responding to their writings. Many teachers and scholar find that ICT makes teaching more enjoyable and motivating to both teachers and learners. Ahangar & Izadi [1, 321] report that Internet brings about a great change in the learning

process of English language in general and vocabulary in particular. Online text processing provides the students with continuous exposure to the target language through natural repetitions of the target language. As students can experience the words visually, verbally and audibly, the knowledge of the new word become active in a short time compared to the learning process in the traditional classroom instructional styles.

The study of Niknejad & Rahbar [15, 125] on the impact of multimedia visualization reveals that the reading texts with dynamic pictures prove to be more effective in enhancing reading comprehension when compared to the reading texts with static pictures. Lo, Yeh, & Sung [13, 423–424] work on another aspect of reading instruction brings forth the advantages of annotated texts. When reading texts are marked with different colors for the topic sentence, the controlling idea and supporting details comprehension of the texts become easier. When students find it easier to understand the annotated texts, they start interacting on the texts about the structure and content and gradually the style of comprehension becomes a habit and once the habit is formed, the comprehension happens even without annotations. Since annotated texts help students analyze texts, they can also add their ideas about the highlighted text using the tools of the annotated text. The researchers find that students are much interested in working with annotated texts with regard to the ease of dealing with the texts, usefulness of the way of dealing with the texts and the motivating factors of the way of dealing with the texts.

Merc [14, 236–237] states that student teachers were not benefiting from technology available to them in their teaching practice at a satisfying level. Insufficient training, lack of basic facilities in the practicum schools, and student teachers' own choices were found the main reasons for student teachers to utilize technology in the teaching practice process. The findings of the study revealed a mismatch between teacher training programs and real-world classrooms in terms of technology integration in EFL instruction. Pedagogical implications of the study consist of the need for better integration of technology in EFL teacher training and a stronger link between the placement schools and the university.

Johnston & Marsh [10, 55–56] write about embedding information literacy into the curriculum through iPads and iBooks. These iBooks provide hands on experience of the activities that make the classes more interactive and so enhancing student engagement. According to ILTer [9, 154–155], compiling information for reporting it in English is easy with the availability of Internet

and the activities like compiling information can be used for improving both reading and writing skills subsequently. With Internet, it's easier to provide authentic, practical, easier and creative tasks in EFL classes. Hartono [8, 139] finds that teaching translation through interactive web is more efficient. While teachers instruct their students using tutor blogs, class sites and web quest, their students keep practicing their translation assignments through learner blogs that results in much improved outcomes. A study by Chien [4,114–115] provides us with the information about three online flashcard websites used for improving their students' knowledge of vocabulary. They find that these websites provide the students first with the knowledge of the words form and meaning, then they identified that the activities designed with the online flash cards improved their participation in the learning process. Snowball [16, 834-835] finds that a majority of students are in favor of replacing one lecture a week with online activities for improving their learning. In spite of the disagreement of about 20% of students on the replacement of lectures with online activities, it is found that more active-online resources improve students learning and performance. Wu, Yen & Marek [20, 125-126] suggest that authentic interaction in English using online sources can help the students apply their communication skills comfortably. The authenticity of the materials turns them to be more confident in what they learn, and in turn, they become more inspired to make global and cross-cultural communications.

The literature review of online sources shows that teachers are involved in such supportive activities. For example, when teachers are using online flash cards to teach vocabulary, they are in fact bringing the objects of the target language (TL) virtually into their classroom to provide hands-on experiences with the objects. And the activities designed with the objects are used for involving the students in interactions that include turn taking. Teachers need to understand the importance of formatting their talk with their students, and improve their efficacy of using online sources for providing the supportive system that helps their students with the acquisition of the language.

Methodology

By employing purposive sampling method, out of more than hundred teachers from diverse backgrounds, 56 teachers are chosen to include in the sample. Of the 56 teachers, 20 are involved in teaching ESP and the other 36 are involved in teaching EFL at two different campuses of the university. The logic behind the choice of participants is the success of their students in the past two semesters. And the success is determined based on the

score of the students. It is decided to gather the required data via a questionnaire the makes a Likert scale of 15 items. All the items of the scale are composed in light of Bruner's definition of 'format', how the formats are helpful in creating LASS and the role of formats in the acquisition process of language. The items are composed in a positive tone about the creation of LASS with or without using the online sources so that the responses with disagree or strongly disagree may reflect the dissent of the teachers about the creation of LASS in EFL/ESP classes. The questionnaire with 15 Likert items is distributed to 20 teachers teaching ESP at a campus and to 36 teachers teaching EFL at another campus. Face-to-face interviews are conducted with 16 teachers using a semi-structured interview protocol. The questionnaire includes an open ended question below each item to leave a scope for the participants for any other information that they would like to provide related to the questions. It is found that the responses from 11 of the 20 teachers chosen from the ESP group, and 24 out of the 36 teachers from EFL group are complete. Finally, the study is carried on with the analysis of responses from the 35 teachers that includes both ESP and EFL groups (n=35).

During the process of the work, it is understood that the problem of research is two fold. First, whether the teachers are creating LASS and the second, whether they are using online sources for creating LASS in their classes. Since the concept of scaffolding is a part of LASS, it is not taken as a separate entity to deal with. In view of the complexity of the problem, the limitations in the choices of sampling and due to the cultural confinement in reaching the chosen sample of participants for data collection, it is decided to triangulate the data via mixed methods research. According to Johnson, Onwuegbuzie & Turner [11, 129], "mixed methods research is an intellectual and practical synthesis based on qualitative and quantitative research." The data obtained through the Likert scale is analyzed quantitatively and data gathered via face-to-face interviews that are based on semi-structured questions are analyzed qualitatively.

Since the target sample of research participants is teachers of EFL/ESP, it is supposed that they are familiar with the linguistic lingo used in the questionnaire. However, to facilitate the participants that may be unfamiliar with the lingo, an interpretation is provided below the first two questions for the phrases 'prototypical events', means-end structures and formats. The questionnaire is composed in consideration of the factors that contribute to the formation of LASS as Bruner advocates it. The objective of the questionnaire is to obtain the information about the

teachers' use of formats in improving the basic knowledge of their students with regard to the functionality of the language. The functionality of the language implies the mastery of the basic structures of sentences as they are reflected in prototypical transitive events, the mastery of linguistic reference and the ability of requesting, promising and assuring in a culturally harmonious way.

Analysis of the Data

Bruner [3, 18] reports that language acquisition implies mastery of the three facets of language — syntax, semantics and pragmatics. Moreover, as the three facets are interdependent, mastery of the three facets happens simultaneously in a natural way, and not separately. In case of infants, acquisition of language happens through formatted interaction that constitutes a shared reality between a mother and her child. Bruner states that “continuities between prelinguistic communication and later speech of the kind ... need an arranged input of adult speech if the child is to use his growing grasp of conceptual distinctions and communicative functions as guides to language use ... this arranging of early speech interaction requires routinized and familiar settings, formats, for the child to comprehend what is going on ... These routines constitute ... Language Acquisition Support System [3, 39].”

However, in adult EFL/ESP classes, teachers take the mothers' role, and analogous to the formats created by mothers in the contexts of game activities like peekaboo, Ride-a-Cock Horse, This-is-the-Way-the-Ladies-Ride etc., teachers need to create the formats in the contexts suitable to their students, especially for the beginner level students. Bruner [3, 132] defines format as a “routinized and repeated interaction in which and adult and child do things to and with each other. Since majority of the Saudi Arabian EFL student community comprises learners of the beginner-level even at the preparatory year programs (PYP) of the universities, and in view of their learning styles that they are accustomed to in their lower grades, it is assumed that learning happens by the creation of LASS in a way or another.

Analogous to the interdependency of the different facets of language, it's supposed that the items of the questionnaire meant for studying the veracity of the creation of LASS in EFL/ESP classes and the use of online sources in the creation of LASS are interdependent, and so the result of the study need to be the cumulative of the analysis of the complete data obtained. The aim of the questionnaire is to obtain the information about whether the teachers are well aware of the concept of LASS and whether they are creating LASS in their classes. The data obtained through the interview protocol is to find the specific way that the

teachers are using the websites to create LASS in their classes. While the Likert items provided the study with quantitative data, the interview part provided the qualitative data for descriptive analysis. Thus, the questionnaire is composed in such a way that some of the items can be analyzed specifically for the factor of using online sources in the creation of LASS, while all the items can be analyzed in finding the veracity of the creation of LASS.

The analysis of the data shows that about 88% of the teachers are of the opinion that they are developing LASS in their classes and of the total agreed on the creation of LASS about 93% say that they use online sources for the creation of LASS. Interviews with the available teachers reveals that the majority of the teachers aren't much familiar with the term 'format' although they keep doing the activity of formatting their talks with their students. A teacher says that repetition of the formats is a routine process in most of the schools, and the similar process continues at the university level as well, specifically in language classes of Saudi Arabia. Most of teaching methods the teachers follow are in fact laden with formats that require routinization of the formats. Responses to the Likert items 2, 3, 6, 12 and 13 show that a high percentage of teachers strongly agree while the responses to the other items show that a majority of them just agree with the statement. Responses to the Likert item 1 reflects teachers' unfamiliarity with the linguistic jargon as their responses to the other items that contained more of common language in spite of the similar semantic content are marked with 'strongly agree'. Of the items 4,9 and 10 that focus on the use of online sources, the first two statements have been agreed strongly by relatively more teacher than the third one. The interview part of inquiry reveals that although they use online sources for showing the pictures of the TL and involving their students in discussions, they are not quite confident about linking the TL to the local contexts.

After the preliminary interpretive analysis of the data is done, it is analyzed statistically to finalize the significance of the data. The 'mean' of the total responses marked with agree irrespective of the variance in the agreement is take for $n=35$ (table 1& 2). The 'mean' of the total response marked with agree for the items that reflect the use of online sources also in drawn for the $n=35$ (table 3). When the values are subjected to chi square test the resultant $P= 0.66$ (table. 4) shows the significance of the result of the data analysis. As per the null hypothesis, there are 66% chances of obtaining the similar data when conducted the studies akin to this one, which indicates that the supposition of using online source for creating LASS in tenable.

Table 1. – The Data of the Questionnaire Distributed to the Teachers of ESP (n= 11)

N=11	S.A	A	N	D	S.D
Q.No					
1	27.27	72.73	00.00	00.00	00.00
2	54.55	45.45	00.00	00.00	00.00
3	54.55	36.36	9.09	00.00	00.00
4	36.36	45.45	9.09	00.00	9.09
5	36.36	45.45	9.09	9.09	00.00
6	63.64	36.36	00.00	00.00	00.00
7	36.36	54.55	9.09	00.00	00.00
8	45.45	45.45	00.00	00.00	9.09
9	36.36	36.36	18.18	9.09	00.00
10	18.18	72.73	9.09	00.00	00.00
11	36.36	63.64	00.00	00.00	00.00
12	45.45	36.36	9.09	9.09	00.00
13	45.45	36.36	18.18	00.00	00.00
14	27.27	63.64	9.09	00.00	00.00
15	54.55	27.27	9.09	9.09	00.00

Details of the Data in Table 1:

n=11	S.A	A	N	D	S.D
Mean	41.21	47.87	7.272	2.424	1.212
Median	36.36	45.45	9.09	0	0
Mode	36.36	36.36	9.09	00.00	00.00

Table 2. – The Data of the Questionnaire Distributed to the Teachers of EFL (n= 24)

n=24	S.A	A	N	D	S.D
Q.No					
1	37.50	62.50	00.00	00.00	00.00
2	62.50	37.50	00.00	00.00	00.00
3	50.00	37.50	12.50	00.00	00.00
4	37.50	37.50	12.50	00.00	12.50
5	25.00	50.00	12.50	12.50	00.00
6	62.50	37.50	00.00	00.00	00.00
7	25.00	62.50	12.50	00.00	00.00
8	37.50	50.00	00.00	00.00	12.50
9	37.50	25.00	25.00	12.50	00.00
10	12.50	75.00	12.50	00.00	00.00
11	37.50	62.50	00.00	00.00	00.00
12	50.00	37.50	00.00	12.50	00.00
13	50.00	37.50	12.50	00.00	00.00
14	25.00	62.50	12.50	00.00	00.00
15	50.00	37.50	00.00	12.50	00.00

Details of the Data in Table 2:

n=24	S.A	A	N	D	S.D
Mean	40.00	47.50	7.5	3.33	1.66
Median	37.50	37.50	12.05	0	0
Mode	37.50	37.50	00.00, 12.50	00.00	00.00

Aggregate of the Total Agreed (TA.1) of (S.A + A) in Table 1 and 2
 TA.1 =88.29% = 30.9 of n =35.

Table 3. – The Data Related to the Questions Specifically; About the Use of Online Sources; (Questions 4,9 and 10 from Table 1 and 2)

n=35	S.A	A	N	D	S.D
Q.No					
4	36.36	45.45	9.09	00.00	9.09
9	36.36	36.36	18.18	9.09	00.00
10	18.18	72.73	9.09	00.00	00.00
4	37.50	37.50	12.50	00.00	12.50
9	37.50	25.00	25.00	12.50	00.00
10	62.50	37.50	00.00	00.00	00.00

Aggregate of the Total Agreed (TA. 2) of (S.A+A) in Table 3

TA. 2= 80.49%= 28.17 of n=35

i. e. 93% of the TA. 1

Table 4. – Two-way Contingency Table of the Chi Square Test for the Values of TA.1 and TA.2

	Observed	Expected	
Teachers Creating LASS (TA.1)	88 86.00 (0.05)	84 86.00 (0.05)	172
Teachers Using On-line Sources for Creating LASS (TA.2)	80 82.00 (0.05)	84 82.00 (0.05)	164
	168	168	336

$\chi^2 = 0.191$, $df = 1$, $\chi^2/df = 0.19$, $P(\chi^2 > 0.191) = 0.6624$

Expected values are displayed in *italics*. Individual χ^2 values are displayed in (parentheses)

The qualitative analysis of the data from the interviews reveals that although the teachers are not familiar with the phrase 'formatting interactions'. For example, when asked about formatting of his interactions with his students in classrooms, one teacher asked for a clarification of 'what a format is?' When explained about the format, the teacher understand that formatting is what they regularly do in their classes. After some discussion on the theoretical part of the concept, the teachers started thinking about the concept, relate it to their teaching methods, and said that it is an important factor in the language acquisition process even in adult language classes. By the end of interviews, most of them clarified that English acquisition by developing LASS is easier with online sources, since there is no other easier way of obtaining authentic materials into classrooms. Another teacher points out that "the biggest advantage with the Saudi Arabian students would be that they are all provided with the latest electronic gadgets and are used to the online sources quite well for many reasons". The visual impact accompanied by activities helps in engaging the students. When inquired if they have any specific websites that they frequently use

for classroom interaction, the teachers mention that they mostly use the popular Internet Explorer when searching for content relevant to their TL. All of them are of the view that Internet Explorer can easily find any kind of content relevant to their classroom tasks. With regard to breaking down the content to smaller chunks for formatting their interaction and the number of times they use the similar kind of interaction, the teachers could not find a straight course response, which indicates that they are not sure about their understanding the importance of routinization of formats.

While some of the teachers expressed that repetition of a particular language item, for example a format, for several times by routinizing it may be suitable for language classes in lower grades, most of them are of the opinion that in view of the beginner level standard of their students repetition of formatted item would work out well in the acquisition of language. However, many of them are much concerned about the institutional barriers like pacing schedules, classroom rules, range of informality that needs to be brought into the classrooms and the size of classes for effectively creating LASS in their own way as per the estimates of their students' progress.

Discussion and Conclusion

Based on the results of the study, it is inferred that although most of the teachers are in favor of using online sources for creating LASS in their classrooms, they are not in a position to strongly say that they are supporting their students through LASS and through formatting their talk. One reason for this is their lack of awareness about the supportive system. It is likely that they are involved more in using online sources for formatting their interactions that they repeat for several times in a semester, once their attention is drawn towards the importance of formatting and routinizing the formatted interactions. Most of the teachers are of the opinion that they are creating some kind of support system in their classes that helps their students in learning the language, although not in acquiring the language.

One big challenge the teachers face in working out with routinization of formats in classrooms is bringing in a range of informality suitable to the real time language acquisition support systems. The challenge lies in teachers' skill of maintaining teacher authority, which is something that requires reflective teaching practice in order to retain their teacher authority while providing the required space to their learners to play with them with the game like formats. Informality is a major factor that provides the environment required for creating LASS and to play with formatted talks, without

which there would be a mismatch between the learning styles of learners and teaching methods something that is peculiar to language classes and to the process of acquisition.

In view of the hurdles that teachers predict in the process of creating language acquisition support system the teachers can be advised that it could be possible to create the support systems within the limits of the institutional requirements, provided they go with proper planning. Bruner [3, 134] mentions that “culture is constituted of symbolic procedures, concepts, and distinctions that can only be made in language. It is constituted for the child in the very act of mastering language. Language

in consequence, cannot be saved in its cultural setting”. Bruner [3, 133] further states that, “one special property of formats involving (a learner) and (a teacher) is that they are asymmetrical with respect to the knowledge of the partners –one “knows what’s up,” the other does not know or knows less. Insofar as the (teacher) is willing to “hand over” his knowledge, he can serve in the format as model, scaffold, and monitor until the (learner) achieves requisite mastery.” Conducting awareness programs about the adaptation of teaching methods suitable to the routinization of formatted interactions can influence the institutional authorities in favor of productive teaching methods.

Appendix 1

N=35	5	4	3	2	1
	Strongly Agree (S.A)	Agree (A)	Neutral (N)	Disagree (D)	Strongly Disagree (S.D)
1	When teaching language I create situations that resemble ‘prototypical events’, plan my talk with means-end structures, and engage my students in discussions. (Note: A prototypical event is an event that comprises an action, an agent of action and the resultant state of action. For example, in the context of drinking water, the action is drinking, the agent is the one that drinks water and the resultant state is that water is drunk. The event it self has a structure that has a means of action and end of action irrespective of language.)				
2	I plan and format my talk with my students, in classrooms, initially about the objects and abstract actions that are much familiar to them and can be transformed into simple game like activities that require turn taking. (Note: A format is a routinized and repeated interaction.)				
3	I know that my students try to express their basic activities in a day in their limited knowledge of English that is influenced by their L1, and so I format my talk with them in English to be so simplest that they can understand the basic linguistic distinctions between L1 and L2.				
4	In classrooms, I use online sources to keep showing different pictures or videos to create contexts related to the target language (TL) to continually repeat and routinize my interaction with them until they become familiar with the use of the language.				
5	When the TL is culturally remote to my students, for example the differences in the expressions for referring, questioning and requesting, I format my discussion so that they can understand the cultural distinctiveness.				
6	I show pictures of objects and events in classrooms and shape my talk with my students using the vocabulary that my students are familiar with, so that they can easily understand what I refer to, what we do with them and how we request for them.				
7	I believe that language is the reflection of culture and so I repeat my discussion with my students on the TL several times by linking the language to different contexts with-in and outside my students’ cultural perspectives via online sources.				
8	I format my discussion with my students to get them understand the functional meaning of a word or a phrase and repeat my discussions several times using the same word or the phrase until they become familiar with the functionality of the use of the TL.				
9	While teaching, I display the TL by using online sources and involve my students in discussions, and when I find them struggling to respond to my talk I try to understand their intent and supply the words needed for their intent of communication.				

N=35	5	4	3	2	1
	Strongly Agree (S.A)	Agree (A)	Neutral (N)	Disagree (D)	Strongly Disagree (S.D)
10	When teaching meanings of words or phrases I link the TL to the local contexts and use online sources for involving the students in a relatively longer interaction with me.				
11	I believe in the functionality of languages, and so, while teaching, I primarily focus on the functionality of English and I encourage and involve my students in a continual interaction as long as their intent of expression is clear.				
12	Some times, when my students find it difficult to understand my talk I use pre-linguistic gestures to communicate my intent to my students, and I never interrupt my students when they use such gestures to express their intent.				
13	I am a patient teacher. I observe my students using the TL linking to different contexts and I format my talk and provide them their turn to use it several times so that they can understand the right use of the TL.				
14	When I find that my students are well aware of the functionality of the TL then I format my talk to get them aware of the connotations.				
15	I allow my students continue their interaction on a format of TL as long as they are interested in, and when they feel bored of the format I switch over to another format.				

Interview Protocol: Perspectives in the Use of Online Sources for Creating LASS in EFL/ESP Classes

1	Would you explain something about formatting your classroom talk and about the creation LASS in your EFL/ESP classes?
2	Do you use online sources in your classes? And for what purposes do you use them?
3	Do you format your talk with your students? And on what basis?
4	Could you tell something about the specific online sources that you use to format your talk?
5	Do you use your formats repeatedly, if so, how many times do you think you use them in a semester approximately?
6	Would you please explain how do you bring cultural relevance into your classes?
7	What kind of support do you think the online sources can offer in creating LASS in your classes?
8	Could you please tell any other thing that you think is relevant to our discussion?

References:

- Ahangar, A. A., & Izadi, M. (2015). Online text processing: A study of Iranian EFL learners' vocabulary knowledge. *The International Review of Research in Open and Distributed Learning*, 16 (2). URL: <http://www.irrodl.org/index.php/irrodl/article/view/1974>
- Arrese, J. I. M. (1997). Conceptualization of events, transitivity and voice: a cognitive approach. *Cuadernos de Filología Inglesa*, – 6 (2), 319–332.
- Bruner, J. S. (1983). *Child's talk: Learning to use language*. New York, NY: Norton.
- Chien, C. W. (2015). Analysis the Effectiveness of Three Online Vocabulary Flashcard Websites on L2 Learners' Level of Lexical Knowledge. *English Language Teaching*, 8 (5), 111. URL: <http://www.ccsenet.org/journal/index.php/elt/article/viewFile/47952/25738>
- Chomsky, Noam (1965). *Aspects of the Theory of Syntax*. MIT Press.
- Denzin, N. K. and Lincoln, Y. S. (2000). *Handbook of Qualitative Research*. London: Sage.
- Hammond, M., & Gamlo, N. H. (2015). How and why do language teachers use ICT in a University in Saudi Arabia?. *Proceedings of Global Learn – 2015*, – 248–257. Interview Protocol: Perspectives in the Use of Online Sources for Creating LASS in EFL/ESP Classes.

8. URL: http://wrap.warwick.ac.uk/67710/1/WRAP_aace%20paper.pdf
9. Hartono, R. (2015). Teaching Translation Through the Interactive Web. *Language Circle: Journal of Language and Literature*, 9 (2); URL: <http://journal.unnes.ac.id/nju/index.php/LC/article/view/3703>
10. ILTer, B. G. (2009). Effect of technology on motivation in EFL classrooms. *Turkish online journal of distance education*, 10 (4); URL: <http://dergipark.ulakbim.gov.tr/tojde/article/view/5000102628/5000095725>
11. Johnston, N., & Marsh, S. (2014). Using iBooks and iPad apps to embed information literacy into an EFL foundations course. *New Library World*, 115 (1/2), 51–60; URL: <http://www.emeraldinsight.com/doi/abs/10.1108/NLW-09-2013-0071>
12. Johnson, R. B., Onwuegbuzie, A. J., & Turner, L. A. (2007). Toward a definition of mixed methods research. *Journal of mixed methods research*, 1 (2), 112–133; URL: <http://drupal.coe.unt.edu/sites/default/files/24/59/Johnson,%20Burke%20Mixed%20Methods%20Research.pdf>
13. Krashen, S. (1982). *Principles and Practice in 2nd Language Acquisition*, New York, Prentice Hall.
14. Lo, J.J., Yeh, S.W., & Sung, C.S. (2013). Learning paragraph structure with online annotations: An interactive approach to enhancing EFL reading comprehension. *System*, 41 (2), 413–427; URL: <https://ir.nctu.edu.tw/bitstream/11536/22469/1/000321421700016.pdf>
15. Merç, A. (2015). Using Technology in the Classroom: A Study with Turkish Pre-Service EFL Teachers. *Turkish Online Journal of Educational Technology-TOJET*, 14 (2), 229–240; URL: <http://eric.ed.gov/?id=EJ1057362>
16. Niknejad, S., & Rahbar, B. (2015). Enhancing EFL Learners' Reading Comprehension Ability through Multimedia-Based Visualization. *Journal of Applied Linguistics and Language Research*, 2 (6), 119–127. URL: <http://www.jallr.com/index.php/JALLR/article/viewFile/132/pdf132>
17. Snowball, J.D. (2014). Using interactive content and online activities to accommodate diversity in a large first year class. *Higher Education*, 67 (6), 823–838; URL: <http://link.springer.com/article/10.1007/s10734-013-9708-7#page-1>
18. Strauss, A., & Corbin, J. (1990). *Basics of qualitative research* (Vol. 15). Newbury Park, CA: Sage. URL: <http://www.li.suu.edu/library/circulation/Stein/Comm%206020ksStraussCorbinBasicsQualitativeFall07.pdf>
19. Tarnopolsky, O. (2009). Content-based internet-assisted ESP teaching to Ukrainian University students majoring in psychology. *Reading*, 9 (2); URL: http://www.readingmatrix.com/articles/sept_2009/tarnopolsky.pdf
20. Watkins, J., & Wilkins, M. (2011). Using YouTube in the EFL Classroom1. *Language Education in Asia*, 2 (1), 113–119; URL: http://www.camtesol.org/Download/LEiA_Vol2_Iss1_2011/LEiA_V2_I1_09_Jon_Watkins_and_Michael_Wilkins_Using_YouTube_in_the_EFL_Classroom.pdf
21. Wu, W. C. V., Yen, L. L., & Marek, M. (2011). Using Online EFL Interaction to Increase Confidence, Motivation, and Ability. *Educational Technology & Society*, 14 (3), 118–129; URL: http://www.jstor.org/stable/jeductech.soci.14.3.118?seq=1#page_scan_tab_contents
22. Zakhareuski, A. (n.d). Why Use The Internet In TEFL/ TESOL? Busy Teacher (online). Retrieved on 16 August 2016 from URL: <http://busyteacher.org/3633-why-use-the-internet-in-tefltesol.html>

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-16-4-24-28>

Mehmeti Flutura,
E-mail: flutura.mehmeti@uni-pr.edu

Analysis of the nominal signs in the text of “Martesa e Halilit” song and in the translated version in german by M. Lambertz

Abstract: This study is an attempt to highlight the function of nominal textual signs in the song lyrics “Mertesa e Halilit” from collection “Kangë kreshnikësh dhe legjenda” and the version translated into German by Austrian scholar Maximilian Lambertz.

Nominal signs as important textual-building constituents have a special function in the act of communication, in which the encoder and decoder are determined as negative, because the situation does not refer to

these two contextual factors. We are supported in the referential role of nominal signs in the analyzed text, such as textual recurrences (textuelle Rekurrenz), the constituents of the textual theme (constitutive für die textuelle Thematik) and quasi-recurrences (Quasi-rekurrenz) as components of cohesion text.

Meanwhile, the paper reviews the informative constituents of the text: topic (Thema) and comment (Rhema) as textual coherence primary constituents, in order to clarify the function of nominal signs and their role in the construction of this text as integral unit.

Keywords: linguistic sign, proper nouns, common nouns, effective component, fragmentary constituent, pre-determining attribute, post — determining attribute, nominal group, prepositional adjunct, gender adjunct, relative adjunct, infinitive adjunct, attributive Adverb, apposition, constituent of textual themes, quasi — recurrence, textual recurrences, noun referential signs, comparative and metaphoric nature, cohesion, textual coherence, progressive type, topic, comment, hyper theme, informative.

As a linguistic sign, noun is among the most important classes of the linguistic signs and the information carrier in the text at the same time. Two meaningful noun subclasses are proper nouns (Eigennamen), identifying a person or a thing name and the common nouns (Gattungsnamen), whose meaning includes a broader extend (Umfang) and content (Inhalt). By form, names are linked with the grammar category of gender (Genus des Nomens), number (Numerus des Nomens) and case (Kasus des Nomens). German and Albanian languages have three noun genders: male gender (Maskulin), female (Feminin) and neutral (Neutrum). Despite the noun gender category, the number concept (Numerus) of noun aggregates a binary opposition: Singular and Plural. Finally, case is expressed by inflection of articles either as constituent or effective component (“efektiv”) of case inflection. On the other hand, noun is a fragmentary constituent (“defektiv”) of case inflection. Another very important issue linked with the noun is its determination by other different determiners of the nominal group such are: other nouns, pronouns, articles, and the noun have a referential dependency to these linguistic signs (Referenzzusammenhang) [1, 317–375].

Noun is defined by various determiners who in the text are seen as attributes. Such attributes could be as pre-determining (prä determinierende Attribute) and post-determining (postdeterminierende Attribute). Noun and its attributes, be they pre or post ones in text, forms the nominal group (Nominalgruppe). As predetermining attributes, could be used prepositional adjuncts (Präpositional -Adjunkte), gender adjuncts (Genitiv-Adjunkte) and relative adjuncts (Relativ-Adjunkte). Whilst, as post ones the followings: adjuncts of (Genitiv-Adjunkte), prepositional adjuncts (Präpositional — Adjunkte), conjunction adjuncts (Konjunktion — Adjunkte), infinitive adjuncts (In-

finitiv-Adjunkte), relative adjuncts (Relativ-Adjunkte) and attributive adverbs (attributive Adverben). The post-attribute is regarded as apposition (Apposition) [1, 317–367].

Whilst communicating, the role of the giver and the receiver is determined as negative due to the fact that the situation refers nothing to these two contextual elements. The referential role is critical so as to explain this phenomenon, a role that in the text provides reference to various references. As the reference of semantic precision is seen the referential role in all nouns and pronouns throughout the text. Textual references are noticed at the textual recurrences (textuelle Rekurrenz). The simplest recurrence form is repetition of same nouns. Meanwhile, the most complex ways of recurrences are the constituents of the textual themes (konstituive für die textuelle Thematik) and quasi-recurrence (Quasi-Rekurrenz). As constituents of textual thematic are the repetition of nouns in text through other nouns with analogous meanings. Quasi-recurrence on the other hand, could be seen by the use of a range of various nouns with same or similar meanings. Such tools of text building are regarded as stylistic means [1, 368–371].

In the text of “Martesa e Halilit” [2, 27], a song translated in German by Lambertz, together with other textual signs, nominal textual signs are very important too. The said text, in Albanian language is in verses while in German language in prose. In this text, jointly with other textual signs, cohesion constituents are nouns, noun determiners, noun references, textual thematic constituent elements (complex forms of noun repetition in the text) and quasi-recurrences. Nouns in this text as well as in other texts in Albanian, comparing to their determiners, are predominantly placed in front. Occasionally, nouns are even placed at the very beginning of the verse. Their starting position in the sentence respectively in the verse,

in this very text is determined by the nature of text as the poetical creativity. Placing the noun before its determin-

"Se gjith grát e krahinës, ku janë,

"Se gjith vashat e Jutbinës, ku janë,

"Bash si motra qi po m'duken."

"Alle Frauen unseres Landes, alle Mädchen von Jutbina sind mir wie Schwestern"

"Po s'e mora Tanushën e krajlit"

"Sterben will ich, wenn ich nicht Tanusha, die Tochter des Königs, zur Frau gewinne"

, Shteku i ballit, si shteku i malit,

"... , die Mittellinie ihrer Stirn ist wie der Pfad über einen Berg ..."

"Hunda ndrejt, si kalëmi i Tushës!"

... , ihre Nase gerade wie der Gewehrlauf aus der Werkstatt des Waffenschmiedes Tusha,.."

"E ka qërpikun, si krahi i dallendyshës;"

"Dhâmët e bardhë, si gurzit e lumit,"

"Syni i saj, si kokrra e qershís;"

"Qafa e saj, si qafa e pllumbit:"

"Goja e vogël, si lulja qi shpërthen;"

"Misht e dorës, porsì rrëmi i shemshirit"

In the analyzed samples could be seen that the noun determiners in Albanian text are accompanied with

"Syni i saj, si kokrra e qershís;" ... ,

In few cases in this text, Lamberc uses composite to translate noun in genitive:

"E ka qërpikun, si krahi i dallendyshës;"

Noun signs as textual-building signs in "Martesa e Halilit" song are accompanied with referential signs as well, through which is arranged and developed the se-

"Vetulla e saj ndrejt si fiskaja;"

"Syni i saj, si kokrra e qershís;"

"Qafa e saj, si qafa e pllumbit:"

"Shtati i saj, si ' i shtat çetinet;"

Noun referential signs both in Albanian and in the translated text do appear with possessive pronouns, who settle in with nominal signs in gender and number. It could be said, that the position of pronoun referential signs in the analyzed text in Albanian do vary from the position of the referential signs in the translated text. Such signs in the Albanian text are placed after the noun all the time while in the german text always in front of the noun.

"Vetulla e saj ndrejt si fiskaja;"

"Syni i saj, si kokrra e qershís;"

"Ftyra e saj, si kuqet molla n'degë;"

"Hunda ndrejt, si kalëmi i Tushës!"

"Goja e vogël, si lulja qi shpërthen;"

Seeing the review done so far, we could add that the cohesion of "Martesa e Halilit" text is developed so as to support the multiplicity of the textual cohesive signs establishing a bond link between words, sentences and

ers, i. e. adjective and noun in genitive case, appears in the following verses:

... , ihre Augenlider wie Schwalbenflügel, ... "

, ihre Zähne weiß, wie die Kieselsteine des Flusses nach dem Regen,.."

... , ihr Auge wie die Kirsche,.. "

"... , ihr Hals wie der Hals der Taube,.. "

"... , ihr Mund klein wie die Blüte,.. "

"... das Fleisch ihrer Hand wie die Blüte der Myrte!"

noun in genitive, adjective but there are cases too when noun is not followed by its determiners at all.

*ihr Auge wie **die Kirsche**,.. "*

to translate noun in genitive:

... , ihre Augenlider wie Schwalbenflügel, ... "

mantic meaningful body of the text. Noun referential signs in the said text appears in the following verses:

Ihre Augenbrauen sind wie ein junger Eichenwald,.."

... , ihr Auge wie die Kirsche,.. "

"... , ihr Hals wie der Hals der Taube,.. "

"... , ihr Körper wie der Fichtenstamm,.. "

Quasi-recurrences of the nominal signs are of huge relevance in the text, especially in the structure of the texts having literary and poetical values for the reason that provide artistic effects of a comparative and metaphoric nature and are a constituent element of the song style. In this text, quasi-recurrences of the nominal signs are expressed in the next verses:

–Ihre Augenbrauen sind wie ein junger Eichenwald,.."

... , ihr Auge wie die Kirsche,.. "

"... , ihr Gesicht wie der Apfel,.. "

... , ihre Nase gerade wie der Gewehrlauf aus der Werkstatt des Waffenschmiedes Tusha,.. "

"... , ihr Mund klein wie die Blüte,.. "

the whole text body. In this way, the entire connection of the textual signs constructs the coherence of this song. Relying on building up the cohesion of this poetically narrative text it could be seen that the nouns, determin-

ers and noun referential signs do follow it from the beginning till the end:

– As noun determiners in the said text comes out the following – province women (Frauen unseres Landes), girls of Jutbina (Mädchen von Jutbina), Tanushën e Krajlit (Tochter des Königs), swallow arm (Schwalbenflügel), cherry grain (die Kirsche), dove neck (Hals der Taube), small mouth (ihr Mund klein), white teeth

... , ihre Nase gerade wie der Gewehrlauf aus der Werkstatt des Waffenschmiedes Tusha,.. ”

“Dhâmët e bardhë, si gurzit e lumit,”

“ihre Zähne weiß, wie die Kieselsteine des Flusses nach dem Regen,.. ”

“E ka qërpikun, si krahi i dallendyshës;”

... “ihre Augenlider wie Schwalbenflügel, ... ”

Whereas, based on the informative constituents of the text that is to say on topic and comment, could be mentioned that the topic and comment as textual coherence primary constituents are seen in the text of “Mar-

Shteku i ballit, si shteku i malit,

“Die Mittellinie ihrer Stirn ist wie der Pfad über einen Berg ... ”

“Hunda ndrejt, si kalëmi i Tushës!”

“Ihre Nase gerade wie der Gewehrlauf aus der Werkstatt des Waffenschmiedes Tusha,.. ”

“Dhâmët e bardhë, si gurzit e lumit,”

“Ihre Zähne weiß, wie die Kieselsteine des Flusses nach dem Regen,.. ”

“Syni i saj, si kokrra e qershís;”

“Qafa e saj, si qafa e pllumbit:”

“Goja e vogël, si lulja qi shpërthen;”

“Misht e dorës, porsì rrëmi i shemshirit”

“Das Fleisch ihrer Hand wie die Blüte der Myrte!”

All these sentences develop the text coherence by being a deriving progression of some themes producing a hyper theme. Hyper theme becomes known from the given themes, and in our case it is the case of “bukuria e Tanush-

(ihre Zähne weiss), river shingles (die Kieselsteine des Flusses),

– As noun referential signs in the text comes out the next examples — her eyebrow (ihre Augenbrauen), her eye (ihr Auge), her neck (ihr Hals), her body (ihr Körper),

– As quasi-recurrences the following: “Hunda ndrejt, si kalëmi i Tushës!”

tesa e Halilit” song as well. The whole text is a progressive type with deriving subject (Die Progression mit abgeleiteten Themen), resulting in a hyper theme out of specific sentences: [3, 45].

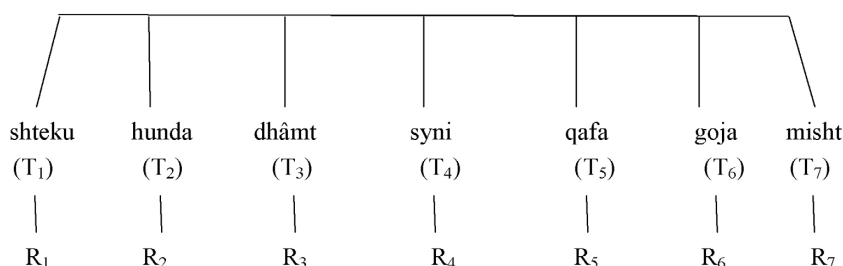
“Ihr Auge wie die Kirsche,.. ”

“Ihr Hals wie der Hals der Taube,.. ”

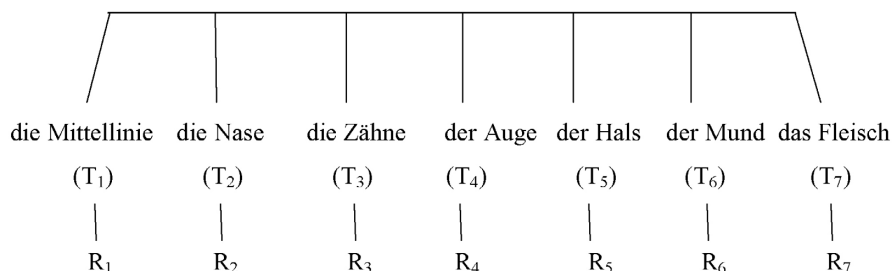
“Ihr Mund klein wie die Blüte,.. ”

ës — die Schönheit von Tanusha”. The entire such progression of deriving themes can be introduced via schematic way and it includes the unknown theme information, that is to say comment (Rhemen) for each sentence separately:

Hipertema (bukuria e Tanushës)

Hyperthema (die Schönheit von Tanusha)

References:

1. Weinrich, H., Textgrammatik der deutschen Sprache, Georg Olms Verlag, AG, 4. Auflage, Hildesheim, – 2007, – 1111 p.
2. Palaj, B., Kurti, D., Visaret e kombit II- Kangë kreshnikësh dhe legjenda, Tiranë, – 1937. P. 27.
3. Brinker, K., Linguistische Textanalyse. Eine Einführung in Grundbegriffe und Methoden, Erich Schmidt Verlag, Berlin, – 2010, P. 45.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-16-4-28-30>

Mirzakhanyan Nelli,
Far Eastern Federal University
E-mail: nelly0287@gmail.com

Interpretation of the world through folklore (based on Chukotka and Alaska Eskimos data)

Abstract: The current paper aims to consider the *world models* of indigenous people of Alaska and Russian Chukotka which is based on the materials of only few cultural and language preliminary findings such as legends and songs. The main issues of the study are to elicit the unique resemblance of two aboriginal tribes' *language models of the world* as well as their ethnic mentality. The refore as background methods we have used comparative method and linguacultural analysis to carry out the present research.

However, because of lack preceding explorations, we have only few patterns of their literary remains represented in their languages. Consequently, the comprehensive and interdisciplinary research has been implemented for complex studies of the mentioned issues. Specifically, such disciplines as ethnography and linguistics along with interdisciplinary field ethnolinguistics have enabled to embody the research. Through this interdisciplinary study it has become feasible to elicit the vital elements of ethnic thought and mentality enabling to answer the raised questions about the affinity of ethnic identity of these aboriginal ethnos having been discussed in the bounds of the work.

Keywords: Eskmos, folklore, cultural model, language picture, legends, myths.

The studies of *language model of the world* of minor ethnic groups are fairly complicated process due to some issues. At first, the absence of written language makes almost impossible the complex research of it. Moreover, some of them are at the edge of extinction. Secondly, the isolation of these groups jeopardizes the existence of verbal remains. Therefore, humanities such as ethnology and linguistics collect the complete picture of ethnic history through confrontation of cultural and language elements for education and preservation of ethnic values. Since ethnology is a discipline dealing with the issues of mentality, and the language is one of the most essential manifestations of the human life [6].

However, pending the research these disciplines, one is using the resources of the other. For instance, ethnology, exploring the culture and majority of its elements (music, folklore, rituals, ethnographic features and so on) relies on the language inheritance. In this case, verbal cultural particles such as folklores are collected through the language. As well as linguistics turns to the ethno-

logical method for restoration of sometimes unused and extinct language elements, to study the language mind and mentality. The final model of these elements, saved at the subconscious level, is called the image (model) of the world. As a linguistic term the *language model of the world* is the illustration of the world containing language modes. The latter creates demonstrative conceptions and images about things and phenomena surrounding the ethnos. Due to these concepts the nation is capable of striving against new environmental challenges of the world. Through these models it becomes possible to study the mentality of ethnic groups. Hereby one of the main fragments is considered to be the study of ethnic folklores. Along with the comparison and confrontation of diverse Eskimos ethnic folklores, the goal has become to illustrate the language mind through the prism of cultural models.

Particularly, the background material of the article is the comparison of North American and Chukotka Eskimos (in Russia) languages and folklores. Since the re-

search of the languages and cultures of these nomadic people reveals the specific traits of their mind, hence their mentality and *models of the world*.

The fact the legends, songs and myths are indivisible parts of Eskimos' folklores can be defined by the interpretation of the myth by philosopher A. M. Lobok who explicates the myth as a complexity of bizarre and fantastic narrations native to ancient ethnoses [2]. Therefore it relates to more primitive human mind at his initial status when each obscure environmental occurrence was explained through myths.

As it was stated by one of the prominent philologist A. A. Potebnya, it is native to human being to create and systematize the surrounding things, being realized through the language [3]. This kind of world perception (world model) could be named primordial as originally the man attempts to give names to everything for categorizing and explaining the phenomena around him. Setting up "these laws" then he is able to move ahead receiving the challenges from the world fighting against, simultaneously advancing his skills and possibilities. Therefore creating folkloric artworks he fills out the gap of necessary cognition of the space.

As a matter of fact there are many general and analogous characters and heroes between North American and Chukotka Eskimos myths despite their distant dwelling. One of the outstanding ethnologists R. Pery, exploring the lives and cultures of local aborigines during the ethnographic expedition to North Pole, claimed that because of the severe climate and living conditions these tribes barely have positive and kind heroes and characters in their legends and songs [4]. These tales only include lasting struggle against evils. Thus, these Eskimos tribes have at least several resemblances of figures such as birds (ravens, owls), wolves, whales and etc.

Having observed various legends and myths we came up with three main classifications included in these stories which are common to all Eskimo cultures. Thus there are three main types of tales:

1. Tales of creation or generalization of the world;
2. Tales about animals;
3. Legends about transformation of the animals into humans and otherwise.

Beginning with the origination of the world many Eskimos including Greenland, Mackenzie river, Hudson Bay have analogous myths. In this legend the Sun and the Moon were a brother and a sister. The sister was hosting her lover every night. Once in order to ascertain the identity of her lover she blackened the back of the lover, revealing that he was her brother. Both of them were wafted up to

the sky and respectively the brother and the sister became the Sun and the Moon [7]. Another legend of the creation discovered by Franz Boas represents regeneration of the sea animals from the human told by most Eskimo tribes. In this legend sea mammals (whales, seals, metacarpals and so on) were generated by "Old Woman" deity who was thrown on the boat by her father. The latter cut her finger-joints which were transformed into sea animals [8].

It would seem that in the beginning man was immortal. According to the myth, a dispute arose between two men regarding the advantages of having man die. Since that time man is mortal. As well as there always presents spirits and ghosts which are positive or negative characters. Frequently we come across the songs and myths including transformation of animals or birds into humans and otherwise. Also, there are plenty of half bird-man or half-animal and half-man creatures in these stories. According to these patterns it could be concluded that the perception and presentation about the outer world are drawn on some circumstances. The similarities of climatic and environmental conditions as well as fauna and flora representatives (such as animals, landscape) lead to the creation of analogous stories and tales. In spite of these facts, the generation of myths and legends has their linguistic and ethnological interpretations (or ethnolinguistic).

Carrying on, we encountered a tale about Owl and Raven in Naukan and North American Eskimos legends. It is sung in the song that the owl and the raven were friends. Once the raven made a new dress, dappled white and black for the owl, who in return made a pair of boots of whalebone for the raven, and then began to make a white dress. When she was about to try it on, the raven was hopping about without sitting. The owl went angry and said: "Irgnautielungmikkuviritapierakin, qigalerit!" which is translated as "with blubber if I soar over you, don't jump". As the raven went on jumping the owl fell into a passion and poured the contents of her lamp over him. The raven became all black and started to cry "qaq, qaq" and since then they stopped being friends [8]. The same story can be read in the legend of Naukan Eskimo where similarly the owl and the raven were friends (women). They shared the food and the place. When they got older the owl said to the raven to make-up her. They started to paint each other. But the owl while taking the lamp painted the raven into black. The latter started to argue with the owl complaining that she made her black and vulnerable in the white winter. Afterwards they went apart and became enemies. Here is a part of this story in Naukan language: "ukjubakis' imal' dikmitixlunkukukikluatas' im' Imantibam' linkamqon' pinp' in' itunutaqukligantuqusaxtikinunanas' iqunnibaqakink

amligantuqusaxtuikibunanatasiquunnibaqak...” (For a very long time the raven and the owl lived together in one house. And they used to get along with well. Also they shared the food equally and both of them were women...) [2]. The similarity of these stories is remarkable. Despite taking into account the fact that they could have the same Eskimo culture, the resemblance of this tale should be looked through in the further research of it. However, it could be assumed about their language models of thoughts to be determined with alike environmental peculiarities allowing them to create their own cultural models and sensations.

Along with the above mentioned, frequently we come across tales involving transformations of animals into humans and their relationship (often sexual) with the latter. For instance, tales about woman who did not want to marry eventually abandoned by her parents in the stories of Greenland, Point Barrow and Naukan Eskimos. The beginning of the plots is similar. However the further plot development changes separately. In Naukan idiom after being abandoned by her parents, the girl and her dog live alone for some time. Then she met a man who took care of her then becoming her husband. Once being told that he was a polar bear she escaped the place eventually finding her parents and living with them all her life. Unlike this the Greenland story tells a different plot development. In this one the girl married the dog having dog-man children. Afterwards she was left by her father for a long time without returning her home and living with her dog-husband. In the end of the tale the father of the girl killed the dog-husband after which he is killed by his grandchildren. Analyzing these two stories it can be assumed that the background of such tales could be morale values and taboos being taught by Eskimo people to the young generation. In fact they show the exact pattern of ethnic behavior one must follow [7].

Thus these legends and myths can be defined as an essential cultural background leading Eskimos people

to the creation of their perception of the world. Additionally there are more intermarriage idioms of humans and animals in different places such as Alaska, Chukotka and Greenland where animals are able to change into humans and rather. According to Franz Boas, interpretation of animal activities in these tales is highly anthropomorphized being therefore one of the fundamental features of Eskimo culture [7]. Supposedly it is described by the same representation of abilities between humans and animals without demarcating themselves apart from fauna. However, another legend shows the highly perception of “self” identity demarcating from others (A very striking example of this kind is the story of Iavaranak, which is known in Greenland, Cumberland Sound, and in Labrador). It tells about a girl of a tribe of inlanders who lived among the Eskimo, and who betrayed them to her own tribesmen. One day, while the Eskimo men were all absent, she led her friends to the Eskimo village, where all the women and children were killed. She returned inland with her friends, but eventually was killed by a party that had gone out to take revenge [7].

Therefore this variety of folklore findings states about mature cultural and language models of Eskimo people. These myths include stories beginning from the genesis of the world and mankind to the educational and upbringing values (taboos). As well as they claim the strong identity of the indigenous ethnic groups being interpreted through the legends about self-protective and preserving oneness demarcating from “others”. Astoundingly, despite distant dwelling of Chukotka and Alaska ethnic peoples their cultural elements remain mostly similar involving a number of analogous tales and idioms representing precise perception of ethnic and cultural values. As a result this perception forms identical-cultural patterns of the behavior called language and cultural models.

References:

1. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство язык/М.: Флинта, – 2010.
2. Лобок А. М., Антропология мифа/Екатеринбург: Банк культурной информации, – 1997.
3. Потенция А. А. Слово и миф/М: Правда, – 1989.
4. Пири Р. Северный Полюс: перевод В. Л. Дуговской/М.: ОГИЗ, – 1948.
5. Меновщиков Г. А. Язык наукаских эскимосов/Ленинград: 1-е Изд., – Наука, – 1975.
6. Whorf B., Language, culture and society: Winthrop publishers, Cambridge, – 1974.
7. Franz Boas, The Folklore of the Eskimo, The Journal of American Folklore, – Vol. 17, – No. 64 (Jan. – Mar. 1904). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/533982> (дата обращения 15.10.2015 06:55); Franz Boas, Eskimo tales and songs, The Journal of American Folklore, – Vol. 7, – No. 24 (Jan. – Mar. 1894). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.jstor.org/stable/532958> (дата обращения 15.10.2015 06:45).

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-16-4-31-34>

*Nevreva Maria Nikolaevna,
Odessa National Polytechnic University,
Associate Professor, PhD,
E-mail: m.n.nevreva@gmail.com,*

*Lebedeva Elena Victorovna,
Odessa National Polytechnic University,
senior lecturer,
E-mail: ellebedeva-od@mail.ru,*

*Gvozdz Olga Viktorovna,
Odessa National Polytechnic University,
senior lecturer,
E-mail: ellebedeva-od@mail.ru*

Statistics of noun morphological derivation in the scientific functional style text corpora

Abstract: The article is devoted to the consideration of noun morphological derivation types realized in the texts of three scientific and technical fields of knowledge. The results of the research has shown that not only the nomenclature of types is almost similar in all three text corpora but also statistical characteristics (productivity and frequency) coincide.

Keywords: interlinear glossing, mono- and poly-lexeme units, morpheme, typology.

*Неврева Мария Николаевна,
Одесский национальный политехнический университет,
канд.филол. наук., доцент,
E-mail: m.n.nevreva@gmail.com*

*Лебедева Елена Викторовна,
Одесский национальный политехнический университет,
старший преподаватель,
E-mail: ellebedeva-od@mail.ru*

*Гвоздь Ольга Викторовна,
Одесский национальный политехнический университет,
старший преподаватель,
E-mail: ellebedeva-od@mail.ru*

Статистика именного словообразования в текстовых корпусах научного функционального стиля

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению типов именного словообразования реализуемых в текстах трех научно-технических областей знания. Результаты исследования показали, что не только номенклатура типов почти одинакова во всех трех текстовых корпусах, но и статистические характеристики (производительность и частота) совпадают.

Ключевые слова: межстрочное глоссирование, моно- и полилексемные единицы, морфема, типология.

В современной лингвистике проблемы английского словообразования представляются наиболее исследованными. Помимо фундаментальных трудов

таких специалистов в этой области как Кубрякова, Карашук, Мешков и др., в которых подробно освещены эти вопросы, можно обратиться к современным

научным работам, описывающим различные части речи английского языка [1; 2; 4; 5; 6]. В них, несмотря на огромное разнообразие и многоаспектность тем, морфемный анализ присутствует как обязательная составляющая исследования.

Что же еще можно добавить к такому детально разработанному разделу языкознания, как словообразование? Авторы предлагают следующие условия, которые, возможно, будут способствовать лучшему пониманию реализации словообразовательных типов в научном функциональном стиле: во-первых, использовать в качестве объекта исследования не один подъязык, как в уже упомянутых работах [1; 2; 4; 5; 6], а проводить сравнительный анализ словообразовательных единиц в нескольких подъязыках техники, чтобы сделать в дальнейшем обобщающие выводы о словообразовании научного функционального стиля; во-вторых, более широко использовать статистические методы исследования и представлять не только номенклатуру словообразовательных моделей, но и их количественные характеристики; и, наконец, в-третьих, рассматривать только самые частотные модели, встречающиеся в текстовых корпусах, как наиболее статистически надежные. Из всего множества типов словообразовательных морфем были выбраны словообразовательные формы существительных.

В качестве основного метода для словообразовательного анализа существительных использовался метод межстрочного глоссирования (*interlinear glossing*), а конкретно — метод морфемной разметки (*morpheme-by-morpheme correspondence*), который рассматривается в правиле № 2 Лейпцигских Правил Глоссирования [7]. Известно, что абсолютное большинство международных лингвистических изданий использует именно этот метод, при котором каждая словоформа разделена на морфемы, а каждая морфема, как лексическая, так и грамматическая, снабжена переводом.

Для статистического анализа словообразовательных моделей были выбраны текстовые корпуса следующих областей научного знания — “Химическое машиностроение”, “Автомобилестроение”, “Электротехника”. Корпусы формировались на основе текстов научных журналов Великобритании и США: “Химическое машиностроение” — *Chemical Engineering Progress, Chemical and Process Engineering*; “Автомобилестроение” — *Automobile Engineering, Auto Industry*; “Электротехника” — *IEEE Transactions on Power Apparatus and Systems, Proceedings of the Institution of Electrical Engineers*. Названия исследуемых текстовых корпусов показывают, что они относятся к разным

по своей научно-технической тематике областям, что позволит сделать выводы об особенностях словообразования, общих для текстов научного функционального стиля.

Итак, посредством метода межстрочного глоссирования все существительные указанных подъязыков были сегментированы на минимально значимые конститuenty — П- (префиксальная морфема), К- (корневая морфема), С- (суффиксальная морфема), а затем описаны схемы их организации в составе существительных. Комбинации этих морфем дали четыре типа лексем: К, ПК, КС, ПКС с простой или простой производной структурой, и пять — со сложнопроизводной структурой: ППК, КСС, КССС, ПКСС, ППКС. Помимо уже представленных моноксемных форм существительных (9 единиц), в исследуемых текстовых корпусах были также зарегистрированы типы словообразовательной формы существительных, обладающих полилексемной природой (7 единиц).

Среди моноксемных типов существительных по продуктивности (т. е. употреблению с разными существительными) и частотности особенно выделяется тип К. На его долю приходится 65% всех моноксемных существительных в текстах “Химическое машиностроение”, 67,5% в текстах “Автомобилестроение” и 62% в подъязыке “Электротехника”. На большую продуктивность и частотность корневых слов в английском языке указывалось и ранее [3], однако исследование проводилось на языке в целом. Представляемые данные, а также опыт исследования показывают, что преобладание корневых слов в научно-технических текстах является своего рода лингвистической универсалией для научного функционального стиля.

Помимо корневого типа словообразования одним из основных источников пополнения запаса новых слов в английском языке также является суффиксация. Поэтому тип КС (*scrubber, production, cracking*) занимает второе место как по продуктивности, так и по частоте во всех трех текстовых корпусах и составляет 24,7% всех моноксемных существительных в подъязыке “Химическое машиностроение”, 23,7% в текстах “Автомобилестроение” и 27,8% в подъязыке “Электротехника”.

Типы ПК (*dioxide, polyester, research*) и ПКС (*deformation, degradation, replacement*) продемонстрировали примерно одинаковую активность во всех трех текстовых корпусах — 7,6–8% всех моноксемных существительных.

Моноксемные существительные со сложно-производной структурой — КСС (conductivity, effectiveness), ПКСС (reactivation, compressibility), ППКС (noncondensables, reinforcement), КССС (rationalization), ППК (nontransposition) по сути являются усложненными вариантами типов с простой производной структурой. Отсюда следует, что при изучении структуры существительного с целью правильного извлечения заложенной в слове информации следует обратить внимание прежде всего на типы К, КС, ПК, ПКС.

Рассмотрим далее типологию полилексемных имен, удельный вес которых в общем инвентаре существительных незначителен и составляет в текстах “Химическое машиностроение” 4,5%, в текстах “Автомобилестроение” 6,6% и в подязыке “Электротехника” 5,3%. Полилексемные слова в трех корпусах в основном состоят из двух лексем, каждая из которых соотносима с самостоятельным словом (heat-transfer, flow-rate). Результаты анализа показали, что компонентами двухлексемных существительных обычно являются два самых продуктивных и частотных моноксемных типа — К и КС. Например, К входит почти во все двухлексемные образования: К+К (time-phase), КС+К (falling-film), К+КС (tower-footing), К+ПКС (high-performance), К+ПК (earth-return). Самым продуктивным и частотным во всех корпусах оказывается тип К+К, который составляет 83,3–85,7% всех двухлексемных существительных. Трехлексемные существительные представлены лишь одним типом К+К+К (short-line-fault), в рассматриваемых текстах было обнаружено всего шесть существительных такого типа.

Итак, результаты анализа текстовых корпусов “Химическое машиностроение”, “Автомобилестрое-

ние” и “Электротехника” позволяют сделать следующие выводы.

1. Инвентарные списки словообразовательных моделей трех корпусов близки по составу и количеству.

2. Хотя в текстах были зарегистрированы 16 словообразовательных типов существительных (9 моноксемных и 7 полилексемных), сравнение типологии имен позволяет выделить из них только 10 самых частотных и продуктивных, которые одновременно являются общими для трех текстовых корпусов: шесть моноксемных К, КС, ПК, ПКС, КСС, ППКС и четыре полилексемных К+К, КС+К, К+КС, К+К+К. Количество трехлексемных слов настолько мало, что считается, что они не свойственны научному функциональному стилю.

3. Моноксемные типы существительных с простой и простой производной структурой (К, КС, ПК, ПКС) занимают доминирующее положение в исследуемых корпусах.

4. Наличие общих лингво-статистических характеристик словообразовательной типологии существительных, встречающихся в текстовых корпусах научного функционального стиля, позволяют предположить, что выделенные типы могли бы рассматриваться как присущие именно этому стилю, т. е. служить определенными стилистическими приметам, поскольку именно статистические характеристики являются признаками принадлежности к тому или иному функциональному стилю.

В дальнейшем предусматривается проведение статистического и лексического анализа отдельных морфем, из которых состоят словообразовательные типы существительных.

Список литературы:

1. Анюшкин Е. С. Субстантивные термины и их экстралингвистическая детерминированность в немецкой терминологии технологии сахаристых веществ: автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.04 Германские языки/Евгений Степанович Анюшкин. – Воронеж, – 1984. – 20 с.
2. Архангельский Т. А. Принципы построения морфологического парсера для разноструктурных языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.21 Прикладная и математическая лингвистика/Тимофей Александрович Архангельский. – М., – 2012. – 22 с.
3. Гинсбург Е. М. Словообразование и синтаксис. – М.: Наука, – 1979. – 264 с.
4. Мартемьянова М. А. Особенности формирования современных научных технических терминологических систем (на примере терминов нанотехнологий): автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.04 Германские языки/Мария Алексеевна Мартемьянова. – Ижевск, – 2011. – 22 с.
5. Худинша Е. А. Особенности становления и развития английских базовых терминов в подязыке экономики: автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.04 Германские языки/Елена Анатольевна Худинша. – Омск, – 2011. – 22 с.

6. Чукреева Е. И. Ономаσιологическое исследование политических терминов и общественно-политической лексики в американском английском языке (на материале выступлений бывшего госсекретаря США Мадлен Олбрайт)/Е. И. Чукреева. – Лингвокультурология, – 2010. – № 4. – С. 222–224.
7. Leipzig Glossing Rules [Электронный ресурс].

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-16-4-34-36>

*Savić Aleksandra,
University of Banja Luka,
Master student of the Faculty of Political
Sciences and Faculty of Philology,
E-mail: aleksandra.suvira@yahoo.com*

The current linguistic situation in Bosnia and Herzegovina

Abstract: This paper deals with the linguistic situation in Bosnia and Herzegovina and accentuates several important problems that are discussed in this country. These problems are: the nature of language in Bosnia and Herzegovina, the name of the language, language in the educational system and the languages of national minorities.

Keywords: Bosnia and Herzegovina, split society, three languages, pluricentric language, languages of national minorities, identity.

Bosnia and Herzegovina is a right example of a split society [1, 14] which even after the signing of the Dayton Agreement and the ending of the war, still has great problems in solving the questions of constant ethnical conflict of Serbs, Croats and Bosniaks. After 1995 it became a consociational democracy [2, 24–26] in which the political system is arranged as to have a large coalition at the state level composed of the representatives of ethnical groups, as well as of veto rights and a proportional system [3, 25–44] which is a way to prevent ethnical conflict. The part of the conflict is the conflict about the language between the three dominant ethnical groups: Serbs, Croats and Bosniaks. We will try to show the linguistic situation in Bosnia and Herzegovina in several points by mentioning the antagonisms that exist on the question of language. Before that, it is necessary to explain several facts of the history of the linguistic situation in Bosnia and Herzegovina. During the 20th century Bosnia and Herzegovina has passed through several language names — on one hand, these were attempts in creating a singular language for all of the three groups: first, a state language (Bosnian language), then Serbo-Croat, and on the other hand, all three ethnical groups tried to force their own language: Serbian, Croatian, Bosniak. Bosniak came around after the third ethnical group became a nation and thus demanded the right to their own separate language. After the signing of the Dayton Agreement and the creation of the Constitution, two entities were created: The Republic of Srpska which held Serbian as its official

language, and the Federation of Bosnia and Herzegovina, which held Croatian and Bosnian as the official language. Also exists the District of Brčko, which represents a unique territorial part of the state. After the decision of the Constitutional Court of Bosnia and Herzegovina from 2002, which was imposed by the High Representative, these three languages became official on the whole territory of B&H and both entities, and the actors of the linguistic policy (politicians, linguists, implementers of the linguistic policy) more than ever put a sign of equality between linguistic and national identity [4, 115–116], so therefore we can name the situation in this country as a permanent conflict of language.

First, there is no agreement on the question whether there exist three languages in B&H or whether it is one pluricentric language. The most eminent linguists in the country and the region take the stand that Serbian, Croatian and Bosniak are the variants of one pluricentric language with few differences, but not to the extent that they could be constituted as independent languages such as English or Portuguese [5, 77–79]. Namely, pluricentric languages are characteristic in the fact they are spoken in several countries [6, 1–2] and because they have very few differences in their variants, such as British and American English, so that the speakers of these variants have very good mutual understanding, mostly based on the vocabulary. On the other hand, nationalist linguists stay by the claim that these are three different languages. Further-

more, in the recent past these languages were all put under one same term “Serbo-Croatian”, which was the official language of Yugoslavia, that Bosnia was a part of. Some linguists still, to this day use this term to refer to all languages which exist in Bosnia and Herzegovina. With the downfall of Yugoslavia, this language has equally disappeared, resulting in the creation, through a political manner of four languages: Serbian, Croatian, Bosniak, Montenegrin. It is considered that this process of creation of new languages and states on the Western Balkans is still not through.

The other conflict is regarding the name of the Bosniak language itself. Linguists of Bosniak orientation insist that their language is named as Bosnian and not Bosniak Language, and claim that it is a historically founded name in the people. Their statements have taken form in the Charter on the Bosnian Language [7, 150–155]. Some Serbian and Croatian linguist refuse this name claiming that Bosniaks want to induce a unitary country form and a majorisation of the other two groups. The reason for which it is considered that the name “Bosnian” is unappropriated is because all inhabitants of Bosnia and Herzegovina are considered by this name, and not merely a part of it. Furthermore, the namely millennial use of the term “Bosnian” is in scientific circles usually interpreted by the fact that in the time of the original use of this term there were no nations determined by their religion, as it is the case today, and it cannot be determined with precision who used this language. This argument is being led for now more than ten years and seems to be without end in sight. Hence, the name of the language is in Bosnia and Herzegovina the symbol of identity which serves for the maintenance of other symbols of national identity, language myths and the current linguistic situation is described by the fact that the communicational function of language gives way to a symbolical function [8, 301–308].

The third problem which appears in Bosnia and Herzegovina is the use of language in schooling and education. The school system actually functions in three different ways: in the Republic of Srpska teaching is done in Serbian language, as in the Federation of Bosnia and Herzegovina, it is held in Bosniak and Croatian. The syllabuses, curriculums and textbooks are all different. The school system is of a segregating nature [9, 68–70]. There also exist instances of two schools under one roof [10,

91–132]. Even though such a solution has shown itself as unsuccessful, the process of integration of the school system is still pursued in different manners. In the named District of Brčko, also exists a special approach to education which is the consequence of Brčko having a special political and legal status in B&H, which is as well under special supervision. The decision of the Supervisor for Brčko was to harmonise the educational systems that existed within the three ethnical groups. It is considered as a multi-ethnic education within which the three languages (Serbian, Croat, Bosniak) are equal as well as the two writing systems (Cyrillic and Latin scripts). It is also considered by some that this model of education in Brčko should be the example for the entire state, however it is constantly accentuated that the status itself of the Districts is specific.

And the last, but not the least important problem in Bosnia and Herzegovina are the languages of national minorities and their linguistic rights. There is a large disagreement between individual and collective rights, and on one hand individuals demand certain rights regardless which ethnical group they adhere to, while on the other hand, collectivities, more precisely the three constitutional nations are fighting for their collective rights. Bosnia and Herzegovina has signed and ratified the European Charter for Regional or Minority Languages, but to this day it has not been implemented for several reasons. The first one is the disagreement on the topic of the results of the state census of 2013, so there is no data about how many members of national minorities there are and what languages they speak. Furthermore, there is no act which specifies what languages the charter is addressed to. And lastly, the European Charter is often interpreted as a document which should solve the question of language of the constituent nations.

The described situation in Bosnia and Herzegovina can be called as a permanent linguistic conflict where each linguistic group considers its rights endangered and where there is no general consensus about any question regarding language. In such a divided state with a complex arrangement and deep ethnical splits, language serves for the identification of belonging to one of the three dominant groups, the integration of individuals to separate groups and in the end their isolation from others.

References:

1. Mirjana Kasapović, *Bosna i Hercegovina: podijeljeno društvo i nestabilna država*, [Bosnia and Herzegovina: Split Society and Unstable State], – 2005.
2. Timo Kivimäki, Marina Kramer and Paul Pasch, *The Dynamics of Conflict in the Multi-ethnic State of Bosnia and Herzegovina*, – 2012.

3. Arend Lijphart, *Democracy in Plural Societies: A Comparative Exploration*, – 1977.
4. Marina Katnić-Bakaršić, *Bosanskohercegovačka lingvistička previranja u Vesna Hadži-Požgaj (ur) Jezik između lingvistike i politike [Bosnian-Herzegovian linguistic turmoil in Vesna Hadži-Požgaj (ur), Language between Linguistics and Politics]* – 113–132, – 2013.
5. Snježana Kordić, *Jezik i nacionalizam, [Language and Nationalism]*, – 2010.
6. Mishael Clyne *Pluricentricity: National Variety*, U. Ammon (ur.), *Status and Function of Languages and Language Varieties*, – 1989 – 357–371.
7. Robert D. Greenberg *Language and Identity in the Balkans*, – 2004.
8. Josip Baotic, *Približavanje jeziku ili približavanje jezika, [Approaching to Language or the Approaching of Language]*, – 2012.
9. Pilvi Torsti, *Segregated Education and Texts: A Challenge To Peace in Bosnia And Herzegovina in International Journal On World Peace – Vol. XXVI NO. 2 JUNE – 2009.*
10. *Dvije škole pod jednim krovom: Studija o segregaciji u obrazovanju, [Two schools under one roof: The Study of Segregation in Education]*, Human Rights Centre of the University of Sarajevo, – 2012.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-16-4-36-39>

*Khoshimkhujajeva Mokhirukh Muzaffarovna,
Assistant teacher of National University
of Uzbekistan, Tashkent
E-mail: sakurajapan9@gmail.com*

Anthroponyms in English, Russian and Uzbek phytonyms

Abstract: The article is devoted to comparative analysis of phytonyms formed from personal names in English, Russian and Uzbek languages. This analyses reveals unique and distinctive properties of phytonyms in each language and helps to understand how culture, and the history of every nation is reflected in the language by transferring anthroponyms into phytonyms.

Keywords: anthroponym, plant names, lexical and semantic characteristics, English, Russian and Uzbek languages.

*Хошимхуджаева Мохирух Музаффаровна,
преподаватель Национального университета
Узбекистана, Ташкент
E-mail: sakurajapan9@gmail.com*

Антропонимы в фитонимии английского, русского и узбекского языков

Аннотация: Статья посвящена сопоставительному анализу фитонимов сформированных от антропонимов в английском, русском и узбекском языках. Подобное исследование поможет выявить уникальные и своеобразные свойства фитонимов в каждом языке и понять как культура, и история каждого народа отражается в языке путём переноса антропонимов в фитонимику.

Ключевые слова: антропонимы, фитонимы, лексико-семантическая характеристика, английский, русский и узбекские языки.

Фитонимы как название естественных реалий, занимают очень важное место в лексике языка. Их мотивологический анализ проливает свет на многие малоизученные вопросы восприятия окружающего мира

в сознании народов, отражения этого восприятия в языке и формирования языковой картины мира.

В ходе обширных исследований было установлено, что антропонимы являются очень мощной мотиволо-

гической основой для многочисленных фитонимов. В этом отношении, мотивологический анализ фитонимов сформированных от антропонимов представляется весьма важной задачей в современной лингвистике.

Как известно, понятия, закрепленные в антропонимах, представляют собой отражение особенностей предметов, свойств и отношений реальной действительности. История имен тесно связана с историей, культурой, идеологией общества, в котором они создаются [7,4]. Культурно-историческое развитие имен собственных играет важную роль в их переносе в другие лексические слои, так как это показывает их значение и связь определённого исторического, мифологического или религиозного персонажа с развитием разных лексических слоёв языка. Если говорить об культурно-исторической характеристике перенесённых имен собственных, нужно подчеркнуть что, в случае образования имен нарицательных путём переносной номинации авторская принадлежность новых слов, которая в большинстве других видов остаётся неизвестной, часто оказывается исторически засвидетельствованной [6, 10]. Это относится к растениям, названным ботаниками в честь различных исторических лиц, например: *loganberry* — логанова ягода, гибрид малины с ежевикой. Выведен в 1881 и доведен до промышленного выращивания американским селекционером Дж. Логаном (1841–1929); *begonia* — бегония, названо в честь французского колониально-го чиновника Мишеля Бегона натуралистом Плюмье; *abelia* — абелия, данный род назван в честь Кларка Абея (1780–1826), английского врача, ботаника и зоолога. Он также был известен своими исследованиями флоры и фауны Китая, Индии, Индонезии [2]; и многие др.

Подобные и многие другие виды переноса антропонимов в названия растений показывает, что исследование в этой сфере очень важно, так как это придаёт свет на многие неизученные стороны фитонимов в английском, русском и узбекском языках.

Как известно, разные свойства фитонимов были объектами работ многих исследователей. В частности, фитонимы образованные от антропонимов были проанализированы в работах А. В. Берестневой, В. Б. Колосовой, С. Ю. Дубровиной [5]. Но стоит отметить, что в этих работах антропонимы в составе фитонимов в основном были рассмотрены в рамках русского и в малой части в английского языка. Антропонимы как часть фитонимов в узбекском языке вообще не были рассмотрены в специальных работах и по этому, сопоставительный анализ фитонимов

с антропонимами в английском, русском и узбекском языках заслуживает быть объектом специального исследования. Подобное исследование поможет выявить уникальные и своеобразные свойства фитонимов в каждом языке и понять как культура и история каждого народа отражается в лексике, в данном случае в названиях растений, путём переноса имен собственных на фитонимы.

В данной работе рассматриваются и анализируются фитонимы с именами собственными источниками, которых являются античные легенды и мифы, библейские легенды, литературные произведения и типичные имена, собственные в которых имя собственное связано с бытом и фольклором англичан, русских и узбеков. Анализ производится путём разделения фитонимов с антропонимами на особые мотивационные группы: Антропонимы — имена религиозных деятелей; Антропонимы — наиболее типичные имена собственные.

Особенность фитонимов религиозного происхождения заключается в том, что исходные формы многих из них устанавливаются по тексту Библии или Корана. Образность в подобных фитонимах возникает благодаря тому, что в переносе религиозное имя собственное становится неким символом, олицетворяющим те качества растения, которые считались необычными, непонятными или сверхъестественными.

Так как, англичане и русские исповедуют одну религию — христианство, фитонимы с элементами духовной и религиозной жизни у них во многом схожи. В фитонимах обоих языков мотивационной основой для формирования многих народных фитонимов выступают библейские персонажи, святые или духовные наставники. Такая ассоциация во многих случаях связана с лечебными свойствами или необычной формой растения. К примеру, *Saint-Andrew's-cross* (букв. «крест св. Андрея» — асцирум зверобойный) — расположение листьев и цветка очень напоминают форму креста, а само растение использовалось для лечебных ванночек у слабых детей которые не могли своевременно научиться ходить. Необычная форма растения и его лечебные свойства стали основой для ассоциации со святым Андреем; *Saint-Peter's bell* (букв. «колокол св. Петра» — нарцисс жёлтый), внутренняя часть цветка напоминает форму колокола, это и стало основой для номинации; *Aaron's-rod* (букв. «трость Аарона» — коровяк обыкновенный/медвежье ухо) длинный стебель и жёлтые соцветия на верхушке растения и лечебные свойства стали основой для ассоциации с прутом или тростью Аарона кото-

рый по поверьям обладал сверхъестественной силой; *Job's tears* (букв. «слезы Иова» — коикс) по библейским рассказам слёзы мученика Иова превратились в плоды коикса и по этому имеют блестящую, каплевидную форму, название растения происходит от этой легенды; *Samson's snakeroot* (букв. «змеиный корень Самсона» — копеечник цветоножковый) растение используется в народной медицине для увеличивать мужской силы, что легло в основу ассоциации с Самсоном который по легенде обладал сверхчеловеческой силой; *Saint-John's-bread* (букв. «хлеб св. Иоанна» — рожковое дерево) плоды растения похожи на обычные стручки с горохом, только красноватого цвета, и горьковатые на вкус. По преданию, именно ими питался св. Иоанн Креститель в пустыне, потому так называли дерево; *Saint-Peter's-wort* (букв. «трава св. Петера» — асцирум прямостоячий) растение названо так из-за сходства с символом Святого Петра — пучком ключей от Райских ворот.

В русском языке персонаж христианской мифологии, с которым связано большое число фитонимов, это — образ Богородицы. Он служит важной мотивационной базой для многих названий растений. «По всей видимости, Богородице «принадлежит» большее количество названий растений, чем любому другому персонажу Библии. Среди богородичных растений первое место, очевидно, занимает тимьян ползучий, или чабрец» [3, 98].

В. Б. Колосова приводит пример «Во многих русских говорах оно наделяется именем Богородицы: богородицкая трава (Вилегод. Арх., Харов. Волог.), богородицына травка (Пинеж. Арх.), богородная травка (Нюкс. Волог.), богородская трава (травка) (Верховаж. Волог.), богородицына трава (Олон.), богородичная травка (Астр., Екатеринослав.), богородка (Табор. Свердл.), богородная трава (Яшк. Кемер.); богородицкая трава (Дон.), богородская трава (Ср. Урал), богородица, а также искаженные названия благородная трава, благородская трава (Ср. Приобье)» [3, 98]. Продуктивным признаком, влияющим на формирование фитонимов, является форма различных частей растений. Так, растение иерихонская роза получило название *богородицкая ручка*, так как оно напоминает сжатые пальцы, а при опускании в воду раскрывается, как ладонь [1].

По мнению В. Махека, такие фитонимы связаны с тем, что «Богородица оберегает людей от злых сил» [8, 148]. Итак, к богородичным травам относятся почти все растения полезные, лекарственные, а также обладающие приятным запахом.

В узбекском языке растения никак не ассоциируются с религией. Есть лишь несколько фитонимов с религиозными элементами: *марям дарахти* (букв. дерево Девы Марии — витекс священный) этимология неясно; *хасса мусо* (букв. «посох Моисея» — абелия) стебель растения напоминает форму посоха пророка Моисея; *абу жахл тарвузи* (букв. «арбуз Абу Жахила» — бриония двудомная) Абу Жахил поначалу был злейшим врагом пророка Мухаммеда, став позже его последователем — эта история ассоциируется с ядовитыми и в то же время лечебными свойствами данного растения. Но необходимо отметить, что данные фитонимы являются арабско-персидскими заимствованиями.

На наш взгляд, факт большого количества подобных названий в английской и русской фитонимике и очень незначительного — в узбекской может свидетельствовать о более устойчивой христианской традиции в истории и культуре английского и русского народов.

Личные имена являются одним из важнейших мотиваторов номинации фитонимов в рассматриваемых языках. Как правило такими мотиваторами являются самые типичные личные имена, которые переносятся во фитонимы, обозначая что-то очень обычное, повседневное, но вместе с тем связанное с человеком или со свойствами человека.

В английском языке типичные личные имена участвуют во многих фитонимах. Мотив ассоциации разнообразен. Это обуславливается в основном значением того или иного имени собственного в культуре английского языка. Например, имя Jack переносится на названия растений олицетворяя что-то очень обычное или неприятное: *jack-by-the-hedge* (букв. «Джек за забором» — чесночница черешчатая) название связана с неприятным запахом этого растения; *buttery jack* (букв. «маслинный Джек» — очиток едкий) ядовитость растения послужило для ассоциации с именем Джек; *jack-in-the-bush* (букв. «Джек в кустах» — хромолена душистая) сорный кустарник с маленькими цветками ассоциируется с Джеком сидячий в кустах; *jack-jump-about* (букв. «Джек спрыгнул» — сныть обыкновенная) очень прожорливое и выносливое сорное растение, которое растёт повсеместно, это свойство растение легло на основу номинации.

Есть и другие виды ассоциации, например, *creeping jenny* (букв. «ползучая Дженни» — вербейник монетный) очень распространённое травянистое растение родом из Европы, и имя Дженни здесь обозначает что-то очень обычное.

Итак, из вышеуказанных примеров мы видим, что во многих случаях англичане предпочитают называть растения самыми типичными именами, чтобы обозначить человеческие свойства, которые присутствуют в растении (запах, форма, образ произрастания) или же чтобы показать, что тот или иной цветок или трава встречается очень часто в Англии как люди с именами Джон, Джек или Дженни.

Это явление встречается и в русском языке, но здесь место антропонима *Jach* занимает очень типичное для русского народа имя Иван. Например, растение *иван-да-марья*, которое выделяется особо ярким контрастом прицветников синих тонов и ярко-жёлтых венчиков. С этим растением связана целая легенда. Это трагическая история Костромы и Купалы (Ивана и Марьи), которые полюбили друг друга, даже не подозревая, что они брат и сестра. Когда они узнали об этом, то Купала бросился в костёр (жёлтый цветок растения), а Кострома утопилась (синий цветок), после чего возродились в виде этого растения. *Иван-чай*, это многолетнее травянистое растение. Названо так потому что, Иван-это самое распространённое русское имя, а чай, так как из него можно приготовить чай. Просмотрим и другие названия растений с типичными именами: *юрьева роса*, название связано с обычаем на Юрьев день — 23 апреля, собирать росу с травы и протирать ею глаза, чтобы излечить болезни; *timoфеевка*, травянистое растение растущее повсеместно, вероятно типичное имя ассоциируется

здесь с простотой и обычностью растения; *варварка* — ядовитое растение, название происходит от латинского названия *barbarea vulgares* [4];

В узбекском языке фитонимы, связанные с именами собственными, почти не встречаются. В нашем материале зафиксировано лишь несколько подобных фитонимов: *мажнун тол* (букв. «ива Мэжнуна» — ива вавилонская), название связана с поникшей формой дерева которая ассоциируется с очень пессимистичным характером Мэжнуна — главного героя эпоса А. Навои «Лейли и Мэжнун»; *мирза терак* (букв. «тополь мурзы» — тополь пирамидальный) возможно величественная удлинённая форма дерева связывается с аристократическим титулом Мирза (которое использовалось и как имя собственное), *гулидовид* (букв. «цветок Давида» — бархатцы) этимология неясно. Другие узбекские имена встречаются только в составе наименований сортов разных растений (*хусайни* — сорт винограда, *бузрукхони* — сорт абрикоса, и др.). Так были вычислены около 15 сортов дыни в узбекском языке с именами собственными и лишь несколько сортов других растений (*амири*, *бекзоди*, *камоли*, *дониёрый*, *хожи ковун*, *давлатбой*, *мулласано*, *дорой* и др.) По-видимому, это обусловлено тем, что в узбекской культуре растения не ассоциируются с личными именами, что подразумевает человеческие свойства, и лишь сорта разных растений называются в честь того, кто их вывел и распространил.

Список литературы:

1. Анненков Н. Ботанический словарь. СПб., – 1876.
2. Умралиева Р. Д. Этимологический анализ английских фитонимов с компонентом «имя» – Новосибирск, – 2016. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: <http://sibac.info/studconf/hum/xxxviii/46414>
3. Колосова В. Б. Богородичные травы в русской культуре. Русская речь 4/2010, – Санкт-Петербург.
4. Коновалова Н. И. Словарь народных названий растений Урала. – Екатеринбург, – 2000.
5. Колосова В. Б. Антропонимы в славянской фитонимике // Антропологический форум. – 2008. – № 9. С. 263–276. Берестнева А. В. Антропонимы как часть ономастического пространства фитонимов: Автореф. дис ... канд. филол. наук. – 2007; Дубровина С. Ю. Библийские сюжеты в народных легендах о растениях // Живая старина. – № 2. С. 8–9., – 1999.
6. Кучешева И. Л. Имена собственные как термины в подязыке английской лингвокультуры. Автореф. дис ... канд. филол. наук. – Омск. – 2012.
7. Псеунова Б. Х. Антропоним как отражение национально-культурной специфики языкового сознания носителя сленга. Вестник Адыгейского государственного университета. Выпуск № 1/2011. С. 4.
8. Machek V. Ceska a slovenska imena rostlin. – Praha, – 1954.

Section 2. Literature

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-16-4-40-42>

*Abdurahmonov Abilzhon Abdusamatovich,
Senior Research Scientist, Degree-Seeking Student,
Fergana State University, Fergana, Uzbekistan
E-mail: abdurahmonov1970@mail.ru*

The tradition and innovation color Naming in poetry

Abstract: In the article issues of the color naming use in Uzbek classical poetry are analyzed. It is considered that Navoi has developed a pictorial technique built entirely on the interaction and the brightness of a simple color, and addressing the tradition in a novel way, substantiated a kind of coloristic tradition in Uzbek lyrics.

Keywords: color; classical poetry; symbol; coloristics; color plot; tradition; innovation.

*Абдурахмонов Абилжон Абдусаматович,
старший научный сотрудник-соискатель,
Ферганский государственный университет,
г. Фергана, Узбекистан
E-mail: abdurahmonov1970@mail.ru*

Традиция и новаторство цветообозначения в поэзии

Аннотация: В статье анализируются вопросы использования цветообозначения в узбекской классической поэзии. Доказывается, что именно Навои выработал изобразительную технику, целиком построенную на взаимодействии яркости и простого цвета и, новаторски обращаясь с опытом предшественников, основал своеобразную колористическую традицию в узбекской лирике.

Ключевые слова: цвет, классическая поэзия, символ, колористика, цветосюжет, традиция, новаторство.

Общеизвестно, что цвет — основное художественное средство в живописи, в которой цвет может пониматься как индивидуальная особенность видения мира.

«Цвет воздействует на человека двояко: сначала происходит чисто физическое воздействие цвета, а потом — психическое его воздействие. В этом случае обнаруживается психическая сила краски, она вызывает душевную вибрацию. Так первоначальная элементарная физическая сила становится путем, на котором цвет доходит до души» [4, 65]. Каждый из цветов воссоздает те ассоциации, которые возникают у человека при его восприятии.

Многие исследователи отмечали, что для некоторых художественных направлений и целых эпох характерно тяготение к определенным цветам и устойчивым цвето-

вым сочетаниям. Однако особенности восприятия цвета отдельным художником слова всегда индивидуальны.

В классических литературах отношение к цвету приобрели устойчивый характер. Это свойство касается и узбекской классической поэзии, где на протяжении целых эпох характерно тяготение к определенным цветам и устойчивым цветовым сочетаниям. (Речь идет о поэзии XV–XIX вв.).

Например, красный цвет, как в восточной поэзии, так и в творчестве узбекских классических поэтов используется для обозначения чего-то тайного, возвышенного, очень личного, он связан с мечтами и надеждами относительно возможной встречи с Прекрасной возлюбленной. Символика красного цвета расширяется: от элемента оживляющей любви к символу Всевышнего.

Например в ранних этапах классической поэзии (конкретно, узбекской поэзии относительно в XV–XVI вв.) преобладает красный цвет. Он выступает как символ радости в основе как присутствие Всевышнего. Например:

*Жамолинг васфини қилдим чаманда,
Қизорди гул уёттин анжуманда. (Атоий) [2, 287]*

**Я восхвалил в цветочнике очарование твое,
Стесняясь, покраснел цветок в сборище (Атаи)**
[перевод мой — А. А.].

На первый взгляд в лирическом контексте описывается естественное природно-интимное событие. Но при более глубоком рассмотрении, символика цветообозначения приобретает глубоко духовный характер.

Выясняется, что в контексте использования красного цвета имеется в виду два понятия: в прямом смысле — возлюбленная, в символическом — Всевышний.

С первого взгляда действительность, описываемая лирическим героем, выглядит исключительно естественно, как нечто натурально-природное. Если учитывая символические обозначения, рассмотреть события лирической действительности, то описываемое как возлюбленная наполняется религиозным смыслом. В этом плане лирический герой провозглашает о своей страстной любви к Всевышнему. В «*по-красневшем*» цветочке появляется знак — присутствие Всевышнего. Это соответствует философии суфического ордена Накшбанди, которая гласит: «Всевышнее присутствует везде».

В классической поэзии часто использовалась триада цветов: красный — жёлтый — зелёный. В традиционно-религиозном значении красный символизировал Всевышнего, жёлтый — пророка (Магомеда Аллахи Вассалама), зелёный — Хизиря (ангела).

Чаще всего в творчестве Навои встречается подобное обращение к некоторым аспектам символики этой цветовой триады:

*Хилъатин то айламиши жонон қизил, сориг, яшил,
Шуълаи оҳим чиқар ҳар ён қизил, сориг, яшил [1, 428].*

**До того как красotka наряжалась: красный,
жёлтый, зелёный,**

**Зарево моего стона расходится по сторонам:
красный, жёлтый, зелёный** (перевод мой — А. А.)

Если находящиеся в первой строке цвета *красный, жёлтый, зелёный* при красоте и богатстве возлюбленной обозначали *радость, ценность* и *молодость*, то далее — страдание лирического героя значение этих цветов возвышается: выступает как символ молитвы Всевышнему, пророку, святому Хизирю.

В итоге можно прийти к выводу, что язык цвета является универсальным кодом, при помощи которого классики выражали ключевые для своей лирики смыслы («*Всевышний*», «*пророк*», «*ангел*», «*духовность*», «*любовь*», «*страсть*»).

Например: красный — цвет «горения», «земного» влечения к Единственному. Любовь преломляется как нерасторжимое единство двух вожелений — молитвенного и чувственного.

Лаъли шавқингдин саросар лолагундур кўз ёшим
[1, 420].

**Рубиновой пристрастием твоей все мои слёзы
в тюльпанном цветке** (перевод мой — А. А.). Перевод совсем непонятен.

Это сотканное из противоречий, но внутренне целостное состояние передается постоянными вспышками то красного, то и желтого цвета.

Зачастую возникают и слитные «красно-желтые» образы, например:

Сафҳаси бўлса керак бир ён сариг, бир ён қизил
[1, 420].

*Чётки её, наверно, с одной стороны жёлтые,
а с другой красные* (перевод мой — А. А.).

Подобно тому, как предыдущего соединяют в себе «высокое» и «земного», религиозное чувство и жгучую чувственность, «жёлтое» и «красное». (Точно так же это характерно для стиля Навои).

С помощью белого и красного цветов символически запечатлевается двуединство полюсов души поэта.

*Не абрашдурки, секретмиши яна майдонга ул абраш
Қизил, оқ гул била елдин магар халқ ўлди ул абраш*
[1, 273].

Ещё:

*Какая разноцветность, опять выскочит на поле
эта разноцветность,*

*Цветком красным, белым с ветром, если народом
стала та разноцветность* (перевод мой — А. А.).

Белый цвет — символ аспектов души поэтического мира. Красный цвет традиционно символ Всевышнего. При помощи цветковых символов объясняется интенсивность движения любви на двух уровнях: земном (белый) и небесном (красный). Ясно то, что колеблющееся душевное состояние поэта фиксируется цветовыми отношениями.

Все эти, казалось бы, контрастные цвета уравновешены в суфическом мире классиков и воплощены в загадочной, разноцветной фигуре. Таким образом, с помощью цветов может создаваться не просто образ или метафора, а сложная символично-психологическая картина. И этим задается динамику цветосюжета.

В эпоху восточного Возрождения получили распространение теории суфического «духовного зренья», согласно которым высшую реальность можно прозреть в видениях сакрального образа, а также идея о том, что божественный образ преобразует и того, кто получает «духовное зрение». Эта идея «духовного зренья» нашла преломление и в учении Накшбандия (основателя суфического ордена Накшбандия).

Так, в нём говорится, что свет есть некий сверхматериальный двигатель, с помощью которого материальная стихия преобразуется и просветляется.

Красота всевышнего, по мысли мыслителя, отражается в естественном, то есть реальном мире. В нём есть преображенная материя — «воплощенная идея». Она имеет способность глубоко воздействовать на реальный мир, очищать душу человеческую, а значит, улучшать её.

Лирические идеи классических поэтов имеет суфические истоки и естественную человеческую

природу. Но этот цветовой образ для поэта ценен прежде всего тем, что они воплотили в себе поиски тайного знания и идею преображения житейского, бытового в нечто иное. (Среди узбекских классиков Навои говорил не просто как суфический поэт о преображении мира — он его творчески преображал. Оттого-то и двойственны его образы, ведь каждый из них — о двух видах бытия: земной и небесном).

Именно Навои выработал изобразительную технику, целиком построенную на взаимодействии и яркости простого цвета. Как известно, «в лирике Навои мы столкнёмся с иным положением» [3, 120]. Пространство, колористика имеют в такой технике гармоничный смысл — естественный и символический.

Таким образом, новаторское обращение к восточной колористической традиции объясняется своеобразная колористическая традиция в узбекской лирике.

Список литературы:

1. Алишер Навоий. Қаро кўзим. – Т.: Адабиёт ва санъат, – 1988.
2. Атоий. Ҳаёт васфи. – Т.: Адабиёт ва санъат, – 1988.
3. Исоқов Ё. Навоий поэтикаси. – Т.: Фан, – 1983.
4. Кандинский В. О духовном в искусстве (Живопись)/В. Кандинский. – Л.: Фонд «Ленинградская галерея», – 1990.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-16-4-42-44>

*Bovkunova Oksana Volodymyrivna,
Dnipropetrovsk National University by O. Honchar
Dnipro, Ukraine
E-mail: ov2bovkunova@mail.ru*

From Mannerism to Baroque: poetics peculiarities of “arcadia” genre by Ph. Sidney

Abstract: The present paper is an attempt of understanding some aspects of the formation of novelistic prose of the Renaissance English literature. In particular, the change of genre and stylistic settings of the poetics of a traditional era and the discovery of the artistic style of the Modern times. The material for the construction of a literary-historical observation is the “Arcadia” by Ph. Sidney — a novel that refracts in a complex systematic unity artistic elements of mannerism and those of the Baroque style of the future.

Keywords: Ph. Sidney, Arcadia, poetics, style, genre, novel, Renaissance, mannerism, Baroque.

As it is demonstrated and proved by deep investigations of poetics (L. Potiomkina, L. Nikiforova, T. Vlasova, N. Torkut) [4; 5; 7; 3; 11; 12], Elisabeth epoch’s novelists’ artistic search — J. Lily, Ph. Sidney, R. Green, T. Lodge, T. Nash, T. Deloney — is marked by intergenre

typology (L. Pryvalova) [6; 7] and genesis of English-Renaissance novel, many poetological ways of aesthetic complication of multilevel form which take place on the basis of mannerist “ground” but give the way to baroque at the same time.

Such stylistic basis of genre creation defines the choice of genre markers which are important for 'bigger' epic form of the English Renaissance's genres and the directions to their study. Branched in their own genetic origin, artistic innovations of Renaissance England's novelists meet in correlation of novelistic and epic. It is demonstrated by long distance vector of continental Europe's novel renovation at the edge of traditionalism (at the beginning of which are M. Boiardo and L. Ariosto as it is known), and the central line of "poetic" introduction to the genre of novel (which is identified not with the form but the essence of poetics).

This was demonstrated by Ph. Sidney in theoretical explanation of the category of poetic mimesis [3]. Thus, aesthetic essence of traditional narrative forms correlations which are important for "Shakespeare epoch" is the most clearly demonstrated in Sidney's variant of genre poetics, created in the context of mannerism development into baroque.

The basis of Ph. Sidney's artistic experiment in the sphere of novel genre became correlation of pastoral and knight novel genre traditions, directed to the renovation of epic genre building. In "Old Arcadia" (later — "OA") [1] reinterpretation of knight novel central motifs was submitted to polemic — as to the Renaissance continental pastoral — transformation of pastoral modus — "an ideal place". In the second variant of Sidney's novel - "New Arcadia" (later — "NA") [2] the structure and organization of artistic reality, peculiar to knight and pastoral modifications of the genre, is built up as a true and gradual implementation of orientation to the specific sample of heroic poetics creation, is set up in the genre of its new genre kind on the basis of understanding inexhaustible number of ways of poetological implementation of aesthetic principle of "imitation" (mimesis).

Sidney's attention to the artistic reality regulating is determined by a complex correspondence of neoplatonism and neoplatonism in literary-theoretical reflection of the writer, is reflected in centralization of his novel plot organization, where Sidney's understanding of correlation of pastoral seclusion and heroic "deed" are realized.

Plot frame "NA" is connected with story and traveling of two main characters — princes Musidour and Pirocle [2]. The stages of through plot appear not in linear-chronological order, but in a constant kaleidoscopic switch of synchronic novel time and previous personages' stories, which are given to the reader as inner stories and vice versa. Epic plot, complementation of novel space by many extra plot lines, by mosaic of inner stories is one of the brightest peculiarities of Sidney's genre

and style innovations. This opens and demonstrates the prospective of courteous-heroic baroque novel. The problem of genre specific of such transitional according to its nature plot type is still very contradictory. Trying to study its peculiarity on the basis of the previous genre kinds the scholars, probably, do not pay attention to the fact that "in the nature of Renaissance novels plots, especially in "high", intermediate — final and main — character of the Renaissance literature" [3, P. 23].

Outer brightness, non-stability, broken plot of "NA" is a Mannerism step to stereoscopic structure of a baroque novel. The process of breaking the rhetoric principle of composition which one feels in "NA", calls for the change of Mannerism maze of "OA" fable lines by a single fable which is typical for baroque standards as for the fullness of artistic reality scope in its universal objective laws. With its division, it gives the novel a definite plot fullness, becomes a solution of the main aesthetic problems in two time layers (as in Boyle, Ford, Scudery's classical courteous-heroic novels) [5, P. 111–115].

Analytical straightening of complicated row of events "NA" demonstrates that a strange novel composition, which is traditionally subjected to the through motif of traveling, becomes more stable which is peculiar for the baroque style. Musidour and Pirocle's heroic traveling is a structurally-organized center which divides novel chronotop into synchronic "present" and "past" united, in their turn, by the notion of exotic space. It tells about the writer's desire to establish the date and localize the narration as courteous-knight novel. This very transformation of plot accent and its introduction into the main canvas of the narration, mainly in parenthetical episode is a device in its meaning of the word which creates a wide epic background.

"NA" plot is created from touches of pastoral, adventurous-heroic, novelistic and knight worlds into which all the canvas of the novel is broken up into. And every of them, having their own orbit, is connected with the rest in a definite artistic world of the whole. Its general center of idea — a problem of "political man" forming, a future leader is a global one for "NA". It is given in different variants of situations and dominating in the plot as a "trial" has its own genre function.

In "NA" Sidney works over moral-psychological category of "examination" both extensively and extensively: love-pastoral and heroic-political (the princes' presence at the riot of iloets) at synchronous time (the 1st and the 2nd books); knight, social-adventurous, heroic-political in the novel "past" (touch stories) and in the

“present” (the 3rd book). Variety and variability of “exam” situations in every of the worlds — “NA” touches — are the engine of events plot adventurousness and the basis of the main plot decentral nature. Encyclopedic vastness and genre universalism of the novel problems are submitted to this: in every of the “worlds” personages face a dilemma of the style of life choice or a problematic deed which is to be solved every time according to the circumstances [3, P. 25].

Gradually a love line is being added to the adventurous-heroic one. This is a definite stage of “a political person” upbringing. Starting from the traditional to the medieval knight novel motif of being in love according to the portrait, Sidney offers his reader a different perspective. Not love but the sense itself induces the personages to make deeds to proof their power and the sense itself during the traveling becomes the next exam for them.

Sidney’ understanding of a definite inner dependence between the category of “heroic” and love sphere is demonstrated in “NA”, as we believe, in the full swing. Peculiarity of Sidney’s interpretation of the given dependence is in love “glorification”, “politization”. It appears as a result of the complex coexistence and contradiction of two antinomic world view beginnings of the author’s man conceptions: renaissance belief in the human’s activity and mannerist idea of a man as a being who is not the master of his own soul.

Being written in the period when both these desires demonstrate themselves fully. Sidney is an interesting example of the new genre aesthetic forming. In it on the basis of thinking-over method of the previous experience of the traditional poetics the peculiarities of Mannerism stage in the literature of the Renaissance development as well as the stage of baroque tendencies appearing in it are reflected.

References:

1. Sidney Sir Ph. The Countess of Pembroke’s Arcadia/Sir Ph. Sidney – Cambridge, 1912 – (The Complete Works: in 4 – vol. [ed. By A. Feuillerat]/Sir Ph. Sidney; – v. 1) – 912 p.
2. Sidney Sir Ph. The Countess of Pembroke’s Arcadia Being the Original Version/Sir Ph. Sidney – Cambridge, 1912 – (The Complete Works: in 4 – vol. [ed. By A. Feuillerat]/Sir Ph. Sidney; v. 4) – 576 p.
3. Никифорова Л. Р. «Новая Аркадия» Ф. Сидни как предтеча барочного галантно-героического романа //Л. Р. Никифорова/Зарубежный роман в системе литературного направления. – Днепропетровск: Изд-во ДГУ, – 1986 – С. 20–25.
4. Потемкина Л. Я. Введение/Л. Я. Потёмкина//Проблемы становления и развития зарубежного романа от Возрождения к Просвещению: сборник научных трудов. – Днепропетровск: Изд-во ДГУ, – 1986. – 124 с.
5. Потемкина Л. Я. О системе поэтики западноевропейского пасторального романа XVI – начала XVII века/Л. Я. Потёмкина//Системность литературного процесса. – Днепропетровск: Изд-во ДГУ, – 1987. – С. 111–118.
6. Потьомкіна Л. Я. До питання про жанрову природу романів Ф. Сідні/Л. Я. Потьомкіна//Ренесансні Студії. – Запоріжжя, – 1998. – Вип. 2. – С. 108–116.
7. Потьомкіна Л. Я. Про одну з тенденцій у вивченні англійського роману доби Відродження / Л. Я. Потьомкіна//Ренесансні Студії. – Запоріжжя, – 1997. – Вип. 1. – С. 4–7.
8. Привалова Л. П. Посібник до вивчення спецкурсу «Проблеми жанрово-стильового аналізу англійської романної прози доби Відродження»/Л. П. Привалова – Дніпропетровськ: «Пороги», – 2008. – 56 с.
9. Привалова Л. П. Основные жанровые особенности модификации английского романа последней трети XVI в.: автореф. дисс. на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец. 10.01.05 – Литература стран Западной Европы, Америки и Австралии/Л. П. Привалова. – М., – 1988. – 24 с.
10. Торкут Н. М. Проблеми генези і структурування жанрової системи англійської прози пізнього Ренесансу (малі епічні форми та «література факту»)/Н. М. Торкут – Запоріжжя, – 2000. – 406 с.
11. Торкут Н. М. Стан вивченості та перспективні напрямки досліджень англійської художньої прози шекспірівської доби/Н. М. Торкут//Літературна панорама шекспірівської доби: [навчально-методичний посібник]. – Запоріжжя: Вид-во ЗДУ, – 2002. – 123 с.
12. Торкут Н. Н. Особенности поэтики романов Т. Лоджа: дисс. канд. филол. наук: 10.01.05/Н. Н. Торкут – М., – 1991. – 244 с.

Vlasova Natalya Petrovna,
Elabuga Institute (Branch) of Kazan (Volga Region) Federal University,
the Faculty of foreign languages, senior lecturer
E-mail: vlasovanatalja@yandex.ru

Extralinguistic factor of literary text (By the example of the novel by M. Drabble "The Garrick Year")

Abstract: The article examines some aspects of functioning extralinguistic information in a literary text. The paper substantiates the statement that ignoring extralinguistic information leads to failure to comprehend the literary work in an appropriate way.

Keywords: M. Drabble, "The Garrick Year", extralinguistic factor, background knowledge.

It is common knowledge that a literary work is created to embody the author's intention, to get his knowledge and ideas of the objective reality across to the reader. The author implements this in the manner peculiar to him, employing various combinations of language units, stylistic devices and expressive means. Yet it seems that to use only a language-based approach for comprehension of a literary work is far from being sufficient as it is inseparably linked with the writer, the place and the time when it was written, with national and cultural features it expresses. Lotman Iu.M. insists on seeing a literary work as an organic whole [4]. Markovina I. Iu. marks also the communicative function of literary texts in intercultural communication [5]. According to Lichachev D.S. [3], any literary phenomenon reflects reality to greater or less degree. We cannot consider a literary work without taking into account its connection with national culture, because the reality reflected by the writer may differ from that which the reader belongs to or which he is acquainted to. Intercultural communication frequently and typically occurs by means of texts, primarily literary texts.

The extralinguistic parameter of a literary text is connected with the notion *vertical context*, which is defined by Gubbenet I.V. as all social way of life, ideas, attitudes of a given social stratum, knowledge of which is necessary for readers living in different countries and in different historical time to comprehend the work of this or that writer belonging to a certain literary trend and tradition [2, 7]. One of the categories of *vertical context* is the so-called background knowledge. It may be various in character, usually we include here such things as onomastic phenomena, the material world (houses, transport, furniture, clothes, etc.) and some other things. Gubbenet I.V. notes that ignoring details may lead to failure to grasp the idea in a greater or less degree [2].

The article considers the importance of extralinguistic information while analyzing the novel by Margaret Drabble "The Garrick Year". Before starting to read the novel, third-year students (12 people) of the foreign languages faculty of Elabuga Institute were asked two questions: 1. Who (What) may Garrick be? 2. What may the book be about? 9 people answered that Garrick may be a man (a student (5), a sportsman (3), just a young man (1), 1 student thought that it was a dog, 2 people had no idea at all. The answers to the second question were as follows: 5 students thought that the novel is about university days, 3 people guessed that it is about one-year preparation for some sport competition, 1 person supposed that it tells about a young man's one-year living abroad, the rest couldn't give any answer. This small experiment proves that to comprehend a literary work, especially of a foreign writer, one should possess extralinguistic knowledge of various aspects, otherwise, the students would have answered that David Garrick (1717–1779) was a famous English actor, playwright and a theatre director [8].

The personality of the writer is also significant when we consider a literary work in a holistic way. Margaret Drabble is a modern English writer (b. in 1939). Even at the stage of familiarizing oneself with her biography, the reader can guess the general nature of the story and possible theme — M. Drabble specialized in English literature at Cambridge and then she taught it there, she is the author of critical studies of W. Wordsworth, T. Hardy and a biographer of A. Bennet. Besides, the art of acting and TV work are things M. Drabble knows about as once she wrote a TV play [8].

The novel was written in 1964, the setting of the novel is related to this time, so the reader will surely come across some things and phenomena which mark this historical period, e.g., the characters in the novel use the

old monetary system: *5 bob* (1, 41), *half a crown* (1, 44), because the decimal monetary system was introduced in Britain in 1971 [7]. Another example — Emma, the heroine of the novel, when visiting Hereford Cathedral meets some young people in jeans with the bottoms rolled up, i. e. in the fashion of the 60th, then, reflecting upon local people, she calls those young men *teds in blue jeans* (1, 120), *teds* (*teddy boys*) are fops, yet the contemporary dictionary marks a *teddy boy* as old-fashioned [6]. The time when the novel was written allows to get an idea of social order and standards in Britain in the 60th. Emma's husband is an actor and she has to follow him to Hereford where David, her husband, is offered to play a year's season at a provincial theatre festival. Emma can't imagine her life without London for many reasons, one of which is that she has been promised a job as a newsreader and announcer, which she describes as an attempt of some television companies at equality of sexes by allowing women to announce serious events. Emma says that she was to be a pioneer in this field [1, 10]. So, the reader gets to know that leading positions in TV were given to men at that time.

A wide variety of onomastic realities are represented in the novel — the names of cities (*Hereford, Brighton, Cambridge*), boroughs and parts of London (*Chelsea, Islington, North East, South West, Primrose Hill etc.*); the names of newspapers and magazines (*The Times, The Guardian, The Clarion, Coronet, etc.*); the names of shops (*Marks and Spencers, Camden Passage*), etc., which can confuse the foreign reader. The setting of the novel is in Hereford but Emma would reflect upon London, its certain parts and places, which allows to get a clear idea of the character's social status. Emma was born in Cambridge, brought up in intelligent surroundings, her father was a theologian. She got education in an expensive girl's boarding school, spent a year in Rome, then, on returning to London she lived on Primrose Hill, which, though, was considered to be not as prestigious as Madingley Road in Cambridge where she used to live [1, 30.]

Emma, remembering her meeting David, mentions *White City*. The reader who knows what *White City* is realizes that BBC is meant here. This place is important for both as David participates in TV plays, Emma's ambition is to work in TV (1, 20). Then, with the course of evolving their relations, Emma visits David's place in Chelsea which is traditionally associated with an artistic London borough. After the young people got married, Emma starts looking for a suitable house to live in. She takes it in a very meticulous way, as she didn't want to live "anywhere that was less than beautiful" (1, 30) — she rejects London North West and South West from

the very beginning as she does not consider them eligible for her social position, she can't afford to live in West End, as it is very expensive. In the end, the house if found in Islington, in North East London, a place where, mostly, middle-class people, left-wing politicians and people who work in television, radio and newspapers live [7]. It should be noted that the house Emma chose, its furnishing, in the first place, characterize her in a certain way, besides, the reader has a chance to get knowledge of domestic arrangement of people of a certain social status and profession living in the given historical period of time. Emma and David's house is a typical English *terrace house* (1, 31), built in the 19th century — it is a house for one family forming part of a continuous row of houses with common side walls [7]. It was again Emma who found them a house in Hereford, consequently, it resembles their London one. It is being furnished and decorated to her sophisticated taste — she is scornful of mass manufacturing things, so Emma carries to Hereford her *Liverpool ware teapots* (1, 43), carefully wrapped in paper; on the walls of their London house there was *Morris wallpaper* (1, 18). For the foreign reader it is difficult to appreciate this wallpaper without knowing that W. Morris was a British craftsman who disliked mass production in factories, who designed and made his own furniture and other things, which are still popular [7]. Emma finds such things at *jumble sales* (1, 27), in *junk shops* (1, 27, 122), she visits Camden, where there is a market area selling antiques, all this irritates David very much, he calls such things *Victorian junk* (1, 27).

It is noteworthy that the adjective *Victorian* is used in the novel rather frequently. We can guess that a foreign reader when asked what the word *Victorian* means, at best, will say that it is somehow connected with Queen Victoria. In the novel it is used in different contexts — firstly, it denotes the time of Queen Victoria's reign (1837–1901), then, it is used to describe the style of buildings (red brick) and furniture (made of dark-coloured wood with a lot of ornaments); also it is used to characterize strict moral attitudes where marriages were thought of as permanent, and divorces were not thought of, though there is a belief that at the same time people then often pretended to have better moral principles than they actually had [7]. To take the above mentioned meanings of the word *Victorian* into consideration, it seems possible to try to interpret the sentence "I read Wordsworth, and Hume, and Victorian novels, and other things" (1, 171) — we may guess what the contents of *Victorian novels* here are — evidently the books are about values of virtuous family life, if so, it explains Emma's literary choice at the

described period — at this time she suffered the infidelity of her husband, and she might reflect on her married life and marriage in general. As far as W. Wordsworth (1770–1850) and D. Hume (1711–1776) are concerned, the former is a famous English poet-romanticist, the latter is a Scottish philosopher writer. These are not the only names from the field of literature that we come across in the novel, among others are: Ch. Dickens (1, 31), Ch. Bronte (1, 53), T. Williams (1, 57), A. Tennyson (1, 81). Going back to the biography of the novel's author, we can suppose that Emma's literary preferences actually mirror the educational and professional background of Margaret Drabble.

Since Emma's husband, David, is an actor, the novel contains much information related to theatre, English theatre, which again can interfere with the foreign reader's reading — first of all, in the title of the novel there is the name of David Garrick (1717–1779), who was born in Hereford and who had a great influence on theatre in England in the 18th century. Besides, as the characters of the book are mostly theatre related people, one can come

across the names of English actors from different epochs, e. g., N. Gwynn (?1650–1687) [1, 28], who is thought of as the first English actress, S. Siddons (1755–1831) [1, 28], L. Olivier (1907–1989) [1, 58]; the names of theatres — the National Theatre [1, 48], the Oxford Playhouse [1, 70], the London Palladium [1, 83]; the names of newspapers and reference books — *Who is Who in the Theatre* [1, 94], *Dramatic Events* [1, 127].

Summing up, on the ground of the studied above, the following conclusions may be drawn:

- 1) any literary work should be seen as a holistic one, as an organic whole;
- 2) beyond a literary work there is a reality world which is reflected in the text of a literary work to a greater or less extent;
- 3) extralinguistic information should be taken into account while analyzing a literary work, otherwise, the reader will fail to comprehend the work in full;
- 4) including extralinguistic information into the structure of the analysis of literary works promotes to more productive intercultural communication.

References:

1. Drabble M. *The Garrick Year*. – London: Penguin Books, – 1964.
2. Губбенет И. В. Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста. – М.: Книжный дом «Либроком», – 2010.
3. Лихачев Д. С. О филологии. – М.: Русский язык, – 1989.
4. Lotman Ju. M. Analysis of a poetic text: the structure of poetry [Excerpt]. *Russian Studies in Literature*, – Volume 10, – 1974. (Published online: 19 Dec 2014).
5. Markovina I. Ju. Cultural factors and the comprehension of the literary text. *Russian Studies in Literature*, – Volume 20, – 1984. (Published online: 19 Dec 2014).
6. Новый Большой англо-русский словарь: в 3 т. – М.: Рус. яз., – 2001. Т. 3.
7. Longman Dictionary of English Language and Culture. Harlow: Longman, – 2003.
8. Margaret Drabble. Biography. Электронный ресурс: URL: <http://www.webbiography.com/biographies/margaret-drabble> (Accessed 27.10.2016).

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-16-4-47-50>

Vorobyeva Alexandra Nikolaevna,
 Doctor of Philological Sciences,
 Professor of the Chair of Philosophy and Philology
 of Samara State Institute of Culture
 E-mail: alexandra.vorobjewa@yandex.ru

The motive of confusion of a man in modern literature

Abstract: The article discusses the works of Russian and foreign literature which reflect painful feelings of modern man, who suddenly realizes the disorder with the outside world as incomprehensible trouble.

Keywords: The gap, confusion, utopia, a world of information, literaturinstitut, a book, a reality.

Воробьева Александра Николаевна,
Доктор филологических наук,
профессор кафедры философии и филологии
Самарского государственного института культуры
E-mail: alexandra.vorobjewa@yandex.ru

Мотив растерянности человека в современной литературе

Аннотация: В статье рассматриваются произведения русской и зарубежной литературы, отражающие мучительные переживания современного человека, который внезапно осознает разлад с окружающим миром как непонятную беду.

Ключевые слова: Разрыв, растерянность, утопия, информационный мир, литературоцентричность, книга, реальность.

Молодой журналист пишет: «Агония порядка и мировоззренческая растерянность — вот подлинное качество времени, которое мы сейчас проживаем» [1]. Это реальная характеристика реального состояния современного общества. Между реальностью и ее отражением в литературе (искусстве), как это происходит всегда, выстраиваются эстетические отношения, ведущие к взаимному углублению понимания проблемы. Предмет данной статьи — сопоставление качества реального времени с его преображенным отражением в литературе.

Разрывная ситуация, определившая состояние целого пласта литературы 1980–90-х годов (постмодернистского), наполнив сюжетные интриги особой трагической безнадежностью, вывела на первый план маленького человека, о котором, казалось, литература давно забыла. Героями теперь становились непривлекательные, конформисты, «посторонние», «лохи», ищущие забвения ли, отдохновения ли вдали от столиц. Эскапизм казался тогда спасительным. Это был ошеломительный момент российской истории: перепутанная эпоха, разом выплеснувшая на поверхность пестрый клубок диспозиций на принципиальном сломе старой власти и нетерпеливого ожидания новой. И это было эстетически роскошное литературное время, рифмующееся с началом XX века, когда царствующий модернизм в лице А. Белого ностальгически провозглашал: «Революцию взять сюжетом... невозможно в эпоху течения ее» [2, 455].

Прошло столетие, и мы видим, что та революция была-таки взята сюжетом. Литература конца XX века оказалась самой свободной частью той фантазмагорической реальности именно благодаря художественной информативности своих новых главных героев, а точнее — *антигероев*. Из литературного андеграунда выведены на сюжетную поверхность экзистен-

циально апатичные, замкнувшиеся в себе персонажи, обреченно воспринимающие любые катастрофы своего существования как стихию, с которой бороться бессмысленно. Они все-таки пытаются бороться, но только в пределах своих частных проблем (семьи, например), закрывая их своей жизнью перед «крысиной мордой» представшего перед ними государства («Носитель культуры» Вяч. Рыбакова, 1988), попадая в ситуацию бегущего человека («Невозвращенец» А. Кабакова, 1987, «Новые Робинзоны» Л. Петрушевской, 1989, «Лаз» В. Маканина, 1991, «Омон Ра» В. Пелевина, 1991). При этом государство формально существует, даже как будто очеловечивается (обретает внешний облик человека, как в рассказе Вяч. Рыбакова «Не успеть», 1988) и как будто укрепляет свои позиции, чтобы удержать человека в повиновении. Но давно начавшийся разрыв между человеком и государством не уменьшается, а герой воспринимает происходящее как должное, продолжая мыслить в категориях советской жизни, ни на что не надеясь, ничего не ожидая, ничего не желая. И неважным становится то обстоятельство, в какую сторону дрейфует дальнейшее развитие строя жизни: в сторону ли сужения всех знаков и площадок существования, в конечном итоге — исчезновения жизни, или наоборот — в сторону квазиглобального объединения всего человеческого мира, как это изображено в романе А. Волоса «Маскавская Мекка» (2003), или в сторону тупикового фанатизма, с которым жаждут и ищут чуда герои «Дня опричника» (2006), «Метели» (2010) В. Сорокина, или романов Д. Быкова «Оправдание» (2005, ранее печатался в «Новом мире»), «Эвакуатор» (2005), В. Пелевина «Чапаев и Пустота» (1996), «Священная книга оборотня» (2004), и «Ампира В» (2006) и др. Все эти тексты продолжили намеченные в постутопических сюжетах линии, их создавали

в основном те же писатели, и они шли впереди своего скоротечно мимикрирующего времени, когда средне-статистический человек уже был неспособен отличить восторженную благодарность к власти от страха перед ней. Эти писатели пробивались к истине о растерянном поколении, обращаясь к помощи «тихой» фантастики, мало отличимой от реальности, принимая ее исторический запрос на художественное сохранение «страшных лет России».

Контекст западных литератур высвечивает такую же потерянность человека перед лицом стремительно возникающих проблем, которые при близком рассмотрении оказываются общими для всего человечества: бесчинство террора, опасные последствия научных открытий и т. д. При сопоставлении разноречивых текстов современных писателей, при всех различиях в сюжетных интригах, темах, мотивах, которые, конечно, есть, но они даже не принципиальны, поражает другое: *общность* растерянности и бессилия понять, что за высшие силы управляют миром, изымая из него простые, тихие, живые силы и заменяя их машинами. Порой утрачивается представление о национальных различиях, настолько близки переживания персонажей. Это мир, пораженный общим *истугом* [3], источник которого уже вплотную приблизился, — это возможное объединение всего человечества в единую «глобальную деревню». Один из показательных примеров — роман «Элементарные частицы» (2000) М. Уэльбека и последовавший за ним роман «Возможность острова» (2004) с их трагическим утопизмом любви, которую «донашивают» прекрасные женщины, не смеющие (Аннабель) достучаться до любимого или безвозвратно разбившие свою душу и тело, слишком поздно нашедшие любовь (Кристиана). Символика уходящей из жизни любви связана с наступающим злом нового типа в лице Давида, испытывающего удовольствие от фотографирования и видеозаписей своих злодеяний. Как вывод из мучительных провалов прежнего мира, стремительно и непонятно утрачивающего человеческий облик, следует «ученый» сюжет Мишеля Джерзински, пытающегося найти альтернативу «утраченным иллюзиям». В обоих сюжетах заложена пронзительная нота прощания со «старым» человечеством, погрязшим в пучине пороков, жестокостей, злодейств, внутри которых безвыходно и бесцельно бродят остаточные люди, утратившие былые человеческие качества. Мишель Джерзински пропадает из сюжета романа, будучи не в силах смириться со своей главной утратой — *природного* человека в результате научных изысканий (в сфере клонирования).

Рассуждая о принципиальных переменах в состоянии современного человечества, А. Столяров указывает на проблему гендера как наиболее видимое последствие цивилизации, сопровождающееся при этом нарастанием динамики катастроф. «Просто техносфера, опирающаяся ныне на сетевые методы управления, достигла, по-видимому, такой степени сложности и быстродействия, которая требует реакций, несвойственных «классическому» человеку. Она уже превышает его физиологические возможности <...>. Естественным, эволюционным путем этого не происходит. Значит, потребуется искусственное, целенаправленное преобразование человека. Модернизация его теми биологическими технологиями, которые уже появляются» [4, 126]. О возможном, почти уже реальном преобразовании человека биологического сейчас говорят и ученые-генетики [5, 245].

Новые романы Уэльбека «Карта и территория» (2012), «Покорность» (2015) демонстрируют сближение с сегодняшней реальностью, которую уже нельзя рассматривать по отдельным странам. По стремительному повороту этого писателя (и многих других) от фантастики к реальности можно предположить, что такое мощное «вмешательство» современной литературы в реальную действительность свидетельствует о той же растерянности, какой страдают ее герои.

При этом следует заметить, что растерянного человека не сразу можно выделить в хаосе странных событий и ситуаций, вдруг возникающих из привычного, как казалось бы, абсурда. В романе О. Славниковой «Легкая голова» (2011) поначалу перед читателем предстает вполне уважаемый, успешный менеджер крупной фирмы. Но внезапно все меняется и герой оказывается в ситуации, настолько лишенной всякой логики, что в его «легкой» голове, не отягощенной знанием и пониманием элементарных законов существования и движения человеческой жизни, наступает полный ступор. Появляются два странных субъекта и объявляют ему, что он должен застрелиться, чтобы спасти миллионы людей. В противоположность И. Бродскому, да и вообще в мейнстриме сюжетов 1990-х годов, герои которых не спорят с судьбой («Коли выпало в Империи родиться, / Нужно жить в глухой провинции, у моря»), Максим Т. Ермаков (в таком парадном имени заложена амбициозность уверенного в себе человека), переехав в Москву из провинции, то есть совершая обратный (Бродскому) путь, успешно осваивает «империю», принимая основные принципы и установки общества и став его «винтиком». Впрочем, до ощущения винтика ему придется

многое открыть и пережить. Его дед, в прошлом знаменитый стахановец, по натуре кулак, со временем теряет ощущение фантома собственного социального благополучия. «Не один деда Валера — вся страна жила на пару со своим фантомом, с гигантской иллюзией в натуральную величину С. С. С. Р., на поддержание которой шли не только огромные материальные ресурсы, но и человеческие жизни. Эта иллюзия была как бы сопредельная территория, где ярче светило солнце, где молодым была дорога, старикам почет...» [6, 313].

Максим нашел было другой путь — все ту же «старую» любовь. Но за несколько счастливых мгновений оба героя платят по высшей ставке: Маленькая Люся погибает от теракта в метро, а Максим застре-

лился, не ведая, что именно этого добивались от него ужасные «гости». Голова не стала весомее (а ведь был уже М. А. Булгаков, давно создавший про голову умный, эlegantный и «головокружительный» сюжет).

Литература последних лет обнаруживает главный конфликт, который закодирован в реальной действительности и становится все более видимым, но еще более непонятным. Это конфликт человека традиционного, классического, носителя утопического сознания, и нового, сына информационного века, начинающего понимать, какую тяжелую работу ему придется проделать над собой, чтобы преодолеть свой остаточный утопизм, «утяжелить» голову свободным знанием и умением распорядиться им.

Список литературы:

1. Рубцов А. Вяло текущий конец света // Московский комсомолец. 16 августа – 2016 г. Автор убит 3 мая 2016 года.
2. Белый А. Революция и культура // А. Белый. Критика. Эстетика. Теория символизма. В 2-х т. Т. 2. – М.: Искусство, – 1994. – С. 450–469.
3. Название романа Маканина В. Испуг. – М: Гелеос, – 2006. – 416 с; – метафора растерзанного психологического состояния современного русского мира. Испуг связывает две основных линии романа: любовь пенсионера к молодой девушке («запретный плод») и расстрел Белого дома в – 1993 г.
4. Столяров А. Голубое и зеленое // Новый мир. – 2004. – № 11. – С. 118–129.
5. Кордюм В. Мне интереснее создавать будущее, чем писать о нем // Полдень. XXI век. Журнал Бориса Стругацкого. – 2004. – № 2. – С. 245–253.
6. Славникова О., Легкая голова. – М.: АСТ: Астрель, – 2011. – 415 с.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-16-4-50-56>

Zahra Sonia Barghani,

Shiraz University

E-mail: z.barghani25@gmail.com

Anushiravani Alireza, PhD

Professor of Comparative Literature at Shiraz University

E-mail: anushir@shirazu.ac.ir

Biblical tale turned blockbuster thriller: the adaptation of Noah (2014)

Abstract: This study is an investigation into the adaptation journey of American director Darren Aronofsky's 2014 film *Noah*. The objectives of this research are to find the differences and causes of the differences which exist between the biblical story and its cinematic remake. Conducted under the adaptation theory of Linda Hutcheon, the research had two main findings; firstly the alterations which exist do not change the story but rather prepare it for acceptance within a new reception audience. Secondly, the changes which the film has in comparison to the canonical story as recorded in the bible are due to the innate characteristics of their diverse modes of engagement and their medium of presentation.

Keywords: Comparative Literature, Adaptation Theory, Linda Hutcheon, *Noah* (2014), Biblical Tale of Noah.

The intrinsic study of the relationship between literature and other media falls under the category of Comparative Literature. In this discipline the changes that a literary work faces and why, how and to what extent it has been altered as crossed into another realm of art are studied. The expansion of literature has not stopped at Comparative Literature; it developed into a new and growing sub-category known as Film Adaptation and Appropriation. In her book *Theory of Adaptation*, leading scholar, Linda Hutcheon notes adaptations “As a creative and interpretive transposition of a recognizable other work or works, adaptation is a kind of extended palimpsest and, at the same time, often a transcoding into a different set of conventions” [7, 33]. These conventions and their transformation form the main foundation of this research.

This study is concerned with the adaptation and appropriation of a story of literature into a Blockbuster film. The story of the prophet Noah and the Ark has been recorded in the Bible’s Book of Genesis. The Bible is the canonical collection of text sacred for followers of Judaism, Islam and Christianity in particular. The Bible is widely considered to be the best-selling book of all time and has estimated annual sales of 100 million copies. Such a text is undeniably valuable even when the religious magnitude of the piece is put aside and it is studied purely as a piece of literature. The tale of the prophet Noah is simple in plot; Noah is the son of Lamech, he is living in a world overcome by sin and doomed to destruction because of humanity’s misdeeds. The narrative follows the struggles of Noah, his wife and sons in dealing with the notion of universal cleansing by the creator. Moreover, the Bible’s Book of Genesis verses six to nine depict the aftermath of the flood which includes Noah’s struggle to understand as well as the Lord’s avowal for humans to be fruitful and replenish the Earth once more.

The visual side of the study is the 2014 cinematic remake of the tale of the prophet Noah. Director Darren Aronofsky created the film *Noah* after his nearly 30 year fascination with the Biblical tale. The film tells the same tale as the text; however Oscar-nominated director Darren Aronofsky adds a great deal of artistic and personal interpretations to the film. The prophet who had to save the few remaining virtuous in a world overtaken by sin is shown in the film as a man with colossal internal conflict; a man of god who with over 500 years of age is torn between the order of the creator and his own understanding of creation. The film that casted Russell Crowe in the leading role of the prophet Noah was released in North American theaters on March 28, 2014 and faced immerse controversy from Jewish, Chris-

tian, and Muslim leaders alike due to the perhaps overly artistic additions of Aronofsky. Controversy ran so high that producing company, Paramount Pictures, added a disclaimer telling moviegoers that the film is not exactly the same story portrayed in the Bible.

Literature transforms into different modes of engagement; in other words the words on the page form the telling mode and when taken to the big screen they transform into a showing mode. As technology continues to develop; the showing mode of literature has been able to find new grounds in the world of video games, the interactive mode. In *A Theory of Adaptation* Linda Hutcheon it tells of the modes of engagement, “All three modes are arguably “immersive,” though to different degrees and in different ways” [7, 22]. Thinkers such as W.J. T. Mitchell argue that there is no difference between a verbal text and visual images noting “communicative, expressive acts, narration, argument, description, exposition and other so-called ‘speech acts’ are not medium-specific” [7, 23]. However, scholars of the field of adaptation reject such vague classifications, demanding that similar to each medium or genre each mode possesses particular specificities and features which alter each modes power of expression.

The telling mode is based in the realm of imagination and engages the readers mind more than anything. It is “unconstrained by the limits of the visual or aural” and “it can take us into the minds and feelings of characters at will” [7, 23]. In this mode of engagement the readers paint a mental image each with his/her own perception, culture, background and mental state. The telling mode is the mode in which interpretation from the readers is most likely to take place. Lacking any kind of tangible picture, color, sound or visual effect the telling mode gives way to open interpretation and reflection upon written texts. Canonical texts such as The Bible are no different for they narrate a story and a message that are exposed to reception of all types. Darren Aronofsky makes note of the power of interpretation in a March 2014 interview with Cathleen Falsani of *The Atlantic*, an American magazine. In the article Aronofsky draws on the mythological story of Ithacus for comparison; he says “When you talk about Icarus, you don’t talk about the feathers and wax. You talk about how he flew too high and was filled with hubris and it destroyed him. That’s the message and that’s the power.” It is this trait of canonical stories, which primarily exist in the telling mode that allows various interpretations.

The showing mode “immerses us through the perception of the aural and the visual” [7, 27] Movies and

on stage dramas are the members of this mode and have fundamental differences with the novels and short stories of the telling mode. Within this mode the reader, now better identified as the audience, loses the powers he/she previously had to stop reading, reread or skip ahead. Noted such by Linda Hutcheon “the mode of showing, as in film and stage adaptations, we are caught in an unrelenting, forward driving story. And we have moved from the imagination to the realm of direct perception — with its mix of both detail and broad focus” [7, 23]. The showing mode is a reminder that there exist different ways of expressions other than words on paper.

The features of each mode gain greater importance when they transform into one another. Julie Sanders refers to T.S Eliot’s essay “Tradition and the Individual Talent” to show this uniqueness of change. She writes “when he wrote of the chemical reaction between literary inheritance and the artist that created a wholly new ‘compound’ [3, 41]. The ‘new compound’ requires new understanding. The reason the film and the biblical story differ goes back to the innate feature of each mode. Aronofsky comments on the changes that naturally take place and says “There’s only four chapters, as we had to turn it into a two-hour long narrative film. In the Bible, Noah doesn’t even speak. So of course we’ve got to dramatize the story” [10, 1].

Zadie Smith, an author whose novel was adapted in 2000, notes on what film adaptations add to the novel medium. Hutcheon interprets Smith’s comments as “film adaptations obviously also add bodies, voices, sound, music, props, costumes, architecture and so on” [7, 37]. These are part of the medium specificities of film. The film *Noah*, as an example of the film medium, adds a face to the prophet Noah as well as a voice. The bible does not note the physical features of the prophet or any of his family members; these are embellishments that the medium change adds. The scene where the seed Noah plants rapidly grows into a large forest with abundant trees is only made possible with the aid of cinematic special effects. This scene is written as such in the novel medium; “Make thee an ark of gopher wood” [12, 11]. It is with the change medium that the director is granted authority of expand and elaborate as s/he knows just. In the bible, the novel medium, the size and shape of the ark are described as such.

And this is the fashion which thou shalt make it of; the length of the ark shall be three hundred cubits, the breadth of it fifty cubits, and the height of it thirty cubits. A window shalt thou make to the ark, and in a cubit shall thou finish it above; and the door of the ark shalt thou

set in the side thereof; with the lower, second and third stories shalt thou make it [12, 11].

This rather detailed description is still not exact enough to paint a single image in the minds of all readers. The film medium has the power to portray the ark with all its minute features and leaves no room for different interpretations on the structure of the ark. Director Darren Aronofsky makes mention of these interpretations in an interview with *The Atlantic* he says.

We look at all the art that depicts Noah’s ark, religious art for thousands of years in temples and in churches around the world, and there’s never an appropriate representation of the ark even though the *exact proportions* are described to *the number* in Genesis [5, 1].

In the introduction of his book Robert Stam states that “An adaptation is automatically different and original due to the change of medium. The shift from a single-track medium such as the novel to a multi-track medium like film ... explains the unlikelihood ... of literal fidelity [11, 4]. Stam’s mention of literal fidelity is important because the purpose of the adaptation study at hand is not to categorize different mediums of art but rather understand how each literary expression is undeniably unique.

The intention of the study of mediums is to recognize that different mediums possess different characteristics which impact the way an adaptation is received or criticized. In 2014 the biblical story of Noah which was recorded in the novel medium was transformed to the film medium. Hutcheon’s knows the novel medium as one that demands “a certain amount of re-accentuation and refocusing of themes, characters and plot” [7, 40] and the film medium is “the most inclusive and synthesizing of performance forms” [7, 35]; thus the change from novel to film has impacted the story in much the same way as the change of mode.

Readers, audiences and players all construct the receiving side of an adaptation. Depending on the medium and the mode of engagement to which it belongs adaptations impact audiences differently. With each type of engagement readers and/or audiences gain certain powers while at the same time they are faced with some limitations. Even within the same medium adaptations of performance media can alter the way audiences engage with them. Malcom LeGrice comments on the differences of plays and film. He writes that.

In theatre, the conflict of the hard, undeniable presence of actors together with the conventional artifice of scenery and stage required a suspension of disbelief. On the other hand, narrative cinema, with its flow of action, naturalistic acting, and photographic realism, increas-

ingly involved not so much a suspension as a suppression of disbelief [8, 230].

The way audiences interact and reflect upon a certain adaptation is an important part of how that adaptation ranks in financial terms. Audiences have the power to define the success of an adaptation. In return, the adaptation has the authority to involve readers and/or audiences in any mental action it wishes. The telling mode original and its showing mode adaptation form a reciprocal liaison which includes the reading of the words on the page and letting our imaginations form associated images. Kamilla Elliott calls this reciprocal relationship between the written and the seen mental imaging and mental verbalizing [4, 210–212].

The engagement of a movie audience does not end here; however, Marcus notes that watching a movie is a three step process of identification, projection and integration [7, 130]. Similar stages are taken on by readers of the telling mode; the readers gather information and gradually form meaning by combining the pieces of information. Although the general way of how audiences receive adaptations functions in much the same way, the engagement with and acceptance of an adaptation differs when the engagement is changing across mediums.

The telling mode of the biblical story of Noah is only an approximate 2400 words while the film *Noah* engulfs the audience for 138 minutes. The mental give and take of reading and forming images is a task that readers of the biblical story are required to do, this is their engagement. In the beginning of the story of The Flood in the *book of Genesis* it is written that “The Lord said “I will destroy man whom I have created” [12, 10], later the scripture writes that “Noah builded an altar unto the Lord” [12, 13]. These lines are only examples of the mental visualization engagement that readers have with the telling mode of the story of Noah; these lines tell the message that can form meaning and shape differently in each reader’s mind.

In the showing mode audiences are constantly bombarded with images and sounds. The characters all have a face as well as a personality, the locations are no longer vague and the massive ark and its building process are set before our eyes. Audiences lack the ability to halt such a process of engagement, except by stopping the process all together. Miller compares the showing mode to a window. He writes.

A television or film screen provides a window onto a world that is supposed to extend beyond the visible screen, and has the optics of reality. The audience sitting in the theatre knows perfectly well that however realistic the world on the stage appears to be it does not extend beyond the proscenium arch [9, 206].

Miller makes just mention of the creation of a new world. The engagement that the showing mode creates is unlike any a novel can create. The very way a film is shown usually in a dark cocoon like location with high lighting and loud music impacts the audience’s engagement. In *Noah* there are numerous scenes in which the use of cinematic features such as the angle of shooting or the soundtrack impacts the audience’s mental activity as well as emotion. There is a clip in the film which summarizes the biblical stories prior to the flood shown at the very beginning of the film and the flashback to the symbols of those stories at 27:57–28:00.

How an audience member responds to an adaptation influences the adaptation’s success, similarly how engaged and immersed an audience member becomes impacts his/her response. As previously discussed each of the modes of engagement, telling, showing and interacting, engage readers and/or audiences differently. Medium specificity also empowers and simultaneously limits the audiences. In line with the mode of engagement and medium of exposure there exists another criterion which directly impacts audiences; kind of immersion.

Immersion can be defined as how deep the engagement takes a reader or audience. All modes can be considered immersive; a written text immerses readers through visualization and imagination, the showing mode through visual and auditory representations and the interactive mode through a physical hands-on activity. The degree to which each mode can immerse or as Richard J. Gerrig names it “transport” [7, 133] us differs. The extent of immersion relies not only on the mode but, for film adaptations, on the soundtrack, actors, script and special effects.

Darren Aronofsky’s 2014 Blockbuster *Noah* belongs to the showing mode. This one simple categorization tells a lot about how much audience can be immersed. *Noah* moviegoers are immersed through mental activity. Observing the important fact that the film is the adaptation of a very famous biblical story explains the increase of mental activity which *Noah* audiences have. Audiences have predefined understanding to the biblical story of the prophet Noah. The bible is straight forward in its presentations, writing that “Make thee an ark of gopher wood”, “Thou shalt take to thee by sevens, the male and his female; and of beasts that are not clean by two, the male and his female” [12, 11] and after a short narration of the flood the bible writes “I do set my bow in the cloud, and it shall be for a token of a covenant between me and the earth” [12, 14]. The film is not so trouble-free; the plot twists around the three sons of Noah’s

personal affairs as well as Noah's distraught mental state. Aronofsky himself recognized this change would raise brows in an interview with *The Telegraph* he said that "There is a big part of the population in America who don't want anything to contradict their view of the Bible, and are never going to be open to this type of interpretation" [2, 1]. As the director's quote rightfully shows audiences became immersed in the film because it was not the usual interpretation they expected.

The controversy *Noah* created raised the audience's degree of immersion. In the film there exist fallen angels called Watchers, they are giant rock made robotic like creatures. The Watchers created questions in the minds of many critics and audiences, questions which caused immersion. In actuality The Watchers did actually exist and are named in the Bible though they are not part of the tale of Noah recorded in the book of Genesis. The *Telegraph* interview with Aronofsky mentions the director and his co-directors study of apocryphal text such as "the Books of Enoch and Jubilee, the 15th-century Chester Mystery Plays that inspired Britten's opera *Noye's Fludde*, Albrecht Dürer's *Dream Vision of a heavenly deluge*, and also *Midrashim*". In an interview with Devin Faraci Darren Aronofsky tells of why he incorporated the Watchers and their ancestors the Nephilim into the film. He says that "We were very interested in everything we could read about the Nephilim, and we were inspired by all of it. But we needed to find a way to do something original" [telegraph.co.uk]. The originality that Aronofsky seeks for is part of the immersion process needed for a visual adaptation. As noted by Linda Hutcheon "Clearly the adapter working from one mode to another has to take into account these different ways of involving the audience" [7, 134]. Involving the audience in modes other than the interactive mode requires a mental struggle and thus provoked interest. *Noah's* Watchers were so controversial that its own production company, Paramount Pictures, did not include a picture of them on the official site, perhaps worried something so strange might injure marketing. Nevertheless, in terms of immersion *Noah's* use of the Watchers was successful. As Devin Faraci of birthmovie-death.com writes the Watchers created a challenge in the minds of viewers, "They [The Watchers] don't correspond with what we understand as Biblical images of angels" [6, 1], thus they pull unknowing audiences into deeper immersion of the film.

Hutcheon notes "Change is inevitable but that there will also be multiple possible causes of change in the process of adapting made by the demands of form, the individual adapter, the particular audience, and now the con-

texts of reception and creation" [7, 142]. The audiences that came to see the film were impacted by their social, cultural and economic contexts. The critics who encouraged others to see the film as well as those that severely criticized the film were both influenced by their cultural mindset. The official Vatican newspaper *L'Avvenire*, as written in an article on *The Guardian's* website labelled *Noah* as "a missed opportunity" which ignores God" as well as "strange" and "perplexing" but admitted that "it represented a "visually potent" piece [15, 1]. *L'Avvenire's* comments are part of the reception audience's culture.

The social context of American is more open accepting of the artistic license to the adapter than other countries with more prejudice on religious subjects. James M. Welsh writes about the need for alteration and repetition, he says Fidelity, accuracy, and truth are all important measuring devices that should not be utterly ignored or neglected in evaluating a film adapted from a literary or dramatic source. The whole process of adaptation is like a round and circular dance. The best stories and legends, the most popular histories and mysteries, will constantly be told and retold [13, 25].

Welsh points out the need for repetition of the original story in different contexts. His comments also highlight the importance of fidelity. In the adaptation of a biblical story adapters must be more cautious because they are altering, even in the most honest adaptations, the basics of one's religion. This changing is part of the context of the reception audience. The production company of the film, Paramount Pictures, was so apprehensive about the impact this change might have on viewers that it released a disclaimer prior to the film's opening. As provided on comingsoon.net the advisory read "While artistic license has been taken, we believe that this film is true to the essence, values and integrity of a story that is a cornerstone of faith for millions of people worldwide" [14, 1].

Linda Hutcheon writes that "It seems logical that time and place shifts should bring about alterations in cultural associations; however, there is no guarantee that adapters will necessarily take into account cultural changes that may have occurred over time" [7, 145]. Darren Aronofsky, however, does. Aronofsky has mentioned in several interviews his desire for the audience to get the message of the story rather than zooming in on historical facts. The director's emphasis on the message has led him to alter the original story in ways some call Americanization. As the name tells Americanization is not only an alteration to the setting of the story but also the artifacts, behaviors and beliefs represented in an adapted work. In the movie the clothing the characters wear, the entire

film's emphasis on the environment as well as its theme have all been changed and reflect a society and mindset much more modern than that of Noah's time. In her article *Screen Writers* Kamilla Elliott quotes Michel Foucault as having written "The author's name Manifests the appearance of a certain discursive set and indicates the statues of this discourse within a society and a culture." [4]. Noting the visual discourse seen in *Noah* the film's social and culture message shines through. Foucault's comments show how Aronofsky's use of scenes such as Noah stepping into blood [10:54] and the overhead shot of all the burnt land [13:09–13:17] show the idea of his time. The blood can be a symbol of the fierce industrialization and the burnt land an obvious of the human's destruction of environmental resources. Other scenes have come from the original biblical text. The book of Genesis reads that.

Of every clean beast thou shalt take to thee by sevens, the male and his female: and of beasts that are not clean by two, the male and his female. Of fowls also of the air by sevens, the male and his female; to keep seed alive upon the face of all the earth [12, 12].

This scene appears in the movie at 49:52–50:45 in the film the action is the same as provided in the written original but it too can be interpreted as a more modern global visual discourse encouraging animal preservation.

Another notion stated in *A Theory of Adaptation* by Hutcheon is the concept of international audiences. It's written that "Hollywood films are increasingly being made for international audiences, the adaptation might end up not only altering characters' nationalities, but on the contrary, actually deemphasizing any national, regional, or historical specificities" [7, 147]. This might be true about Aronofsky's *Noah* since the director has said that "It's [The ark and flood] meant as a lesson. It's poetry that paints images about the second chance we've been given, that even though we have original sin and even though God's acts are justified, He found mercy" [5, 1]. Therefore, internationally speaking the film is trying to show all humans the importance of the second change we have been given on the earth; eliminating any particular race, cultural, society, religion or country from the motive of adaptation.

The alterations the biblical story faced in becoming a 2014 cinematic movie were not without thought. As Aronofsky said the directing team wanted to make the canonical story original, moreover the originality had to be in a way that engaged and intrigued modern audiences. The additions of subplots to the brief biblical story were not accidental nor in vain. Giving the prophet Noah grandchild-

ren, an archenemy and internal conflict, as done in the film, were all in aims to appropriate the story for better acceptance in a new era. Since the reception audience of the story had changed both by era and type, the director had to keep the original story while adding, deleting and altering it for better acceptance and success in a century centuries away from the original date it was recorded.

Edward Said is quoted in Hutcheon's book *A Theory of Adaptation* as saying "ideas or theories that travel involve four elements: a set of initial circumstances, a distance traversed, a set of conditions of acceptance (or resistance), and a transformation of the idea in its new time and place" [7, 150]. The classification is ideal for understanding the adapted biblical story in Aronofsky's *Noah*. Firstly, the initial circumstances which are named in the Bible as "the wickedness of man", "Make thee an ark of gopher wood", "thou shalt come into the ark, thou and thy sons, and thy wife, and thy sons' wives with thee" and ultimately "I establish my covenant with you" [12, 14]. These ideas have been transferred into the movie. The distance traversed meaning consideration of the alternative medium, mode and audience has been considered. In the film some of the film's conditions have been accepted and new olds set; the ark's shape and size and Noah's drunkenness at the end of the film are examples of accepted conditions while the adding of the bloody battle with the descendant of Cain, Lamech and the birth of twin girls by Shem's wife are instances of additional conditions. The fourth part of Said's comments is also seen in the film; the basic idea of God cleansing the world of evil and saving the innocent has been transferred. Thus *Noah* is an adapted film that has indigenized the original by keeping the original and simultaneously asserting new conditions and ideas.

Noah is a film that has been highly criticized as an unfaithful adaptation. On the surface the film is different from the original biblical story which is recorded in the book of Genesis of the Bible. However, in-depth study of the changes and how they alter the story has shed light on a new interpretation. The film is different from the bible because it is executed in a different mode of engagement. The modes of engagement, as introduced by Linda Hutcheon and studied in this research, define much more than just how the audience engages with the literature. Each mode of engagement embodies particular features which define each story differently.

The telling mode version of the biblical story of Noah is far shorter and much more general than that of the showing mode version. The movie adds numerous visual details to the tale along with music and costumes. The showing

mode is innately different from the telling mode thus adaptation from one mode to the other cannot take place without alteration. Similarly, the adaptation of *Noah* changes medium as well, the film medium requires action and subplots especially for modern audiences of the 21st century. In the medium of novel, the pages of the biblical story restrain the story of the prophet Noah and thus eliminate sounds, faces, sizes, different perspectives and developed characters. Variation within the showing mode and the telling mode as well as alteration in the medium of novel and film are inevitable in adaptation. Darren Aronofsky's *Noah* is different because the mode and medium of his film are not the same as the original. The film's changes are not out of bias or misinterpretation of the bible but rather a new dimension of a realm the story has entered.

The biblical story of Noah and the flood has a powerful message which like any adaptation should be conveyed in the adaptation. In a glance, Darren Aronofsky's *Noah* seems to be far from its written biblical origin but by scrutinizing the film and the biblical text under the adaptation theories of Linda Hutcheon new meaning has been found. The film's difference from the text lies in their innate differences. The film's mode of engagement, medium and era differ from the original therefore change is nature and expected. True adaptation is not an exact copy of the original; it is the transfer of message despite numerous variations. *Noah* and the biblical story of Noah are unified through a similar powerful message, though divided by mode, medium and culture the two are not opposite but rather joined.

References:

1. Aronofsky, D., Franklin, S., Milchan, A., Parent, M., (Producers) & Aronofsky, D. (Director). (March 28, 2014). *Noah* [Motion picture]. United States: Regency Enterprises & Protozoa Pictures & Paramount Pictures.
2. Collin, Robbie (2014, April 7) Darren Aronofsky interview: 'The Noah story is scary', Retrieved from. URL: <http://www.telegraph.co.uk/culture/film/10739539/Darren-Aronofsky-interview-The-Noah-story-is-scary.html>
3. Eliot, T. S. (1984) 'Tradition and the Individual Talent' in Frank Kermode (ed.) *Selected Prose of T. S. Eliot*, London: Faber.
4. Elliott, Kamilla. *Rethinking the novel/film debate*. Cambridge: Cambridge University Press, – 2003. Print.
5. Falsani, Cathleen. (2014, March 26) 'The "Terror" of Noah: How Darren Aronofsky Interprets the Bible,' Retrieved from. URL: <http://www.theatlantic.com/entertainment/archive/2014/03/the-terror-of-em-noah-em-how-darren-aronofsky-interprets-the-bible/359587/>
6. Faraci, Devin (2014, March 21) *NOAH Review: Swords, Angels And Complex Moral Questions*, Retrieved from. URL: <http://birthmoviesdeath.com/2014/03/21/noah-review-swords-angels-and-complex-moral-questions>
7. Hutcheon, Linda. *A Theory of Adaptation*. Great Britain: Routledge, – 2006. Print.
8. Le Grice, Malcolm. "Virtual Reality — Tautological Oxymoron." *New Media British Film Institute* 35.1 (2002): 227–36. Print.
9. Miller, J. Hillis. *Illustration*. Massachusetts: Harvard University Press, – 1992. Print.
10. Mohler, Albert. (2014, March 31) *Drowning in Distortion — Darren Aronofsky's "Noah"* Retrieved from. URL: <http://www.albertmohler.com/2014/03/31/drowning-in-distortion-darren-aronofskys-noah/>
11. Stam, R. & Raengo, A. *A Companion to Literature and Film*. Massachusetts: Blackwell Publishing, – 2004. Print.
12. *The Bible as Literature: The Bible Designed To Be Read as Living Literature*. Ed. Ernest Sutherland Bates. New York: Simon.
13. Welsh, James M. *The Literature/Film Reader: Issues of Adaptation*. New Jersey: Scarecrow Press, – 2007. Print. and Schuster, Inc., – 1936. Print.
14. Respers, L. (2014, March 28). 'Noah': Roundup of the flood of reviews. Retrieved from <http://edition.cnn.com/2014/03/28/showbiz/movies/noah-movie-reviews>
15. Child, Ben (2014, April 11). *Vatican newspaper slams Noah movie as 'lost opportunity' that ignores God* Retrieved from. URL: <https://www.theguardian.com/film/2014/apr/11/vatican-slams-noah-lost-opportunity-ignores-god>

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-16-4-57-59>

Kobzar Iuliia,

Das Schewtschenko-Institut für Literatur
der Nationalen Akademie der Wissenschaften der Ukraine

Doktorandin

E-Mail: julchen_de@mail.ru

Literarische Repräsentation der Grenze in Jura Soyfers „Lied von der Grenze“

Abstrakt: Der Aufsatz beschäftigt sich mit der Repräsentation der limologischen Problematik vom Werk Jura Soyfers am Beispiel seines lyrischen Werkes „Das Lied von der Grenze“. Die Analysen des Konzeptes „Grenze“ und der Widerspiegelung von der zerstörten Identität des Autors in seinem Nachlass wurden detailliert durchgeführt.

Schlüsselwörter: Grenze, Identität, Konzept, Limologie, Jura Soyfer.

Wenn man konzeptuelle Charakteristiken der Begriffe „Grenze“ und „Grenzgänger“ reflektiert, lohnt es sich zu betonen, dass das Leben und Werk des österreichischen Satirikers Jura Soyfer, der einen wesentlichen Beitrag zu der Schatzkammer der deutschsprachigen Literatur der Moderne geleistet hat, bietet ein produktives Material für Präsentation und Interpretation dieser beiden Begriffe. Für die zahlreichen sowohl direkten als auch metaphorischen Repräsentationen der limologischen Problematik im Werk des Literaten, in seiner Lebenspraxis und Identität interessierten sich seinerzeit viele Literaturwissenschaftler (Herbert Arlt, Eva Brenner, Johann Holzner, Tamas Lichtmann, Helmut Morchen, Gerhart Scheit, Horst Jarka [1]) — die Ergebnisse ihrer Studien wurden während des internationalen Kolloquiums in Saarbrücken im Jahre 1991 vorgestellt und im Sammelband «Jura Soyfer, multikulturelle Existenz» veröffentlicht. Doch sowohl das gesamte literarische Werk, das nicht nur eine Widerspiegelung des alltäglichen Lebens ist und sich durch starke prophetische Kraft kennzeichnet, sondern auch die ewigen Fragen nach dem Sinn des Lebens, der Existenz und Koexistenz der Menschen aufwirft, als auch das Thema der Grenzen und Grenzgänger bilden stets eine Bühne für neue Interpretationen, weil sie im Laufe der Geschichte, im Kontext unserer Epoche einer gleichzeitigen Globalisierung und Abgrenzung neu gelesen und wahrgenommen werden.

Wenn man das Leben und Werk von Jura Soyfer durch das Prisma des Konzeptes „Grenze“ betrachtet, wird die Flexibilität dieses Begriffs offensichtlich, was die Extrapolation auf verschiedene Aspekte des Untersuchungsobjektes ermöglicht. Bei der Untersuchung dieses Themenkomplexes soll auf folgende Aspekte ein-

gegangen werden: die Grenzübergänge der staatlichen Grenzen durch den Schriftsteller, seine Identitätssuche, sein Glaubenssystem, Gattungs- und Stilüberschneidungen in seinem Werk, Entwicklung seines eigenen Konzeptes des Grenzbegriffes.

Die Staatsgrenze als Mittel geographischer Trennung, jedoch keiner Abgrenzung von den Problemen lernte Jura Soyfer noch im frühen Alter kennen. Der Schriftsteller wurde im Jahre 1912 in Charkiw (die Ukraine) in der Familie des prosperierenden Unternehmers Wolodymyr Soyfer geboren. In der Vorahnung der Judenpogrome, die ihren Höhepunkt im Zeitraum vom 1920 bis 1921 Jahren im Gebiet Charkiw erreicht haben, wurde die Familie Soyfer gezwungen, im Jahre 1918 nach Konstantinopel zu emigrieren, und von dort im Gefolge des Bürgerkrieges in der Türkei nach Wien zu flüchten. Die neue Heimat für Jura Soyfer wurde das Österreich des Austrofaschismus. Somit wurden Soyfers Grenzübergänge nicht beendet. Im Jahre 1932 unternahm er als junger Reporter eine Reise nach Deutschland, wo er Rede von Adolf Hitler hört und die „feldgraue Zukunft“ [9, 267] dieses Landes und ganzen Europas vorhersah. Mit der „feldgrauen Zukunft“ Deutschlands wurde seine eigene Zukunft eng verbunden: Als Jura Soyfer von den nach dem Anschluss Österreichs begonnenen Arresten der politisch verdächtigen Bürger zu flüchten versuchte, wurde er nach einem bösen Zufall an der Schweizer Grenze in Haft genommen. Danach wurde er ins KZ Dachau transportiert und von dort ins KZ Buchenwald [7]. Dann war sein Grenzgängerleben (*в слове была лишняя буква L*) frühzeitig ein Ende gesetzt. Im Brief von Soyfers Freundin Helli Ultmann an Marika Rapoport steht es: «Ich habe versprochen, Dir zu schreiben, sobald Jura

frei ist. Nun ist er frei, aber auf andere Art. Er ist nach seiner Entlassung am 24.01.1939 mit Typhusfieber dort in Weimar ins Spital gekommen und am 15.02. daran gestorben» [10, 175].

Soyfers Identitätsbildung ist auch vom großen literaturwissenschaftlichen Interesse: Wie verstand sich der aus der Ukraine stammende, österreichische Autor jüdischer Herkunft, dessen Muttersprache Russisch war, und er selbst seine Werke auf Deutsch verfasste. „Die Nationale“ (das damalige Inskriptionsverzeichnis) dokumentiert Schwankungen seines Selbstverständnisses. Anfangs bezeichnet er sich noch als Russe, später als Deutscher und Mitte der 30er Jahre als Österreicher [2, 38], bemerkt der Soyferkenner Herbert Arlt.

Dieser Sachverhalt übte wahrscheinlich Einfluss auf die Entwicklung seines Glaubenssystems aus, das, ausgehend von seinen Texten (Vagabunden Hupka und Pistoletti in „Astoria“, einsamer ehemaliger Seemann Johnny in „Vineta“, Arbeitsloser Edi in „Edi Lechner schaut ins Paradies“), auf das Streben nach dem Schutz der marginalisierten Schichten der Bevölkerung stützte. Ihm „gelingt es Perspektiven zu entwickeln, die nicht nur seine Partikularinteresse widerspiegeln, sondern mit deren Artikulation der Sprecher für diejenigen wird, die „auf der Grenzlinie“ dahintaumeln“ [2, 52].

Durch das Konzept „Grenze“ könnte Soyfers ganzes Werk, das sich zwischen „Utopie und Realität“ [8, 19] befindet, betrachtet werden, das im wahren Sinne des Wortes ein Grenzfall ist und eine Mittelstelle zwischen den ästhetischen Grundlagen der literarischen Avantgarde und Moderne einnimmt.

Literarische Repräsentationen der „Grenze“ als Trennungslinie in politischer, wirtschaftlicher, kultureller, soziologischer Hinsicht lassen sich in vielen Texten des Schriftstellers verfolgen, z. B. dient im Stück „Astoria“ die auf der Straße von Hupka gezeichnete Trennungslinie als Ausgangspunkt der Handlung. Die Grenzthematik wurde aber in seinem lyrischen Werk am ausdrucksvollsten repräsentiert. Die staatlichen Grenzen sind in den Dichtungen meistens negativ konnotiert: Entweder wegen der weltweiten historischen Erschütterungen in der Zwischenkriegszeit, oder „in der Vorahnung seines eigenen Schicksals, scheint Soyfer eine besondere Abneigung gegen die Grenzen... entwickelt zu haben“ [5, 64].

Als Apotheose der Grenzproblematik von Jura Soyfer kann „Das Lied von der Grenze“ (1937) betrachtet werden. In diesem lyrischen Werk fällt die Vielschichtigkeit des Begriffs „Grenze“ auf, z. B. die Grenze als Trennungslinie zwischen zwei Staaten, die Grenze als Ver-

bindung von zwei Entitäten, die Grenze als Ursache des Zerfalls des persönlichen Bewusstseins.

„Das Lied von der Grenze“ ist das Schlusslied in der Kleinkunstszene „Die Grenze“ von Soyfers Kollegen, Kleinkunstautor Franz Paul, die 1936 im ABC aufgeführt wurde [3, 135]. Da diese Szene nicht aufgefunden wurde, lässt sich das Sujet nur aus der zusammenfassenden Dichtung Soyfers erschließen. Die handelnde Person Theophil war in einem Haus geboren, durch das die Ländergrenze mitten hindurchführt. „Jedes Land beansprucht Theophil als Staatsbürger. Schließlich bricht Krieg aus und Theophil soll auf beiden Seiten gegen sich selbst kämpfen“ [11, 896]. Soyfers Reflexionen in Bezug auf diese *per se* absurde Situation wurde als Groteske folgendermaßen dargestellt:

*Wie soll er hinüberknallen,
wenn er selbst drüben steht?
Wie kann er hinüberknallen,
Wenn er selbst hüben steht?
Und wie die Würfel fallen,
Bleibt hier doch ganz egal.
Er muss die Rechnung bezahlen,
Er — auf jeden Fall [12, 208].*

Interessanterweise macht Jura Soyfer nicht Theophil, sondern gerade die Grenze zum Protagonisten des Werkes: Die imaginäre, das Haus und somit das Leben von Theophil trennende Linie ist nicht nur der Anlass der Darstellung bzw. der Ausgangspunkt des fiktionalen Sujets, sondern sie wurde in den Text auch als eine die Handlung des Liedes vorantreibende Denkfigur eingeführt; die handelnde Person Theophil fungiert bloß als Instrument zur Demonstration der Gewalt seitens der Grenze und somit als Prototyp vieler den diktatorischen Staatspolitiken zum Opfer gefallenen Soldaten.

*Du bist ein unbrauchbarer Stein im Spiel.
Du bist ein schwerer Grenzfall, Theophil [12, 208].*

Die Groteske und somit der ästhetische Reiz des literarischen Textes wurde durch zwei Funktionen der Grenze — als Trennung der Außenwelt von Theophil und als Zersplitterung von der Innenwelt der Persönlichkeit — erzielt. Diese imaginäre Trennungslinie stellt nicht nur Lebensgefahr für die handelnde Person dar, sondern sie spaltet auch diese Chimäre „die integrale Einheit der Person in zwei Teile, ein Vorgang, der sich nur in der Imagination vollziehen lässt“ [4, 221]. Da sich Jura Soyfer als Schriftsteller unter dem Einfluss der expressionistischen Ästhetik entwickelt hat, lässt sich die Darstellung Theophils als ambivalenten Subjekts durch das Prisma des expressionistischen Menschenbildes als eines nicht einheitlich gebildeten, zerrissenen Individuums erklären [6].

In Zusammenhang mit solchem hybriden Sachverhalt befindet sich Theophil in der schwerverständlichen Situation des Grenzgängers: Einerseits nimmt er sich als Bestandteil beider Staaten wahr, was zu einem so genannten Rollenspiel an der Grenze, zur persönlichen Verdoppelung führt; andererseits ist seine Heimat ein Niemandsland, ein dysergotisch wirkendes Dazwischen (da könnten die Parallelen mit dem Problem der Identitätssuche Jura Soyfers gezogen werden). Die Störung der integralen Einheit der Persönlichkeit wurde als Problem des Doppelgängers, als Kampf gegen sich selbst dargestellt. Aufgrund der Folterung wegen der Wahl zwischen der blauen und gelben Heimat leidet der junge Soldat an der kognitiven Dissonanz. Der Appell des Theophil ansprechenden lyrischen Erzählers, sich dem zu einer vollen Destruktion führenden Kampf gegen sich selbst sowohl in der Außen- als auch Innenwelt zu entziehen, wurde in dem Werk explizit dargestellt.

*Stop! Genug! Der Wettlauf mit dir selber
Wird bestimmt ein totes Rennen.
Blauer Theophil und gelber
Lassen sich hier leider nicht mehr trennen
Und die zwei Leben, die du gehabt,
Die werden eins in dem Falle,
Und dieses eine Leben tragt
Zu einem Salto Mortale [12, 208].*

Die Absurdität des konstruierten Falles mündet in die Schlussfolgerung und gipfelt in den letzten Zeilen des Liedes, wo der junge Soldat:

*... zwei verschiedene Vaterländer
Und nur ein Leben hat ... [12, 208].*

Die Idee des lyrischen Werkes, dessen Sujet sich auf der Ebene der metaphorischen Abstraktion entfaltet, kommt in der Form einer auf Allegorie basierenden Satire auf Politik der NS-Regierung in Deutschland, Krieg und seine zerstörerischen Folgen und Ausrüstung zum Ausdruck.

Wenn man die pazifistische Weltanschauung des jungen politisch engagierten Schriftstellers, seine antifaschistischen Ansichten, die in seinem Werk prävalierenden Abrüstungsideen in Betracht zieht, lässt sich die Hauptidee des Liedes, so wie Soyfers ganzen literarischen Nachlasses erkennen: Die Teilung der Menschen in „diesseits der Grenze und jenseits der Grenze“, in Heimische und Fremde und der dadurch hervorgerufene Krieg sind absurd, genauso wie auch absurd ist die Struktur der Trennungslinie selbst. Das Leben jedes Menschen besitzt den höchsten Wert, denn

*... diesseits der Grenze und jenseits der Grenze
Steht derselbe Soldat ... [12, 208].*

Referenzen:

1. Arlt, Herbert, (Hrsg.), Jura Soyfer, Europa, multikulturelle Existenz. Internationales Kolloquium, Saarbrücken, 3.–5. Dezember – 1991, St. Ingbert: Röhrig Verlag – 1993.
2. Arlt, Herbert, Europäische Widerspruchsfelder und österreichische Identitätsbildung am Beispiel Jura Soyfers, in: Jura Soyfer, Europa, multikulturelle Existenz, hrsg. von Herbert Arlt, St. Ingbert: Röhrig Verlag – 1993, S.35–52.
3. Arlt, Herbert/Evelyn Deutsch-Schreiner, (Hrsg.), Jura Soyfer und Theater, Frankfurt–New York–Bern–Paris–Wien: Peter Lang – 1992, – 165 Seiten.
4. Bauer, Markus, – 1959-: Die Grenze: Begriff und Inszenierung/hrsg. von Markus Bauer ... – Berlin: Akad.-Verl., 1997. – 349 Seiten.
5. Donec P. Die Grenze: Eine konzeptanalytische Skizze der Limologie/P. Donec. – Würzburg: Königshausen u. Neumann, – 2014. – 127 S.
6. Heselhaus, Clemens, – 1912–2000 [Hrsg.]: Die Lyrik des Expressionismus: Voraussetzungen; Ergebnisse und Grenzen; Nachwirkungen/hrsg. und mit erl. Anm. versehen von Clemens Heselhaus. – Tübingen: Niemeyer, – 1956. – XIV, – 199 S.
7. Jarka, Horst, Jura Soyfer. Leben, Werk, Zeit, Wien: Löcker Verlag – 1987, – 569 Seiten.
8. Jarka, Horst, Realismus und Utopie. Das Werk Jura Soyfers und die Wandlungen Europas, in: Jura Soyfer, Europa, multikulturelle Existenz, hrsg. von Herbert Arlt, St. Ingbert: Röhrig Verlag – 1993, – S.19–34.
9. Soyfer Jura. Kinets svitu. Dramy ta proza [The End Of The World. Drama and Prose]/Upor., per., pisliam. ta prym. Petra Rykhla. – Chernivtsi: Knyhy – KhKhI, – 2012. – 296 s.
10. Soyfer, Jura, Sturmzeit. Briefe 1931–1939. Hrsg. von Horst Jarka, Wien: Verlag für Gesellschaftskritik – 1991, – S. 175.
11. Soyfer, Jura, Das Gesamtwerk. Hrsg. von Horst Jarka, Wien – München – Zürich: Europaverlag – 1980, – 924 S.
12. Soyfer, Jura, Zwischenrufe links. Lyrik. Hrsg. von Horst Jarka, Wien: Verlag für Gesellschaftskritik – 1991, – 303 S.

Section 3. Philology

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-16-4-60-62>

Ilchuk Olha Andriivna,
Borys Grinchenko Kyiv University,
senior teacher,
Department of Germanic languages
E-mail: o.ilchuk@kubg.edu.ua

Das konzeptuelle metonymische Modell der abgeleiteten Substantive des modernen Deutsch mit den heimischen Suffixen

Abstrakt: Im Artikel wird die Struktur und Typen des konzeptuellen metonymischen Modells der abgeleiteten Substantive des modernen Deutsch mit den heimischen Suffixen untersucht. Die Elemente des konzeptuellen metonymischen Modells der abgeleiteten suffixalen Substantive sind BASIS-EINHEIT, DERIVATEINHEIT und Suffix. Die Haupttypen des konzeptuellen metonymischen Modells sind “Kausale Beziehungen”, “Lokale Beziehungen”, “Attributive Beziehungen”, “Quantitative Beziehungen”.

Stichwörter: das konzeptuelle metonymische Modell, BASIS-EINHEIT, DERIVATEINHEIT, Suffix, modernes Deutsch.

In dieser Forschung wurde versucht, das konzeptuelle metonymische Modell der abgeleiteten Substantive des modernen Deutsch mit den heimischen Suffixen vorzustellen, indem man den Begriff des idealisierten kognitiven Modells von G. Lakoff anwendet [1]. **Das Ziel des Artikels** ist das konzeptuelle metonymische Modell der abgeleiteten Substantive des modernen Deutsch mit den heimischen Suffixen zu erforschen. **Die Aufgaben des Artikels** sind die Struktur des konzeptuellen metonymischen Modells der abgeleiteten Substantive des modernen Deutsch mit den heimischen Suffixen zu untersuchen und deren Typen zu charakterisieren. **Die Aktualität des Artikels** wird durch das gesamte Anstreben der linguistischen Studien nach der kognitiven Erforschung der Spracheinheiten bedingt.

In der Konzeption der kognitiven Metonymie von G. Lakoff sind einzelne Tatsachen, Verhältnisse, Situationen der objektiven Realität im menschlichen Bewusstsein in Form der idealisierten kognitiven Modelle organisiert, deren Elemente in bestimmten Beziehungen zueinander stehen, nämlich ein Element des Modells kann ein anderes Element ersetzen, was das Wesen des konzeptuellen metonymischen Modells beträgt [1, 77–79].

Das konzeptuelle metonymische Modell der suffixalen Substantive hat zwei Elemente — die Basis und das

Derivat, die in Beziehungen der Ersetzung zueinander stehen, wenn das Konzept BASIS-EINHEIT durch das Konzept DERIVATEINHEIT ersetzt wird. Das konzeptuelle Modell zeigt die Ersetzung des Konzepts BASIS-EINHEIT durch das Konzept DERIVATEINHEIT mit der Teilnahme des Suffixes, das die Beziehungen der Ersetzung zwischen den Konzepten BASIS-EINHEIT und DERIVATEINHEIT herstellt.

Das konzeptuelle metonymische Modell der suffixalen Substantive zwischen den Konzepten BASIS-EINHEIT und DERIVATEINHEIT aufgrund der konzeptuellen Ersetzung betrachten wir als das konzeptuelle metonymische Modell, das schematisch folgenderweise dargestellt werden kann: BASIS-EINHEIT → [konzeptuelle Ersetzung] → DERIVATEINHEIT, wo das Suffix die kognitive Operation der Ersetzung ausdrückt.

Das konzeptuelle metonymische Modell des Substantivs *Teilnehmer* sieht so aus — Konzept DERIVATEINHEIT (*teilnehmen*) ersetzt das Konzept BASIS-EINHEIT (*Teilnehmer*), konzeptuelle Ersetzung drückt das Suffix *-er* aus. In der Äußerung (7) “Die Teilnehmer wollen am Zaun der Basis entlang gehen und sich dann zu einer Kundgebung nahe des Haupttores versammeln.” wird Konzept HANDLUNG des Basiswortes *teilnehmen* durch das Konzept PERSON des Derivativs *Teilnehmer*

ersetzt, das Suffix *-er* drückt eine kognitive Eigenschaft der Person aus.

Abhängig von der Richtung der Ersetzung können konzeptuelle metonymische Modelle der suffixalen Substantive einseitig und zweiseitig sein. Das einseitige konzeptuelle Schema der Ersetzung des Konzepts *BASISEINHEIT* durch das Konzept *DERIVATEINHEIT* ist für die meisten konzeptuellen Modelle der abgeleiteten Substantive typisch. In der Äußerung (8) *“Das hatte 1819 der Dichter John Keats dem Naturphilosophen Isaac Newton vorgeworfen.”* ersetzt das Konzept *HANDLUNG*, vertreten durch das Wort *Dichter*, das Konzept *HANDELNDE PERSON*, vertreten durch *dichten*. Das konzeptuelle Modell *HANDELNDE PERSON* statt *HANDLUNG* ist einseitig: *HANDLUNG* → [konzeptuelle Ersetzung] → *HANDELNDE PERSON*.

Als anderes Beispiel des einseitigen Modells kann die Ersetzung des Konzepts *PERSON* durch das Konzept *ORT* dienen. In der Äußerung (9) *“Die Abberufung eines Botschafters erfolgt nur bei schweren diplomatischen Verwerfungen.”* ersetzt das Konzept *PERSON*, ausgedrückt durch *Botschafter*, das Konzept *ORT*, ausgedrückt durch *Botschaft*, und auch die entgegengesetzte Ersetzung des Konzepts *ORT* durch das Konzept *PERSON*, wie in der Äußerung (10) *“Für Berndt Kruse, der nach eigener Angabe die letzte Räucherei für Kieler Sprotten betreibt, kein Problem.”*, wo das Konzept *ORT*, verbalisiert durch *Räucherei*, ersetzt das Konzept *PERSON*, verbalisiert durch *Räucher*. Das konzeptuelle Modell *ORT* statt *PERSON* oder *PERSON* statt *ORT* ist zweiseitig: *ORT* → ← [konzeptuelle Ersetzung] → ← *PERSON* ist unter den abgeleiteten Substantiven mit den heimischen Suffixen das einzige zweiseitige Modell.

Metonymische kognitive Modelle der Substantive wurden am Beispiel der metonymischen Bedeutungen der substantivischen Neologismen des Englischen untersucht [2]. Unserer Meinung nach, da der Typ der konzeptuellen Ersetzung durch konzeptuelle Beziehungen zwischen dem Konzept *BASISEINHEIT* und dem Konzept *DERIVATEINHEIT* nach dem kausalen, attributiven, lokalen und quantitativen Typ der konzeptuellen Beziehungen bestimmt wird, haben wir vier Gruppen der konzeptuellen Modelle der abgeleiteten deutschen Substantive mit den heimischen Suffixen ausgesondert: *“Kausale Beziehungen”* (88%), *“Lokale Beziehungen”* (7%), *“Attributive Beziehungen”* (4%) und *“Quantitative Beziehungen”* (1%).

Das konzeptuelle metonymische Modell der suffixalen Substantive *“Kausale Beziehungen”* entsteht dann, wenn Konzept *BASISEINHEIT* zum aktionalen

Konzept gehört und das Konzept *DERIVATEINHEIT* ersetzt, das das Konzept einer der Teilnehmer der konzeptuellen Situation des aktionalen Typs (Subjekt, Objekt, Instrument u. a.) vorstellt. In der Äußerung ersetzt Konzept *BASISEINHEIT*, das Konzept *ZUSTAND* ist, ausgedrückt durch *Beherrschung*, das Konzept *DERIVATEINHEIT*, das das Konzept *HANDLUNG* ist, ausgedrückt durch *sich beherrschen*: (11) *“Auf der Rückreise der Berliner vom Bundesligaspiel bei Werder Bremen (3:3) hatte Ben-Hatira im Disput mit Weiser die Beherrschung verloren”*. In der Äußerung ersetzt Konzept *DERIVATEINHEIT* des Wortes *Binde*, oder Konzept *MITTEL*, das Konzept *BASISEINHEIT*, oder Konzept *HANDLUNG*, ausgedrückt durch das Verb *binden*: (12) *«Tja, ich weiß nicht, ob sich was verändert hat, weil ich einmal die Binde getragen habe»*, sagte der Schweinsteiger-Stellvertreter».

Um das konzeptuelle metonymische Modell *“Attributive Beziehungen”* geht es, wenn das Konzept *MERKMAL* als Konzept *BASISEINHEIT* das Konzept *DERIVATEINHEIT* ersetzt, das das Konzept *SUBJEKT* oder *OBJEKT* ist. In der Äußerung ersetzt Konzept *DERIVATEINHEIT*, verbalisiert durch *Sehenswürdigkeit*, oder Konzept *OBJEKT*, das Konzept *BASISEINHEIT*, oder Konzept *MERKMAL*, verbalisiert durch *sehenswert*: (13) *“Dort befinden sich Sehenswürdigkeiten wie die Hagia Sophia, die Blaue Moschee sowie viele Bars und Restaurants”*.

Das konzeptuelle metonymische Modell *“Lokale Beziehungen”* ist den Substantiven eigen, bei denen Konzept *BASISEINHEIT* oder Konzept *DERIVATEINHEIT* durch das Konzept *ORT* vertreten ist, und ein anderes Konzept das Konzept *HANDLUNG*, *SUBJEKT* oder *OBJEKT* ist. In der Äußerung ersetzt Konzept *DERIVATEINHEIT*, oder Konzept *ORT*, verbalisiert durch *Siedlung*, das Konzept *DERIVATEINHEIT*, oder Konzept *HANDLUNG*, verbalisiert durch *siedeln*: (14) *“Oft ist ein Park gemeint, manchmal eine Siedlung, eine geologische oder eine geistig-sprachliche Formation”*.

Das konzeptuelle metonymische Modell *“Quantitative Beziehungen”* stellt die Teilnehmer des kognitiven Modells in Bezug auf quantitative Ersetzung — Einzelheit: Gesamtheit vor. In der Äußerung ersetzt Konzept *DERIVATEINHEIT*, oder Konzept *Gesamtheit*, präsentiert durch *Kundschaft*, das Konzept *BASISEINHEIT*, oder Konzept *Einzelheit*, präsentiert durch *Kunde*: (15) *“Wir müssen an unsere Kundschaft denken”*.

Das konzeptuelle metonymische Modell der abgeleiteten Substantive des modernen Deutsch mit den heimischen Suffixen ist ein konzeptuelles Modell, das die Beziehungen der Ersetzung des Konzepts *BASISEIN-*

HEIT durch das Konzept DERIVATEINHEIT mit Hilfe des Suffixes enthält. Weitere Erforschung kann als Ziel haben, konkrete konzeptuelle metonymische Modelle

der abgeleiteten Substantive des modernen Deutsch im Rahmen der herausgefundenen allgemeinen konzeptuellen Modelle festzustellen.

Referenzen:

1. Lakoff, G. *Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind.* – The University of Chicago Press, Chicago, – 1987.
2. Runova, Natalija Vasil'evna. *Kognitivnye osnovy obrazovaniya novykh metonimicheskikh znachenij sushhestvitel'nyh: na materiale anglijskogo jazyka: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.04/Mosk. gos. un-t im. M. V. Lomonosova. Filol. fak. – Moskva, – 2007. – 24 s. // [Elektronnij resurs] – Rezhym dostupa: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01003053484#?page=1>*
3. Lakoff, G. and Johnson, M. *Metaphors we live by.* – The University of Chicago Press, Chicago, – 2003.
4. Kubrjakova E. S. *Jazyk i znanie. Na puti poluchenija znaniy o jazyke: chasti rechi s kognitivnoj točki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira Ros. akademija nauk. In-t jazykoznanija. – M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, – 2004. – 560 c. – (Jazyk. Semiotika. Kul'tura).*
5. Warren, B. *Referential metonymy.* (*Scripta Minora Regiae Societatis Humaniorum Litterarum Lundensis*). Kungliga Humanistiska vetenskapssamfundet i Lund. 2006. // [Elektronische Ressource]. – Zugang unter: <https://lucris.lub.lu.se/ws/files/4481558/1270220.pdf>
6. Drößiger, H.-H. *Bemerkungen zur kommunikativen und kognitiven Charakteristik der Metonymie im Deutschen // Studies about languages. No. 5., 2004. // [Elektronische Ressource]. – Zugang unter: www.kalbos.lt/zurnalai/05_numeris/04.pdf*
7. *Demonstrationen: Atomwaffengegner treffen sich zu Ostermarsch in Büchel.* – 28.03.2016 // URL: <http://www.zeit.de>
8. *Stefan Schmitt. Endloses Staunen.* – 11.01.2016 // URL: <http://www.zeit.de>
9. *Die Rolle des Botschafters im diplomatischen Konflikt.* – 29.03.2016 // URL: <http://www.zeit.de>
10. *Silke Burmester. Küstenlümmels Krüstchen.* – 10.04.2014 // URL: <http://www.zeit.de>
11. *Hertha: Vorfall im Bus war Grund von Ben-Hatira-Wechsel.* – 2.02.2016 // URL: <http://www.zeit.de>
12. *Chefrollen: Löw sieht «andere Art von Führungsspielern».* – 11.10.2015 // URL: <http://www.sueddeutsche.de>
13. *Acht Deutsche in Istanbul getötet.* – 12.01.2016 // URL: <http://www.zeit.de>
14. *Marion Poschmann. Wort-Ikebana* – 17.03.2016 // URL: <http://www.zeit.de>
15. *Anita Fetz. Wer bestimmt, wie wir sterben?* – 15.02.2016 // URL: <http://www.zeit.de>

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-16-4-62-65>

*Korovina Nadezhda,
Candidate of Philological Sciences, Senior Research
Scientist of Institute of Language, Literature
and History, Komi Science Center, Ural Branch
Russian Academy of Sciences
E-mail: nadezhdakorovina@mail.ru*

Types of storytellers Komi people

Abstract: Two main types of Komi storyteller identified: storytellers-epic, storytellers-farceur. The main criteria are an individual style and manner of performance (intonation, gesture, facial expressions).

Keywords: Komi folk tale, story-telle-epic, storyteller-farceur, a traditional style, performance skills, repertoire.

*Коровина Надежда Степановна,
кандидат филологических наук, старший научный
сотрудник Института языка, литературы и истории
Коми научного центра Уральского отделения
Российской академии наук
E-mail: nadezhdakorovina@mail.ru*

Типы сказочников народа коми

Статья подготовлена в рамках проекта фундаментальных исследований УрО РАН в 2015–2017 гг. № 15–13–6-30.

Аннотация: В статье определены два основных типа коми исполнителей: сказочники-эпики, сказочники-балагуры. Основными критериями стали индивидуальный стиль и манера исполнения (интонация, жест, мимика).

Ключевые слова: коми народная сказка, сказочник-эпик, сказочник-балагур, традиционный стиль, исполнительское мастерство, репертуар.

При рассмотрении исполнительского мастерства сказочников, как правило, обнаруживаются типичные черты, по которым их можно объединить в определенные группы. Это обусловлено в первую очередь тем, что сказочник является «выразителем типичного восприятия традиции» [3, 6].

К сожалению до последнего времени не выработаны четкие критерии определения типов сказочников. В начале XX в. известные русские фольклористы братья Б. и Ю. Соколовы связывали определение типов сказочников с их биографией, духовным обликом, личными привнесениями, использованием художественных приемов, манерой сказывания. Они ставили определение типов сказочников от грамотности, городского влияния. Учет большинства этих критериев позволил им выделить три основные разновидности сказочников: эпики, юмористы, и сатирики, реалисты. Свои наблюдения они обобщили во вступительной статье к сборнику «Сказки и песни Белозерского края» (1915). Сходных критериев при выделении типов сказочников придерживался М. К. Азадовский. В статье «Русские сказочники» он дал следующую классификацию: 1) сказители «со склонностью к фантастическим образам»; 2) сказители «для которых на первом плане — описание бытовых подробностей повседневной жизни»; 3) сказители «с исключительной любовью к шутке, балагурству» [1, 35].

Благодатным материалом в изучении типов сказочников является сказочная традиция народа коми. Богатство и разнообразие сказок, записанных здесь на протяжении большого промежутка времени, значительное количество выявленных сказочников, на-

блюдения собирателей, касающиеся особенностей манеры исполнения сказок, позволяют сделать ряд обобщений относительно типологии исполнительского мастерства коми сказочников.

При изучении сказочного репертуара исполнителей выявилось, что несмотря на широкий диапазон сюжетов, известных им, они предпочитают исполнять сказки определенной жанровой разновидности. Имеются различия и в манере исполнения — от эпически спокойной до артистической, подвижной. Некоторые закономерности наблюдаются в использовании поэтических средств. В непосредственной зависимости от характера сказочного репертуара и назначения сказки находится состав слушателей.

Анализ исполнительского мастерства коми сказочников позволил разделить их на два основных типа: эпики, балагуры.

Итак, первый тип представляют собой сказочники-эпики. Их репертуар состоит, в основном, из длинных волшебных сказок. Отличительная черта манеры исполнения — спокойная, размеренная речь. Рассказывая сказку, сказочник не жестикулирует. Жест ему не нужен, так как он не несет никакой информации. Спокойная размеренная речь словно подчеркивает глубину содержания сказки.

Для сказочников этого типа характерно строго приуроченное использование художественных средств традиционной сказочной поэтики, а именно наличие зачинов и концовок, сказочных формул, троекратности действия и т. д.

Наиболее ярко черты сказочника-эпики прослеживаются на примере сказочника И. И. Игушева

(1921–1994) из д. Муфтюга Удорского р-на Республики Коми. В раннем детстве он лишился зрения, и это обстоятельство в какой-то мере способствовало его увлечению сказками. С 17 лет он начал рассказывать сказки сам: вначале только детям, а затем и взрослым.

Коллективно выработанная фольклорная традиция д. Муфтюга послужила почвой, на которой выросла творческая индивидуальность И. И. Игушева, репертуар которого насчитывает около 50 сказок. Его основу составляют длинные многосюжетные волшебные сказки: «Кбин-сар» (Волчий царь), «Венька» и др., оригинальные сюжеты о богатырях русского эпоса, лубочные сказки о Бове-королевиче, Еруслане Лазаревиче, как он сам называет, «бур казка» (букв: хорошая сказка). Большие по размеру сказочные произведения сказочник создает, оригинально разрабатывая известные и малоизвестные сюжеты, контаминируя их.

Увеличению объема сказок способствует также строгое соблюдение исполнителем традиционной сказочной обрядности: употребление сказочных формул, дословное повторение целых эпизодов, троичность действия.

Коми сказочник умело пользуется формулами, как заимствованными из русского фольклора, так и традиционными коми поэтическими формулами. Например, используя типичное выражение сверхъестественного существа, почуявшего в своем жилище запах человека, И. И. Игушев в одну из своих сказок включает заимствованную формулу: «Уф-уф, русско русской дук кыло, небывалой зэв бур жо закуска» (Здесь и далее примеры без ссылки — из личного архива автора статьи) — «Уф-уф, русским духом пахнет, и ну и хорошая же закуска небывалая». В другой сказке в аналогичном эпизоде использована уже специфическая коми формула: «Ак, шуас, русской человек локто. Ас кок йылас ваяс пань тыр вирсо, вом тыр яйсо» — «Ах, говорит, русский человек идет. Своими ногами несет полную ложку крови, полный рот мяса».

И. И. Игушев умело использует богатство коми языка. В его сказках довольно часто встречаются пословицы, поговорки. В текстах использовано много интересных сравнений. Например, Илья Муромец, опробовав саблю, сломал ее и говорит: «Ак, тайо муно, шуас, сето бабаеслы сартас карны, абу сабля тая» — «Ах, идите, говорите, дайте это бабам лучину щепать, это не сабля».

И. И. Игушев — человек тихий, спокойный, любящий рассказывать сказки в медленном темпе. Он ведет повествование без лишних жестов, сдержанно. Речь рассказчика приостанавливается иногда вставным словом «ну ладно»: «Но ладно, бора вӱдзӱ муни, муни —

воис мӱд дӱмӱ» — «Ну ладно, ехал, ехал, приехал ко второму дому». Это слово произносится более низким, спокойным голосом, сказочник как бы акцентирует внимание слушателя на длительности действия, отделяя одно событие от другого. Стремление рассказывать длинные многосюжетные сказки сдержанно, без лишних жестов, отсутствие мимики, неспешность действия исполнителя, обилие стилистических повторов придают его произведениям эпическую размеренность и позволяют охарактеризовать индивидуальный стиль И. И. Игушева как стиль сказочника-эпика, сохранившего в своем творчестве четкие формы сказочной обрядности.

Второй тип представляют сказочники, предпочитающие исполнять бытовые сказки и анекдоты. Они стремятся разыгрывать сказочные события, в качестве иллюстрирующего материала используют жесты, мимику, интонацию голоса. По всей вероятности, эволюционно это более поздний тип сказочников по сравнению с эпиками. Сказочники этого типа восходят к иной сказочной и исполнительской традиции, а именно к скоморошьей культуре средневековья. Этих сказочников можно назвать, пользуясь терминологией М. К. Азадовского, «балагурами» [1, 35].

Ярким представителем этого направления является известный на Вишере сказочник А. А. Габов (Опӱнь Ӗлексей). Описывая его стиль исполнения, И. А. Осипов замечает: «Как сказочник Габов (Опӱнь Ӗлексей) известен по всей Вишере. Его знают в каждом селе и при расспросах указывают на него за много верст вперед. Известность такая заслуженная. Алексей Габов — мастер-сказочник, который выделяется среди других рядовых сказочников богатством своего репертуара, творческим талантом и, главное, мастерским, артистическим исполнением. <...> Серьезные, особенно эпические повествования, несколько не подходят ему. По природе он веселый, жизнерадостный человек, и его сказки рассказываются для того, чтобы развеселить слушателей. <...> При исполнении сказок Алексей Габов как будто на сцене; он рассказывает и одновременно изображает рассказанное с помощью жестов, мимики, богатой интонации, подражая голосом речи героев. Он часто меняет позу, встает, обратно садится. Рассказывает он с большим воодушевлением и своим воодушевлением невольно увлекает слушателя» [2, 250–252].

Итак, мы попытались классифицировать коми сказочников на два основных типа, а именно: эпиков, балагуров, исходя из следующих, на наш взгляд, основополагающих критериев: предпочтение для исполнения сказок определенной жанровой раз-

новидности, использование традиционных поэтических средств, манера исполнения (интонация голоса, использование жеста, мимики). Необходимо при этом заметить, что эти типы взаимопроникаемы и отнесение того или иного сказочника к одному из них в известной мере условно.

Вместе с тем анализ имеющегося материала показывает, что современная коми сказка не остается неизменной, что в этом жанре идут сложные процессы трансформации, которые ведут к угасанию

сказочной традиции. Несмотря на то, что круг слушателей и ценителей сказок значительно сузился, ушли из жизни мастера сказочного эпоса, сказочная традиция еще жива, она сконцентрирована в архивах, фонотеках. Так, только в архиве Коми НЦ УрО РАН хранится более тысячи текстов, отражающих историю бытования и изменения коми сказки. Собранный фольклорный материал свидетельствует о развитой сказочной традиции, об одаренных исполнителях народных произведений.

Список литературы:

1. Азадовский М. К. Русские сказочники // Статьи о литературе и фольклоре. – М.; Л., – 1960.
2. Висер вожса сьыланкывъяс да мойдкывъяс (Песни и сказки Вишеры) / Сост. И. А. Осипов. – Сыктывкар, – 1941.
3. Шастина Е. И. Русская волшебная сказка в Восточной Сибири: Автореф. дис. ... филол. наук. – Л., – 1978.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-16-4-65-67>

*Maherramova Malahat Abdurrahman kizi,
Azerbaijan State University of Foreign Languages,
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Modern German
E-mail: youme_1@ukr.net*

Theoretische und methodologische Grundlage der Forschung des funktionalen Modells der Wortbildung

Abstrakt: Aktuell ist die Forschung der Geschichte der Entwicklung einen der Zweige der Germanistik — die Theorie der deutschen Wortbildung, da die Wortbildung zu jener Systemgruppen des Deutschen gehört, die ein Gegenstand der zahlreichen und tiefen Forschungen waren.

Schlüsselwörter: der Wortbildung, des funktionalen Modell, der Forschung, der Germanistik, des Textes.

Die Bestimmung und Charakteristik der Hauptkategorien des Textes sind in den Forschungen von A. Akischina, I. Galperin, N. Sarubina, O. Kamenskaja, O. Moskalskaja, T. Nikolaewa, W. Odinzow, O. Seliwanowa und so weiter vorgestellt.

In den Werken der deutschen Autoren — W. Eins, I. Barz, E. Donaliss, A. Sajfert, S. Michael, P. O. Müller, W. Fleischer wird der Zustand wortbildende Systeme des Deutschen am Anfang des XXI. Jahrhunderts beschrieben unter Berücksichtigung der intensiven Vergrößerung des lexikalischen sprachlichen Bestandes dank der Durchdringung ins Deutsche der Lexeme von vieler Sprachen der Erde. N. D. Stepanowas Werken wurden klassisch in der einheimischen Wissenschaft und sie sind den Fragen der deutschen Wortbildung gewidmet. In letzter Zeit solche Forscher wie E. W. Rosen, T. W. Ponomarjow, O. A. Nikitina behandeln immer mehr an die Probleme der deutschen Wortbildung.

In Anbetracht berichtet höher aktuell ist die Forschung der Geschichte der Entwicklung einen der Zweige der Germanistik — die Theorie der deutschen Wortbildung, da die Wortbildung zu jener Systemgruppen des Deutschen gehört, die ein Gegenstand der zahlreichen und tiefen Forschungen waren. Die Wortbildung ist die produktivste Weise der Entwicklung des Wörterbuchbestandes, in dem die führende Rolle die Veränderung des morphologischen Bestandes schon, der in der Sprache existierenden Wörter und der lexikalischen Grundlagen spielt. Solche Veränderungen geschehen nicht zufällig: sie klären sich vom Vorhandensein in der Sprache besondery wortbildende Modelle, das heißt morfologischen und semantischen Typen der Wörter, in Analogie zu denen die neuen Wörter entstehen. Die wortbildende Modelle sind nicht nur mit der Lexik verbunden, sondern auch mit phonematischen, grammatikalischen (morphologischen und syntaktischen) und stilistischen

Gesetzmäßigkeiten des Systems modernen Deutschen, mit ihrer Geschichte. Gleichzeitig ist die Tendenz entstanden, die Autonomie der Wortbildung wie die Gebiete der Sprache, als auch den Teil der Sprachwissenschaft anzuerkennen, da wortbildende Gesetzen und Erscheinungen spezifischen Striche haben, die sie von den Gesetzen wie der Lexik, als auch der Grammatik unterscheiden. Methodologische Analyse der Theorie der deutschen Wortbildung ist eine der Aufgaben der gegebenen Darlegung, vor allem seiner repräsentativsten Konzeptionen und der Forschungen in moderne deutsche Germanistik in Zusammenhang mit ihren eigenen Traditionen und, inwiefern es möglich ist, mit der Entwicklung der weltweiten Wissenschaft über die Sprache vorzuführen. Das Entstehen und die Wechselwirkung verschiedener theoretischer Strömungen befinden sich vor allem in der Mitte von der Forschung und der Tendenzen, worin eigentlich und der Hauptsinn der inneren Entwicklung, das heißt die Existenzen, der Wissenschaft besteht. Man soll bemerken, dass die Aufgabe vollständig das System der wissenschaftlichen Blicke der Gelehrten der Vergangenheit und der Gegenwart zu reproduzieren, das Bild der Entwicklung des Lernens über die Wortbildung im Aspekt seiner Richtungen vorzuführen, der Schulen, der Tendenzen und der Traditionen ist viel komplizierter, als, zum Beispiel, auf dem Gebiet der Syntax oder der allgemeinen Sprachwissenschaft. Die Polyfunktionalität und Multidisziplinarität der Wortbildung fordern gerade das komplexe Herangehen, da man nur bei dieser Bedingung solche wissenschaftliche Reflexion dieser sprachlichen Systemgruppe erreichen kann, die sie in der ganzen Fülle der Erscheinungsformen widerspiegelt, nicht nur wie das Arsenal der vorhandenen Mittel der Nomination, die entwickeln und wachsen kann, dank der Existenz wortbildender Regeln und der Modelle, der Normen die Mitteilung zwischen wortbildenden Komponenten, sondern auch wie der Prozess der Bildung der neuen sprachlichen Einheiten im Laufe der Rede, wie das Mittel der Organisation der Sprechstrukturen, thematische und rematische Gliederung des Textes, die Versorgung der Bündigkeit der Textabschnitte und der ganzheitlichen Texte. Für solchen Ansatz wortbildend System kann man nicht nur in ihrer Statik, und in der Dynamik der schöpferischen kommunikativen Prozesse betrachten, die vor unseren Augen sich wenden, nicht nur in normativen, sondern auch in kasualen Aspekt, als Mittel zur individuellen sprachlichen Kreativität, der Bildhaftigkeit, des metaphorischen Charakters, die sprachliche Innovation. Das alles ist eine aktuelle Aufgabe der Wortbildungstheorie des gegenwärtigen Deut-

schen, aber es bleibt noch wenig erforscht, oder studiert nur episodisch, in Zusammenhang mit der Analyse abge sonderte wortbildende Modelle oder der Wortbildungsmittel. Alle Weisen und die Modelle der Wortbildung werden zur Analyse unabhängig von ihrer Zugehörigkeit dieser oder jener Wortart herangezogen. Es gewährleistet breit tatsächliche und faktologische Basis und öffnet die umfassenden Möglichkeiten für die Aufspürung des schöpferischen Potentials wortbildende Systeme des modernen Deutschen insgesamt. Die grundlegenden theoretischen Begriffe werden in der Übereinstimmung mit allgemein anerkannten Definitionen gedeutet, die weit in der modernen Sprachtheorie verbreitet sind. Insbesondere ist die Funktion der Sprache/Rede, des abge sonderten Fragmentes des sprachlichen Systems oder der sprachwissenschaftlichen Einheit definiert als zweckbestimmt die Vorausbestimmung, die Vorbestimmtheit oder die Ausrichtung dieser Einheiten oder der Elemente, und es ist herbeigerufen von den Bedürfnissen der Nomination und Kommunikation. Die Nomination wird wie der Prozess der Bezeichnung, der Benennung der Gegenstände und der Erscheinungen umgebenden Wirklichkeit von den sprachlichen Mitteln betrachtet. Die Kommunikation wird wie der komplizierte Prozess gedeutet, was wächst aus der Wechselwirkung der folgenden Faktoren: 1) das Subjekt — der Sprecher oder der Autor des schriftlichen Textes; 2) das Objekt — der Rezipient oder der Empfänger; 3) die Sprechfähigkeit; 4) das Ziel, die kommunikative Absicht (die Intention) des Autors des Ausspruchs; 5) der kommunikative Kompetenzbereich des Subjektes und des Objektes des Verkehrs; 6) das Produkt — der Text. Die Sprechfähigkeit besteht im Begreifen des Motives, die Planung konkreten Ziele und ihrer möglichen Realisationen, die Bestimmung konkreten Aufgaben und der Wege ihrer Lösung, im Verständnis und der Entwicklung des Programms konkreten Handlungen, die Ausführung dieser Handlungen unter Berücksichtigung des Programms und in der Kontrolle über die Ergebnisse ihrer Ausführung.

In der modernen sprachwissenschaftlichen Theorie existiert zwei Hauptstandpunkte auf wortbildende Ordnung, auf sein Wesen und die zweckbestimmte Bestimmung: a) die Wortbildung wie das System der Mittel, der Weisen und der Modelle was komplizierte Struktur hat, wortbildend Skelett der konkreten Sprache; b) die Wortbildung wie das System in Betrieb, die dynamische Form der Organisation und Struktur des lexikalischen Bestandes der Sprache was entwickelt sich ununterbrochen und vervollkommnet. Jedoch hat das Recht auf die Existenz noch einen, nicht weniger wichtiger Blick:

die Wortbildung in nominativen und kommunikativen Prozesse, seine Rolle und die Stelle in der Verwirklichung nominativen und kommunikativen Tätigkeit des Menschen. Sie ist mit dem kommunikativen-pragmatischen Herangehen verbunden. In der Forschung stützen wir uns auf wortbildende Modelle, die von der russischen Forscherin M. D. Stepanowa in der Werke — “Wortbildung der modernen deutschen Sprache”, gewählt sind. Unter den Hauptweisen der Bildung der abgeleiteten Substantive wählt der Autor: a) den Typ ohne Suffix; b) der Substantivation; c) der Typ mit dem Präfix; d) der Typ mit dem Suffix; e) der Typ mit Halbräfixe; f) der Typ mit Halbsuffixe; g) der Zusammenbildung [1]. Etwas anderes Herangehen nach der Teilung der abgeleiteten Substantive bieten I. N. Suslow und P. I. Frolowa an. Die Autoren zerschlagen die abgeleiteten Substantive auf 8 Modelle, die es üblich ist, für die Grundlage in den grundlegenden Werken der deutschen Wortbildung zu nehmen: 1) das Modell der wurzelständigen Wörter; 2) das Modell der Wortbildung ohne Affix; 3) das Modell mit Präfix; 4) das Modell mit Suffix; 5) das Modell der Zirkumfixere Wortbildung; 6) das Modell der Grundlagen mit Halbräfixe; 7) das Modell der Grundlagen mit Halbsuffixe; 8) das Modell der bedeutenden Wortbildung.

Man braucht zu bemerken, dass die Existenz der Modelle mit Halbräfixe und Halbsuffixe nicht alle Forscher der Wortbildung anerkennen. So die deutschen Forscher L. Eichinger, P. Eisenberg und F. Simmler vermeiden in allgemeinen in ihren Werken die Begriffe Halbsuffixe und Halbräfixe. Die Autoren betonen, dass im Unterschied zu den einfachen Wörtern, komplizierte und abgeleitete Elemente mit einer bestimmten Motiviertheit charakterisiert werden, die einfachen Wörter nicht gaben. Diese Motivation kann man durch die Gliederung der komplizierten und abgeleiteten Einheiten mit Hilfe der Segmentation der Komponenten auf bestimmte Elemente erklären. Die Autoren verwenden die strukturelle Methode der Analyse wortbildenden

der Modelle, und zwar die Zerlegung auf die unmittelbaren Komponenten.

Man braucht zu bemerken, dass die Struktur der deutschen komplizierten Wörter sehr vielfältig ist. Der einfachste Fall ist die unmittelbare Zusammenstellung der Grundlagen verschiedener Wortarten, zum Beispiel: *Stahlblech, Hartschaum, Liegeplatz*.

Die kompliziertere morphologische Struktur haben die komplizierten Wörter mit den sogenannten Anschlusselementen, zum Beispiel: *Pumpenantrieb, Ortspfahl, Volkswirtschaft, Pferdebahn*.

Im Bestande von deutschen komplizierten Substantiven können sich die vielfältigsten Elemente — die Wörter, die Wortverbindungen, verschiedene Typen der Grundlagen treffen. Im übrigen, von welchen der Charakter der Komponenten nicht wäre, das komplizierte Wort ist einheitlich lexischer Einheit, die über bestimmte Bedeutungen und über die grammatikalische Charakteristik verfügt.

In der semantischen Beziehung werden die komplizierten Wörter damit charakterisiert, dass sie, im Unterschied zu einfach (Stamm-) Wörter, der Motiviertheit verfügen. Zugrunde liegen der semantischen Motiviertheit der komplizierten Wörter die Bedeutung der Komponenten, die das gegebene komplizierte Wort bilden: alle Teile des komplizierten Wortes finden den Ausdruck in den selbständigen Lexemen. Zum Beispiel, die Bedeutung des komplizierten Substantivs *Landhaus* ist mit der Bedeutung des Wortes *Land* und mit der Bedeutung des Wortes *Haus* verbunden.

Außerdem werden im komplizierten Wort die Beziehungen zwischen den Komponenten gut verfolgt, die die Beziehungen zwischen den Mitgliedern der syntaktischen Vereinigungen erinnern.

Jedoch bemerken die Forscher, dass die semantische Motiviertheit der komplizierten Wörter meistens genug bedingt, es ist nicht übereinstimmend mit ihrem gegenständlichen Verhältnis und es nachgibt nicht immer der Bestimmung.

Referenzen:

1. Grimm J. Deutsche Grammatik. Bd. I – IV. 2. Ausg. – Berlin, – 1870–1898; Paul H. Deutsche Grammatik. Bd. V. Wortbildungslehre. 3. Aufl. – Halle (Saale), – 1957. – 329 S.
2. Stjepanowa, M. D. Slowoobrasowanije sowljemjennogo njemjezkogo jasyka/M. D. Stjepanowa. – M.: KomKniga, – 2005. – 378 s.

*Markovskaja Elena Vladimirovna,
Institute of Language, Literature and History
of Karelian Research Centre
Russian Academy of Sciences, Russia
E-mail: greek23@mail.ru*

On the experience of creating genre classification of folkloric materials for electronic catalog of folkloric archival depository of ILLH, KarRC, RAS

Abstract: The research into and the various concepts of genre classification at different stages of Soviet and Russian folkloristics development were reflected in the research paper of scholars working at Institute of Language, Literature and History (ILLH) of KarRC, RAS. The analyzed materials are basically samples recorded in different languages (Russian, Karelian, Veps, Lappish, Ingrian, Finnish). The recordings are stored at Institute's Scientific Archival Depository and Phonogram Archival Depository, the chronological framework being from 1930 to the present day. In the study, the peculiarities of genre classification of folklore samples in the process of creating an electronic archive were analyzed.

Keywords: folklore, genre classification, archive.

The study has been carried out as a part of a research work. Study's topic: "Scientific systematization and preservation of folklore artifacts" № 115022540012

Genre classification still remains one of the main arguable points in the systematization of folkloric materials. Folklore is a reflection of life, and current social phenomena generate new folkloric forms. Some genres become obsolete and disappear, others undergo transformations and hybridizations. As a result, researchers must at all times conceive the everchanging genre systems, enlarge the conceptual framework of folklore and also correct principles of folkloric materials classification, which is required, in particular, for their archival arrangement.

In our opinion, B. N. Putilov was the one who characterized the object field of folkloristics to the fullest extent. He defined five principal viewpoints of researchers on folklore in domestic folklore studies of the 20th century: "Folklore includes the entire complex and the the great variety of forms of traditional culture; to folklore belongs the whole complex of traditional intellectual culture, which is embodied in words, ideas, notions, sounds, motions, actions; folklore only includes the complex of phenomena of intellectual culture that belong to art; folklore is primarily the sphere of oral lore and oral tradition; the sphere of folklore includes phenomena and facts of verbal intellectual culture in all their diversity" [16, 23–24]. V. Y. Propp by folklore meant "only intellectual creation, or even more narrowly, only written word, verbal, poetical works" [5, 18], which means that

his opinion coincides with viewpoint four of the list. B. N. Putilov himself believed that the last assertion defines the sphere of folklore most precisely of all.

It is important to provide the 'final' definition of folklore, fully formed by the end of the 20th century and given in the 'Guidelines for the protection of traditional culture and folklore' — a document, adopted by the 25th UNESCO conference: "Folklore (or traditional folklife culture) represents all the diversity of traditional folk art, characteristic of particular social-ethnical culturally homogeneous environment. The actual carriers of folklore are representatives of that society — individuals and groups. Folklore is a reflection of their social and cultural selfconsciousness and self-identification; it serves to communicate their principles and values through verbal texts, by means of imitation or other tools. The forms of folklore existence and expression are language, literature, music, dance, games, mythology, rituals and customs, crafts, architecture and other types of artistic creation" [cited by: 11, 42].

At the present time, the boundaries between sciences are dissolving and folklorists are working at the junction of object fields of different humanitarian subjects. B. N. Putilov noted the importance of creating interdisciplinary communities of researchers and enhancing the professional development of folklorists in the modern scientific community: "A folklorist shouldn't be afraid that expanding the field of folklore he will inevitably invade the spheres belonging to actual linguis-

tics, dialectology, ethnonymics, etc. The intersection of fields is unavoidable, whereas a strict observance of the boundaries may lead to 'blank spaces', overlooked by science. At the intersection of materials, representatives of different disciplines do not enter into conflict, but come into contact with each other. Ideally, we all should work for multidisciplinary specialization, to combine in one person professional experts in various fields" [16, 25].

In the last decades, the subject area of folkloristics has enlarged considerably, which is confirmed by the publication of materials and studies of urban folklore [18] and school folklore [19], oral history and family narratives [17], semantics and pragmatics of various everyday practices [3]. The authors are certain, that many phenomena of contemporary culture are folkloristic and need thorough description and a deep semantic analysis. The abovementioned studies and treatises in some degree summarize the changes in domestic folkloristics at the turn of 20th-21st centuries and mark out the course and subject matter of further studies.

The problem of classification of folkloric genres resides in the fact that scientists have to adhere to both scientific and practical principles of classification (the latter must be comprehensible and user-friendly for other specialists). A number of genres still do not have an unambiguous definition. We will give just a few examples of such 'problematic' genre definitions. For instance, this is the case of the definition of *chastushka* (a two-line or four-line rhymed poem or ditty on some topical or humorous theme). So, for example, according to A. A. Banin and N. S. Burmistrov, the genre definitions of *chastushka* do not include its cumulative character, which is considered by the authors to be the key characteristic of this genre [2, 49–51]. Also, there is no clear genre distinction between *bylichki* (short stories about supernatural mythological creatures) and *poveriya* (folk beliefs). L. N. Vinogradova believes that the main distinctive feature in this case is either the presence or the absence of a narrative development (storyline). Studying the structure of these narrative genres, the author draws the conclusion that the texts of *poveriya* can hardly be considered an independent folkloric genre. They can be defined as a special type of verbal genres occupying a transitional position between non-fairy tale prose (*bylichki*) and mythological ideas [4, 10–11]. The question of distinguishing a *lubochnaya* (simple popular) fairy tale as an independent genre also needs additional argumentation. So, for example, according to V. Y. Propp, among genres which are "adjacent with a folk fairy tale there are 'folk books', which are commonly called *lubochnyye*. V. Y. Propp distinguished

between two levels of the hierarchy of genres — the folk (*lubochnaya*) book along with the texts that constitute it, which are closer to literary genres (*zhitiye* (biography), *povest* (a short novel)), and folkloric genres (legend, fairy tale) [14, 53]. The idea of distinguishing a *lubochnaya* fairy tale as a genre is supported in the work by K. Y. Korpova [9, 21–23]. The author studies the particularity of a *lubochnaya* fairy tale as a genre and comes to the conclusion that a *lubochnaya* fairy tale is one of the genres of folklife culture 'after folklore'.

One of the new phenomena of folklife culture attracting attention of Russian folklorists in the 20th century was the so called 'naïve literature'. According to the collector S. Y. Nekludov, those texts do not belong either to literature in a narrow sense of the word, neither to written folklore [13]. A special issue of the magazine 'Live antiquity' contained autobiographies, personal diaries, rhymes, poems, elegies, love letters, skits, prison manuscripts giving an idea of 'naïve literature' [6, 2–27].

The problem of the systematization of works under the common name of 'urban folklore' also needs further elaboration. So, for example, in 1999, a representative collection of urban folklore texts was published [5], which included 600 works of 17th-20th centuries, diverse in terms of their genesis and genre distribution. In the review of the publication, Y. A. Kostyukhin emphasizes the need for clear chronological boundaries of the term 'urban folklore' and suggests that the word 'urban' should refer to the modern city which was formed after the abolition of serfdom. With this more precise definition in mind, urban folklore is to be classified as a phenomenon of postfolklore, produced not by old folklore traditions, but by a 'third culture' [10, 51–53].

In Soviet folkloristics, genre classification mostly retained links to literary studies and based itself upon similar principles of genre classification. In 1976, V. Y. Propp published a topical article 'Genre composition of Russian folklore' [15, 35–39], in which he suggested a hierarchical classification: kinds ('rody') > fields > forms ('vidy') > genres > types > storylines > versions > variants. The most general classification category was **kinds** (Rus. 'rody') of folk art: epic poetry, lyric poetry and dramatic poetry. Kinds are composed of **fields**. So, for examples, epics is composed of the fields of epic prose and epic poetry. The fields are made of **forms** (Rus. 'vidy'). The fairy tale belongs to the field of folk prose, it is one of its forms. This form falls into **genres**: magical fairytales, cumulative fairytales, fairytales about animals, about people, etc. As a further more narrow term V. Y. Propp suggests the word '**type**'; types are composed of storylines,

the storylines are made of **versions** and **variants**. This classification provided the basis for many later studies devoted to the problem of folkloric genre classification [7, 21–42; 16, 155–172; 1, 239–251; 20; 12] and others.

It is necessary to dwell upon the term ‘genre’ and particularize its meaning. So, for example, V. Y. Propp defined the genre as an “assemblage of literary monuments, united by the similarity of their poetical system” [15, 36]. Later on, in the works by I. I. Zemtsovsky and B. N. Putilov the attitude towards the term ‘genre’ changes. I. I. Zemtsovsky dwells upon this issue and asserts that “the genre is not only an assemblage of this type of works, but it is also a production of a certain type of works according to certain models on the basis of particular social and creative incentives” [7, 24]. B. N. Putilov drew the line between genres in literature and genres in folkloristics [16, 155]. The definition of the term ‘genre’ still remains a topical problem in folkloristics, and systematization versions to a certain degree depend on the way researchers deal with the problem.

The changes in the perception of the folkloric realm and classification principles of folkloric materials at various stages of the history of folkloristics were reflected in the research of ILLH staff members. In the first phase of folkloric genre systematization, in the Scientific Archival Depository (1930–40s) the collectors only made a most general division: song, *bylina* (Russian heroic epic song) (antiquity), fairytale, ‘zagovor’ (exorcism), ‘plach’ (lamentation, lament), *chastushka*, or the genre was not indicated at all. So, for example, in the description of one of the items of collection 4 (dep. item 25), only the sample name was specified — ‘Of Ivan, the son of a merchant’ and the genre ‘fairytale’ was not stated. In the recording of the fairytale text in collection 5 (dep. item 11), only the name given by the presenter was indicated: “From the life of a soldier’.

Later on, in the 1950s, the genre of each sample was clearly stated, but the problems connected with the classification of materials remained. In the late 1970s, Institute’s staff members decided to make an inventory of each collection, which required new elaborations of genre classification. It proved to be impossible to apply any of the existent classifications, because in the archival deposit there were not only materials on Russian folklore and ethnography, but also collections of Finnish-Ugric materials. In 1978, N. F. Onegina suggested a functional genre-topical classification of folkloric-ethnographic materials for archival deposits of KarRC, RAS, which has been used up to the present time [8, 13–21]. It was used both in the Scientific Archival Depository and the Phonogram Archival Depository, which made it pos-

sible to make a complex systematization of expedition materials according to their common features. Due to the fact that the materials are basically samples written in different languages, the catalog was divided into three sections — Russian folklore, Folklore of Finnic peoples and Ethnography. The numbering of the subsections was consecutive throughout the whole classification scheme.

The section ‘Russian folklore’ included five subsections: **‘epic and folk prose’** (‘*byliny*’ (Russian heroic epic songs); spiritual poetry; historical songs; ballads; magical fairytales; fairytales about animals; daily life fairytales; legendary fairytales; novelistic fairytales; anecdotes (including fairytales about the stupid imp and wild tales); ‘*predaniya*’ (tales); ‘*bylichki*’ (stories about mythological creatures), ‘*byvalschiny*’, ‘*pobyvalschiny*’ (true stories); legends (dreams); ‘*zagovory*’ (exorcisms); parables, prayers; ‘*noviny*’ (new crop songs)); **‘lyric poetry (songs)’** (love songs; family and daily life songs; play songs, ‘*khorovod*’ (round dance) songs, dancing songs; recruiting songs, soldiers’ songs, war songs, marching songs; barge haulers’ songs; robbers’ songs; prison songs, tramps’ songs; bourgeois songs, urban songs; ‘*rabochiye*’ (workmen’s) songs; revolutionary-patriotic songs; lyrical sentimental songs (‘romances’); jocose (joky) songs, satirical songs; *chastushki*; songs of literary origin; ‘*trudovyye*’ (work) songs; other songs without any particular theme line); **‘ritual poetry’** (calendar (agricultural) ritual poetry; hymeneal (wedding) songs; ‘*prigovory družki*’ (bridesman wedding songs), ‘*zdravstvovaniya*’ (‘greetings’); ‘*plachi*’, ‘*zaplachki*’ (wedding lamentations, laments); funeral wailings; recruiting lamentations, military (soldiers’) lamentations; daily life lamentations and others); **‘small genres of folklore and children’s folklore’** (riddles; proverbs, adages; sayings, jokes; folklore for children (lullabies (tales), nursery rhymes, ‘*pestushki*’ (children’s songs and rhymes) and others); children’s folklore (stories, bogeyman stories, tongue twisters, taunts, counting-out rhymes, games, play rhymes, ‘*prigovorki*’, ‘*zaklichki*’ (children’s rhymes addressed to animals or plants), poems, songs, fairytales, etc.); superstitious beliefs connected with housekeeping, the weather, etc.; ‘*priskazki*’ (embellishments of a story, a story-teller’s introduction), ‘*prislovyia*’ (folk-say, household word); nicknames; other small genres); **‘semi-folkloric texts’** (stories based on personal recollections; humorous stories; stories about the existence of different folklore genres; hearsay and rumors; rendering of what was learned directly from literary sources, motion pictures, radio programs, etc. (prose, poetry, songs, etc.); other semifolklore texts).

A different principle of classification was used when forming the section 'Folklore of Finnic peoples', in which the peculiarities of Finnic materials were taken into consideration. So, for example, when describing the songs of this section, the author of the classification considered an additional characteristic — metrical foot. Five subsections were distinguished: **'songs of Kalevala metrics'** (epic songs, lyrical-epical songs; hymeneal (wedding) songs; calendar ritual songs; incantations and exorcisms, etiological runes; cumulative songs (*ketjulaulut*); lullabies; 'noviny' (new crop songs); other ritual songs); **'lamentations'** (funeral wailings; wedding lamentations; recruiting lamentations, war (soldiers') lamentations; daily life lamentations and others, *joiku*); **'strophical rhymed songs'** (lyrical poly-strophical songs; new ballads, lyrical sentimental songs (romances); round dance songs (*piirileikkilaulut*), *röntyskat*, mono-strophical Finnish songs (*rekilaulut*), other dancing songs; *chas-tushki*; satirical songs; recruiting songs, soldiers' songs, war songs; robbers' songs, prison songs, tramps' songs; work and revolutionary-patriotic songs; songs of literary origin; other songs not belonging to any particular theme group); the subsections **'prosaic genres' and 'small genres and children's folklore'** copy those of 'folk prose' and 'small genres and children's folklore' in the classification of Russian folklore.

In addition to the two abovementioned big sections, there is a separate group of 'supporting materials of collectors and other individuals', which present general characteristics of folklore material; biographical and autobiographical information about the presenters; various materials and additional information obtained from the population of the study area (albums, dream-books, etc.); documentation of the expeditions (reports, collectors' diaries and others); illustrations (photographs, drawings, drafts, geographical maps and others); toponyms; anthroponyms; ethnonyms; other data (linguistic, historical).

The third section 'Ethnography' includes such subsections as: household and daily activities, material culture, the family and their daily life, community daily life, religious beliefs and rituals.

With the help of this classification, all the collections of the Scientific Archival Depository have been rearranged and inventories have been made. Each collection is accompanied by a separate inventory containing the following information about each depositary item: the number of the depositary item, the first line or the name of the work, the genre and the page numbers in the collection. In the majority of the inventories, there is

a summary record where all the genres included in the collection are listed and their total number is given. The presence of inventories in the collections facilitates the work of researches looking for a particular genre or even a specific work. In some collections, there is also a list of presenters attached to the inventory.

These major efforts invested into the systematization of materials made it possible in the 1970–90s to work out card-registers, catalogs and indexes of the existing folklore foundations.

Since 1998, in ILLH under the supervision of head of Phonogram Archival Depository V.P. Kuznetsova, a digitalization of sound and manuscript archives began alongside with the creation of information systems, e-catalogs and data bases on folkloric materials. As a result, there emerged a necessity to revise the existing classification of archival materials with due regard for the modern scientific concepts of genre classification and the nuances of entering materials into the e-catalog. The staff members of ILLH (V.P. Kuznetsova and I.A. Razumova) developed an applicative multilevel genre system, at the heart of which lies B.N. Putilov's genre and theme classification, which made it possible to expand the list of genres in the light of the modern understanding of folklore. Consequently, the following sections were distinguished: folklore, ethnography, linguistics, history. We are going to elaborate on the section 'folklore'. Taking cue from Putilov, the following folklore fields were determined: **non-ritual prose, non-ritual song poetry, folklore of ritualized forms (ritual folklore), folklore of speech situations (paramiology), dramatic forms (non-ritual)**. This list is supplemented by fields distinguished on the basis of the materials deposited in the archive: **written folklore forms** (a collection of exorcisms; a collection of prayers; a collection of recipes; a dream-book; a songbook; a maid's album; a soldier's album (notebook); graffiti; a handwritten exorcism (prayer) — an averter; 'a holy letter', 'a luck chain letter'; a talisman text (not an exorcism); hand lettering, inscriptions on pictures, postcards, books), **specialized subculture genres** ('*poteshki*' (nursery rhymes), '*pestushki*' (children's first short songs and rhymes), '*pribautki*' (sayings), *poverku*; children's songs, *lapsien laulu*, *pajo*; '*dokuchmye*' (irksome) fairytales; '*perevyortysi*' (palindromes); sadistic verselets; '*strashilki*' (bogeyman stories), '*antistrashilki*' (anti-boogeyman stories); children's jokes; children's games), **non-ritual non-song poetry** (rhymes), **dance, game (except children's games)** (a circle ('*khorovod*') and its versions ('with a wreath' and others); Russian dance; quadrille; pas

d'Espagne; 'kizha'; 'portyanka'; 'bolvan'; cracovienne (krakowiak); polka), **instrumental music** (shepherd's horn; accordion; balalaika; mandoline; guitar; barabanka; brass band), **supporting materials** (a story of the existence of folklore genres; rendering of what was learned from literary sources, motion pictures, radio programs, etc.; general characteristics of folklore materials; bibliographical remarks on the presenters, elämäkerrat; materials and additional information obtained from the population of the study area (amateur literary compositions, remakes); an informant's letter; documentation of the expeditions (field reports, a collector's diary and others); illustrations (photographs, drawings, drafts, geographical maps, etc.); an essay; autobiographical stories. Such important for any researcher materials oftentimes remained unrecorded.

After determining the field of the sample, at the next stage of this applicative classification, the folklore text is attributed to a particular genre. This is necessary both to facilitate the filling out of the catalog and to search for the materials in the data base. Moreover, for sample description in the catalog both the form definition (e. g., 'a

fairytale about animals' or 'a fairytale joke'), or the genre definition of a particular genre (e. g., 'a fairytale') are used. The double attribution is connected with the fact that in old registers collectors did not always pinpoint the exact genre.

In the newly developed genre classification, researchers did not have to rearrange materials according to the language, because when entering into the e-catalog, for each particular work, the language of the recording is specified, and Finno-Ugric folklore genres are included into the general list of genres. So, for example, in the folklore field 'non-ritual song poetry', bylina is found side by side with eepillinen runo, a dancing song — with piirileikkiaulu, röntyškä, etc.

Computer technology is spreading and now it significantly facilitates the search for materials in separate archives. However, the problem of creating an integrated inter-archive electronic system is still acute, because it would make it possible for researchers to work with materials in different archival catalogs. Perhaps, a further development of electronic systems and cataloguing software will enable scientists to combine data bases.

References:

1. Adonyeva, S. B. Our own speech – a stranger's speech: folklore in the light of pragmatics//Folklore and folklife culture. In memoriam/B. N. Putilov; compiled by Y. O. Putilova; editor-in-chief A. N. Anfertyev; introduction by Y. A. Kostukhin; RAS. Peter the Great museum of anthropology and ethnography (the Kunstkamera). – St.-Petersburg.: St.-Petersburg Oriental Studies, – 2003. – P. 239–251.
2. Banin, A. A., Burmistrov, N. S. Revisiting the problem of the definition and origin of chastushka//Live antiquity. – 1997. – № 3. P. 49–51.
3. Bogdanov, K. A. Everyday routine and mythology: Research into the semiotics of folklore reality. St.-Petersburg: Art – St.-Petersburg, – 2001.
4. Vinogradova, L. N. Bylichki and demonological beliefs: the boundaries of a folkloric text//Live antiquity. – 2004. – № 1. P. 10–14.
5. Urban songs, ballads, romances/Compiled, edited and commented by A. V. Kulagina, F. M. Selivanova. – Moscow: MSU Publishing House, – 1999.
6. Live antiquity. – 2000. – № 4.
7. Zemtsovsky, I. I. Revisiting the theory of genre in folklore.//Artes populares 14, Edited by Vilmos Voigt. Budapest, – 1985. – P. 24–30.
8. Cataloguing of folkloric and ethnographic archival materials on punch cards/Compiled by N. F. Onegina. – Petrozavodsk, – 1978.
9. Korepova, K. Y. An old song to a new tune ...//Live antiquity. – 1997. – № 4. P. 21–24.
10. Kostyukhin, Y. A. A review of the book [Urban songs, ballads, romances/Compiled, edited and commented by A. V. Kulagina, F. M. Selivanova. – Moscow, – 1999.]/Live antiquity. – 2001. – № 4. – P. 51–53.
11. Krawczyk-Wasilewska, V. In defense of folklore, or a dialog between tradition and modernity//Live antiquity. – 1996. – № 4. P. 42–43.
12. Levinton, G. A. Observations on the genre realm of Russian folklore//The fortunes of traditional culture. Collection of articles and materials in memory of Larisa Ivleva, St.-Petersburg: Dmitry Bulanin, – 1998. P. 56–71.
13. Naïve literature: studies and texts/Compiled by S. Y. Nekludov. Moscow: Moscow Public Science Foundation, – 2001.

14. Propp, V. Y. Russian fairytale. Leningrad: LSU Publishing House, – 1984.
15. Propp, V. Y. Folklore and reality. Moscow: Nauka, Chief editorial board of Eastern Literature, – 1976.
16. Putilov, B. N. Folklore and folklife culture. St.-Petersburg: Nauka, – 1994.
17. Razumova, I. A. The innermost knowledge of the Russian family. Daily life folklore. History. – Moscow: Indrik, – 2001.
18. Contemporary urban folklore/editorial board A. F. Belousov, I. S. Veselova, S. Y. Necludov. – Moscow: Russian State University for the Humanities, – 2003.
19. Contemporary school folklore: a textbook and a reading book/compiled by S. M. Loiter, Y. M. Neyelov. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University, – 1995.
20. Schurov, V. M. The genres of Russian musical folklore: an educational aid for conservatories and academies of music. Part 1: History, usage, musical and poetical peculiarities. – Moscow: Music, – 2007.

DOI: <http://dx.doi.org/10.20534/EJLL-16-4-73-77>

*Trendevska Sandra,
Belgorod National Research University
PhD student,
The Institute of Cross-cultural Communications
and International Relations
E-mail: trendevska@mail.ru*

English borrowed interjections and their semantics, role and expressive function in colloquial Russian and Macedonian languages

Abstract: The article demonstrate the expressive function of borrowed interjections in colloquial Russian and Macedonian languages. The given research covers English interjections and their consistency based on a discourse analysis of the context. Work attempts have been made to point the importance of the cross-language influence on a lexical norm. The research include comparative analysis as a method to identify the reasons of using English interjections in contemporary Russian and Macedonian languages.

Keywords: Interjections, English borrowings, Russian language, lexicology, Macedonian language.

*Трендевска Сандра,
Белгородский Государственный Национальный
Исследовательский Университет
Институт Межкультурной коммуникации
и Международных отношений, аспирант
E-mail: trendevska@mail.ru*

Англоязычные заимствованные междометия и их семантика, роль и экспрессивная функция в разговорной речи русского и македонского языков

Аннотация: В статье показана экспрессивная функция заимствованных междометий в русском и македонском языках. Данное исследование охватывает англоязычные междометия и их системность, основанную на контекстуального анализа речи. В работе сделана попытка показать важность межязыкового влияния на лексическую норму. Исследование включает сравнительный анализ

как метод определения причин употребления англоязычных междометий в современном русском и македонском языках.

Ключевые слова: Междометия, английские заимствования, русский язык, лексикология, македонский язык.

Конкретные исследования сознания носителей языка, роль лингвокультурологии как способ описания системности языковой картины мира, языковых контактов и модификации жизнедеятельности людей представляют основой для образования иноязычного лексического принципа, на котором устроена современная система речи. В мировой науке для анализа подобных явлений установлены лексикографические ассоциативные нормы языка, с помощью которых определяется частотность слов не только в речи, но и в тезаурусах. В конце XX в. на базе тезауруса русского языка, который составлен по модели тезауруса английского языка возникает новая научная дисциплина — ассоциативное языкознание. Именно это новое направление дало толчок к новому исследованию бытования языка и культуры, изменения в ассоциативно-вербальном стиле, и построения новой языковой модели с фрагментами разговорного стиля. Одна из особенностей социолингвистики является изучение быстротечно меняющегося общества, межкультурной коммуникации, а также, и вовлеченность говорящих в преобразовании языка в условиях глобализации. Концепт о едином, открытом обществе, в котором существует один язык оспаривается. Контрастная лингвистика, изучающая язык как основное средство общения, выступает с сомнениями о возможности целостного объединения языков. Имея в виду, что нет общечеловеческой культуры, а таким образом и языка, тематический и социолингвистический признаки о межязыковых явлениях дают сведения, что для межязыковых контактов характерны соответствующие отличия на лексическом, грамматическом, орфографическом, орфоэпическом уровнях. В плане взаимодействия культур и языков возникает увеличение объема лексикона за счет новых заимствованных слов. Уделяя внимание на современное состояние русского и македонского языков, сопоставительная филология к вопросу полилингвизма русского и македонского обществах отмечает, что развитие коммуникативных навыков происходит в отношении пополнения лексического состава за счет англоязычных слов. Английскому языку как средство международного общения XXI в. принадлежит роль осуществления социального взаимодействия в условиях динамично развивающегося современно-

го информационного общества. Русский и македонский языки, будучи не застрахованы от иноязычного влияния, являются системами, где языковая действительность составлена не только исконными словами, но и англоязычными терминами.

Подчеркивая важность и актуальность вопроса о заимствованиях предметом нашего исследования является внедрение англоязычных междометий и их экспрессивная функция в молодежной разговорной речи русского и македонского языков. Процесс заимствования можно определить как усвоение новых слов «языком-рецептором», вошедшие в лексический состав из «языка-донора». Следует отметить, что русский и македонский языки не пассивно воспринимают английские слова, в том числе и междометия, а включают их во внутренние словообразовательные языковые отношения. Характерной, а и необходимой чертой ассимиляции англоязычных слов являются существенные различия между контактирующими языками. основополагающим элементом для фонетического приспособления заимствованных слов заключается в идентификации фонем, т. е. к приближению звукокомплекса к нормам фонетической системы языка-реципиента. С фонетической точки зрения, такая адаптация не проявляется, когда речь идет о заимствованных междометиях. Такая часть речи в русском и македонском языках сохраняет звуковые признаки характерные для произношения английского языка. Важно отметить, что англоязычные междометия не встречаются часто в исследуемых нами языках, но выявленные экспрессивные единицы доказывают, что языковое взаимодействие осуществляется на всех уровнях. Особенности, сохраняемые при передаче англоязычных междометий можно выявить с помощью морфологического анализа. Одним из не менее важных аспектов является распределение междометий. Так, по способу образования делятся на первичные (непроизводные) и вторичные (производные). Для первых свойственна односложность, грамматическая неоформленность, они не соединяются с знаменательными частями речи, а в сфере употребления представлены как условные выразители эмоций. К этому виду экспрессивности относятся английские междометия, как например: *Pooh!*, *Bah!*, *Pahaw!*, *Boo!*, *Eh!*, *Ha!*, *Heigh!* и др. Редуплицирование

формы естественное свойство для английского языка, с помощью которого междометия подчеркивают более экспрессивную окраску, как например: *Pooh-Pooh!*, *Vam-Vam!*, *Hubba-Hubba!*, *Oh-Oh!*, *Neener-Neener!*, *Tsk-Tsk!*, *Uh-Uh!* *Ooh-la-la!* и др. Опираясь на разветвленное деление английских междометий, предложенное М. Д. Гутнером, производные междометия имеют нижеперечисленные подгруппы:

- междометия, производные от существительных;
- междометия, производные от прилагательных;
- производное междометие от *tu*;
- междометия, производные от наречий [2, С. 36].

Вопреки существенных различий между английскими междометиями и соответствующими заменами в русском и македонском языках, их употребление и семантическая связь не нарушаются. Особым видом представляет междометие «Bravo», которое является причиной междометных новообразований. С помощью этого междометия в русском и македонском языках передается значение восхищения, а реже отражает наименование продукта, как это бывает в английском, например: *Bravo coast!* *Bravo channel!* *Bravo magazine!* и т. д. Наиболее часто употребляемая экспрессия восхищения в русской разговорной молодежной речи выражается с помощью слова «Классно!», которое может передавать градуальное отношение к действительности. Следует отметить, что междометия, как не служебная и не самостоятельная часть речи показывает настроение и чувства говорящего, но не именует их. Характерными признаками для такой части речи представляет то, что они не содержат лексического значения, и не дают ответы на вопросы. В филологической науке междометия представлены как неизменяемые сочетания слов, которыми выражаются человеческие произвольные восклицания в русском языке, с помощью таких единиц, как: *Ай!*, *Ой!*, *О!*, *Цыц!*, *Батюшки мои!*, *Тьфу!*, *Ну и ну!*, *Айда!*, *Здорово!*, *Вот еще!*, *Караул!*, *Да что ты!*, *Ну что вы!*, *Матушки!*, *Ба!*, *Ура!*, *Чур!*, *Чи!*, *У!*, и т. д., а в македонском языке с помощью таких единиц, как: *Оф!*, *Леле!*, *Еј!*, *Куц-куц!*, *Тинтири-минтири!*, *А-ха!*, *Ој!*, *О!*, *Пис!*, *Ела!*, *Пи-пи-пи!*, *Чкрип-чкрип!*, *Трупа трап!*, *Тапа туп!*, *Циу циу цив!*, *Гили-гили!*, *Цап-цап!*, *Ауф!*, *Аман!*, *дрн-дрн!* и т. д. На протяжении многих лет такой разряд слов рассматривался по-разному, с точки зрения философии, лингвистики, семиотики, семантики и т. п. Своеобразие междометий приводят к тому, что качества и принадлежность этих слов к определенной языковой категории в языкознании остается спорным и нерешенным вопросом. Интерес к изучению

междометия поднимается в связи с теориями о происхождении языка, ссылаясь на междометной гипотезе о появлении слов на основе нечленораздельных выкриков. По этому поводу А. А. Потемня писал, что «слова должны были образовываться из междометий, потому что только в них человек мог найти членораздельный звук» [8, С. 93]. По значению междометия разделяются на три группы: эмоциональные (прототипические и вторичные), побудительные (первичные и вторичные) и звукоподражательные. В современном македонском языке расширенное употребление имеют вторичные. Под прототипическими междометиями понимается психофизическое состояние говорящего, экспрессивными (вторичными) описываются словесные знаки, а побудительными являются сигналы направленные на управление поведения слушающего. Являясь предметом нашего исследования экспрессивные междометия, как проявления ментального состояние говорящего, подразделяются на две группы: эмотивные и когнитивные. Отдельную группу представляют конатативные междометия к которым относятся единицы предназначенные для слушающего. Рассматривая экспрессивную роль междометных форм Н. А. Кобрина отмечает, что «эмоциональная речь имеет тенденцию выражаться в кратчайших формах, в которых опускаются отдельные компоненты, выражающие лексические значения» [5, С. 132]. Несмотря на факт, что заимствование как динамично развивающийся процесс нечасто охватывает междометий как распространенное явление, такая часть речи в русском и македонском языках все-таки заимствуется. Для разговорной молодежной речи общеупотребительными стали англоязычные междометия, как например:

Интересно заметить, что заимствованные междометия не только в русском, но и в македонском языках, употребляясь в качестве целого заменителя высказывания, обозначают самостоятельное речевое действие. С одной стороны, такая синкретическая функция, является признаком метаязыковой роли междометных слов, но с другой стороны, экспрессивная функция представляет основным средством отражения эмоций в речи, но при этом не называет их. Имея в виду, что предложения, содержащие такие выкрики, зависят и от контекста, следует подчеркнуть, что полисемантичность для такой части речи не характерна, а это относится и к заимствованным междометиям, в нашем случае заимствованных англоязычных. По словам Н.А Кобриной «в английском языке междометия являются словами-предложения

или вводными фразами, а также могут сочетаться с предлогами и принимать функции других частей речи» [4, С. 208]. Имея в виду изменения в лексике разговорного молодежного стиля, воспроизведение экспрессивности с помощью «междометия, выражающие данные эмоции, оказывают огромное воздействие на социальную жизнь говорящего». [3, С. 128]. Исследование междометных единиц в русском и македонском языках как способ высказывания базовых чувств показало, что использование их в разговорной речи непосредственно зависит от выражаемых ими эмоций.

Таблица 1.

Английский язык	Русский язык	Македонский язык
wow	вау, уау	вау
hallo	алло	ало
tic-tac	тик-так	тик-так
ding-dong	динг-донг	динг-донг
yuppie	яппи	јупи
yes	йес	јес
oops	упс	упс
boo	бу	бу
yo-ho-ho	йо-хо-хо	јо-хо-хо
ouch	ауч	ауч
bla-bla	бла-бла	бла-бла
bam	бам	бам
chic	шик	шик
boom	бум	бум
bang-bang	бенг-бенг	бенг-бенг
cool	кул	кул
bye-bye	бай-бай	бај-бај
meow-meow	мяу-мяу	мјау-мјау
hi	хай	хај
pew-pew	пау-пау	пау-пау
oh-la-la	о-ла-ла	о-ла-ла
hey	хэй	хеј
bingo	бинго	бинго
ow	оу	оу
hurrah	ура	ура
woo-hoo	ву-ху	ју-ху
dang	данг	данг
psst	тссс	пссст
achoo	апчхи	апчи
yum-yum	ням-ням	њам-њам
hip-hip	гип-гип	хип-хип
hah-hah	ха-ха	ха-ха
yummy-yummy	ями-ями	јами-јами

Учитывая вышеизложенное отмечаем, что языковые контакты создают за собой не только новые заимствованные идеи, предметов, представлений,

но и целый ряд лексических определений. Рассматривая словообразовательный путь заимствованных слов к внедрению их в лексической среде В. В. Колесов считает, что «одно поколение может принять в свой лексикон около двух тысяч новых заимствований» [6, С. 180]. Англоязычные слова в русском и македонском языках всегда вызвали массу обсуждений, а такому вопросу уделяется должное внимание. По этому поводу В. Г. Костомаров заявляет, что «заимствования из американского варианта английского языка многие считают самой яркой чертой нашего сегодняшнего языкового развития, сравнивая их поток с французским наводнением, пережитым в XVIII веке» [7, С. 110]. Массовое функционирование англоязычных междометий в разговорной речи русского и македонского языков доказывает их способность воздействовать на языковую норму. Тем не менее, Ф. П. Филин подчеркивает, что «большая употребительность того или иного варианта далеко не всегда может быть достаточным основанием для того, чтобы считать этот факт образцовым, единственно правильным» (Филин 1966, С. 20). К такому мнению относим исконную форму русских и македонских междометий равносильных по значению англоязычным, о чем свидетельствуют нижеуказанные примеры:

Таблица 2.

Английский язык	Русский язык	Македонский язык
ding-dong	дзынь-дзынь	спн-спн
bang-bang	пиф-паф	паф-паф
wow	ой, ай, ух, ох	охо, ау, леле, ој
bam	шлеп	трас
ouch	ой, ай	уф, оф

Важность изучения данного вопроса связанная с необходимостью выявить последствий как для русского, так и для македонского словарного фонда, а также и уточнить теоретические основы междометных форм. Несмотря на то, что полное приспособление таких заимствований и не случилось, формальная недоосвоенность не препятствует их широкой применимости. Мало сказать, что англоязычными междометиями выражается лишь экспрессивное речевое действие и что такие единицы оказывают влияние только на лексику, они по-прежнему имеют воздействие на человеческую ментальность, о которой высказалась З. Сабитова в своей книге «Лингвокультурология», цитируя слова В. В. Колесова: «ментальность — это мирозерцание в категориях и формах родного языка, соединяющее интеллекту-

альные, духовные и вольные качества национального характера в типичных его проявлениях» [9, С. 307]. Следует отметить, что русский и македонский языки не впервые испытывают на себе мощный наплыв иноязычной лексики, в том числе и англоязычной, подчеркивая, таким образом, открытость общества. В ходе изучения нововозникших англоязычных формы придерживались двух теорий, связанных с употреблением таких лексем: оправданной и неоправданной. Первая теория возникает в случаях, когда в исконной лексике не имеется соответствующая замена для обозначения нового понятия, предмета, действия, таким образом, заимствования обогащают лексику. О таком оправданном заимствовании В. Г. Белинский пишет, что «если бы употребление в русском языке иностранных слов и было злом, — оно зло необходимое, корень которого глубоко лежит в реформе Петра Великого, познакомившей нас со множеством до того совершенно чуждых нам понятий, для выражения которых у нас не было своих слов. Поэтому необ-

ходимо было чужие понятия и выражать чужими готовыми словами» [1, С. 122–123]. Вторая теория рассматривает использование заимствованных слов при наличии исконных, равносильных по значению иноязычным словам. Имея в виду лексическое богатство русского и македонского языков, любое неуважительное отношение к языку, оправдывающее вторую теорию, оцениваем как искажение лексики, а также и как оскорбление достоинств материальной и духовной культуры. Тем не менее, основываться на две крайности характерно для полемики о языке, но не и для практики употребления таких лексем. Следует подчеркнуть, что главный недостаток разговорной молодежной речи россиян и македонцев является не только насыщенность англоязычных терминов и фраз, но и плохое, приблизительное знание значения «модных» выражений. В итоге, отметим, что бережное отношение к новым словам, уделяя внимание языку, является верным подходом к сохранению, развитию и избежанию падения грамотности общества.

References:

1. Belinsky V. G. – 2012. A look at Russian literature 1846–1847. – Moscow. – P. 122–123.
2. Gutner M. D. – 1962. An experience in classification of interjections in modern English language // Problems of language and literature. – Moscow, – P. 36.
3. Carroll E. Izard. – 2000. Psychology of emotions. – St. Petersburg, – P. 128.
4. Kobrina N. A. – 1999. Grammar of English language. – St. Petersburg, – P. 208.
5. Kobrina N. A., Korneeva E. A. – 1999. Grammar of English language. Morphology. Syntax. – St. Petersburg, – P. 132.
6. Kolesov V. V. – 1998. Russian speech. Yesterday. Today. Tomorrow. – St. Petersburg, – P. 180.
7. Kostomarov V. G. – 1999. Language taste of the era. – St. Petersburg, – P. 110.
8. Potebnya A. A. – 1952. Words and myths. – Kiev, – P. 93.
9. Sabitova Z. K. – 2013. Linguoculturology. – Moscow, – P. 307.

Contents

Section 1. Linguistics	3
<i>Vasilishina Elena Nikolaevna</i> Atypical stylistic devices in journalistic texts	3
<i>Gasimova Naila, Huseynova Farida</i> How to learn trust and confidence when we write letters, reports, email messages or other business documents.....	6
<i>Yermakova Nataliia</i> Eurysemy vs Polysemy.....	10
<i>Kolev Dimitar</i> New lexis in the area of sports in Bulgarian and Czech language.....	12
<i>Manssour Habbash</i> Online Sources in EFL/ESP Classes at Saudi Arabian Universities for Creating LASS.....	15
<i>Mehmeti Flutura</i> Analysis of the nominal signs in the text of “Martesa e Halilit” song and in the translated version in German by M. Lambertz.....	24
<i>Mirzakhanyan Nelli</i> Interpretation of the world through folklore (based on Chukotka and Alaska Eskimos data).....	28
<i>Nevreva Maria Nikolaevna, Lebedeva Elena Victorovna, Gvozd Olga Viktorovna</i> Statistics of noun morphological derivation in the scientific functional style text corpora.....	31
<i>Savić Aleksandra</i> The current linguistic situation in Bosnia and Herzegovina.....	34
<i>Khoshimkhujaeva Mokhirukh Muzaffarovna</i> Anthroponyms in English, Russian and Uzbek phytonyms	36
Section 2. Literature	40
<i>Abdurahmonov Abilzhon Abdusamatovich</i> The tradition and innovation color Naming in poetry	40
<i>Bovkunova Oksana Volodymyrivna</i> From Mannerism to Baroque: poetics peculiarities of “arcadia” genre by PH. Sidney	42
<i>Vlasova Natalya Petrovna</i> Extralinguistic factor of literary text (By the example of the novel by M. Drabble “The Garrick Year”	45
<i>Vorobyeva Alexandra Nikolaevna</i> The motive of confusion of a man in modern literature.....	47
<i>Zahra Sonia Barghani, Anushiravani Alireza</i> Biblical tale turned blockbuster thriller: the adaptation of Noah (2014).....	50
<i>Kobzar Iuliia</i> Literarische Repräsentation der Grenze in Jura Soyfers „Lied von der Grenze“	57
Section 3. Philology	60
<i>Ilchuk Olha Andriivna</i> Das konzeptuelle metonymische Modell der abgeleiteten Substantive des modernen Deutsch mit den heimischen Suffixen	60
<i>Korovina Nadezhda</i> Types of storytellers Komi people.....	62
<i>Maherramova Malahat Abdurrahman kizi</i> Theoretische und methodologische Grundlage der Forschung des funktionalen Modells der Wortbildung.....	65

Markovskaja Elena Vladimirovna

On the experience of creating genre classification of folkloric materials for electronic catalog of folkloric archival depository of ILLH, KarRC, RAS 68

Trendevska Sandra

English borrowed interjections and their semantics, role and expressive function in colloquial Russian and Macedonian languages 73

